

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Институт гуманитарных наук и искусств

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ**

*Материалы межвузовской научной конференции,
6 марта 2012 г.
Екатеринбург*

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2012

ББК Ш141.12е(2)лО
Н766

Н766 Новые подходы к изучению семантики : материалы межвуз. науч. конф., 6 марта 2012 г., Екатеринбург / [сост. Т. М. Воронина, А. М. Плотникова]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 170 с.

ISBN 978-5-7996-0847-7

Основу сборника составили материалы участников проблемной группы «Русский глагол». В центре внимания авторов настоящего сборника оказываются различные объекты: языковая система, отдельные лексические единицы и классы слов, высказывания, речевые жанры, художественные тексты, однако объединяет предлагаемые статьи общий когнитивно-дискурсивный подход и обращение к данным идеографических словарей, в которых находит отображение языковая картина мира. В статьях рассматривается широкий круг проблем, касающихся семантики слова, предложения и текста.

Сборник предназначен для специалистов-филологов и может быть интересен аспирантам, студентам, а также всем, кого интересуют проблемы языка.

ББК Ш141.12е(2)лО

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ДИСКУРСА И АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

© Л. Г. Бабенко
УрФУ

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СВЕТЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Коммуникативное пространство текста — это сложно организованное множество иерархически организованных и коммуникативно актуализованных смыслов, включенных в общетекстовое семантическое пространство наряду с концептуальной, денотативной и эмоционально-оценочной информацией. Оно формируется, во-первых, благодаря внутритекстовым коммуникативным механизмам и, во-вторых, межтекстовым взаимодействиям разного рода.

В первом случае для формирования коммуникативного пространства большое значение имеют специфика актуального членения в тексте, особенности тема-рематического развертывания в нем, архитектоника используемых коммуникативных регистров, а также характер рематических доминант, свойственных тексту. При подобном подходе текст рассматривается в статическом аспекте как автономная замкнутая структура, вследствие чего и его коммуникативное пространство представляет собой условно замкнутую структуру.

Во втором случае речь идет о коммуникативном пространстве текста, формируемом на основе категорий диалогичности, интертекстуальности, т. е. с учетом межтексто-

вого взаимодействия, при котором текст рассматривается в динамическом аспекте. В этом случае можно говорить о межтекстовом открытом коммуникативном пространстве текста, когда оно расширяется в результате диалога автора с читателем, другими авторами, за счет включения в тело текста других текстов.

Кроме того, расширенное коммуникативное пространство текста, рассматриваемое с учетом категории диалогичности, предусматривает привлечение к его анализу и теории речевых жанров. В данной статье именно этот аспект изучения коммуникативного пространства текста будет предметом рассмотрения: в качестве материала изучения используются стихотворения Б. Садовского.

Одним из первых исследователей речевых жанров был М. М. Бахтин, который к речевым жанрам относил относительно устойчивые типы высказываний, функционирующие в разных сферах речевого общения, обусловленные социальными нормами и стереотипами общения [2: 237]. У него понятие речевого жанра — реплика, высказывание в диалоге (включая роман, повесть) как факт социального взаимодействия. Он же отмечал богатство, разнообразие и необозримость речевых жанров, репертуар жанров в каждой сфере.

Именно М. Бахтину принадлежит идея речевых жанров. Но научный парадокс заключается в том, что высказанные им достаточно давно идеи относительно речевого жанра стали активно обсуждаться и развиваться только в конце XX столетия. Современная теория речевых жанров стала развитием работ М. Бахтина, на основе которых возникла новая наука — жанроведение (см. работы А. Г. Баранова, В. Е. Гольдина, В. В. Дементьева, В. А. Салимовского, К. Ф. Седова, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелевой и др.).

В настоящее время в лингвистике наблюдается различное понимание природы речевого жанра. Во-первых, вслед за М. М. Бахтиным, речевой жанр традиционно рассматривается как тип высказывания в диалоге, при этом высказывание понимается в широком смысле, включая повесть и роман. Во-вторых, речевой жанр рассматривается как устойчивый тип текста [4]. В-третьих, речевой жанр интерпретируется

как типовая ситуация общения, оформленная по определенной регулярной модели [3]. Все эти трактовки в целом не противоречат друг другу, а скорее дополняют друг друга, так как акцентируют разные аспекты одного речевого явления: коммуникативно-содержательный аспект (1-й подход), композиционно-текстовый аспект (2-й подход), структурно-денотативный аспект (3-й подход).

Анализируя литературно-художественные произведения с позиций теории речевого жанра, мы исходим из того, что признаками его, как отмечает Т. В. Шмелева, являются коммуникативная цель, образ автора, образ персонажа, фактор коммуникативного прошлого, согласно которому различаются инициальные и реактивные речевые жанры, их событийное содержание [6; 7].

Еще одна важная для текстового анализа речевых жанров идея М. М. Бахтина — разграничение первичных (элементарных, простых) и вторичных (сложных, комплексных) речевых жанров. Сейчас по отношению к ним используются и другие термины: элементарные, простые жанры и сложные, комплексные речевые жанры. Последние возникают именно в сфере культурного общения — художественного, научного. Они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные речевые жанры, сложившиеся в сфере непосредственного речевого общения, которые в составе сложных речевых жанров утрачивают свою самостоятельность и непосредственную отнесенность к действительности, трансформируются и входят в художественную действительность в составе сложных речевых жанров, выполняя текстообразующую функцию. Сейчас достаточно хорошо изучены первичные речевые жанры (например, ссора, утешение, просьба, обвинение, уговор, спор, болтовня, комплимент, совет, угроза и мн. др.), хотя нет их системного описания, нет общей типологии. Что касается сложных речевых жанров, нет общепринятой модели их анализа, не разработана концепция их текстовой природы.

Каждое литературно-художественное произведение является сложным речевым жанром, представляющим собой уникальную структуру, компонентами которого являются простые речевые жанры, целостность которой обладает

определенным композиционным единством. Эту целостность можно обозначить как внутрижанровую структуру [1: 80]. Анализируя ее, нужно учитывать диалогическую природу литературно-художественных произведений, их многоголосие, полифонизм, обусловленные множеством точек зрения, формируемых прежде всего наличием двух глобальных антропоцентров художественного текста: образа автора и образов персонажей. Простые речевые жанры, представленные в репликах персонажей и в авторском повествовании, трансформируются в составе целого литературного произведения как сложного речевого жанра и представляют собой совокупность речевых жанров, выполняющих различные текстовые функции. Выбор речевого жанра и их комбинаторику в условиях литературно-художественной коммуникации определяют содержание литературно-художественного произведения, особенности сюжета, индивидуально-авторского стиля речи [1: 80–94].

Речевые жанры в составе текста представляют собой, во-первых, определенный набор, совокупность первичных жанров, функционирующих в нем. Во-вторых, они организованы в иерархическую структуру. Вследствие этого анализ коммуникативного пространства текста с позиций теории речевого жанра включает два этапа. На предварительном этапе анализа рассматривается вся совокупность использованных в тексте речевых жанров в их последовательности как определенное композиционное построение с целью выявления всех разновидностей речевых жанров и их количественной представленности и соотносительности. На основном этапе исследования внутрижанровая структура, состоящая из простых речевых жанров, исследуется с учетом их текстовой значимости и текстовой функции и, следовательно, с учетом внутритекстовой иерархии. В качестве примера возьмем следующее стихотворение Б. Садовского.

Верни меня к истокам дней моих.
Я проклял путь соблазна и порока.
Многообразный мир вдали затих,
Лишь колокол взывает одиноко.

И в сердце разгорается заря
Сияньем не вечернего светила.

О, вечная святыня алтаря,
О, сладкий дым церковного кадила!

Заря горит все ярче и сильней,
Ночь умерла, и пройдены мытарства.
Верни меня к истокам первых дней,
Введи меня в немеркнувшее царство.

1935

На предварительном этапе исследования речешанровой структуры данного стихотворения мы выявили такую последовательность речевых жанров: просьба — исповедь — просьба. В свою очередь жанр исповеди является комплексным, в его составе есть признание-рефлексив, репрезентатив, эмотив-рефлексив с образной семантикой состояния душевной благодати и надежды, жанр оценки, вновь повторяется эмотив-рефлексив с образной семантикой состояния душевной благодати и надежды на основе развертывания и усиления ранее репрезентированной метафоры *заря-надежда*. Завершается стихотворение речевым жанром просьбы. Количественная представленность жанров такова: просьба — 3, эмотив-рефлексив — 3, репрезентатив — 1, оценка — 1. Как видим, по частотности преобладают речевые жанры просьбы и эмотивы-рефлексивы.

Анализ текстовой представленности и текстовых функций использованных речевых жанров показывает, что именно жанр просьбы занимает доминирующую позицию во внутривидовой структуре данного стихотворения. Он занимает самые сильные текстовые позиции: начала (*Верни меня к истокам дней моих*) и конца стихотворения (*Верни меня к истокам первых дней, / Введи меня в немеркнувшее царство*). В этом небольшом стихотворении в речевом жанре просьбы представлены три высказывания, два из которых тождественны по смыслу, в них повторяющимся ключевым глаголом-репрезентантом сути просьбы является глагол-императив *верни*, выражающий просьбу лирического субъекта о возвращении к *истокам первых дней*. В данных высказываниях в роли автора просьбы выступает лирический субъект, содержание просьбы выражено императивными высказываниями, а вот адресат просьбы прямо не обозначен, есть лишь косвенные указания

на него, можно лишь догадываться, к кому обращается лирический субъект. Такой подсказкой являются высказанные лирическим субъектом желаемые действия, события, которые могут быть осуществлены только Высшими Силами. Особенно ясно это становится в третьем высказывании, в котором глагол *введи* и локатив *в немеркнущее царство* прямо указывают на Бога, единственно способного исполнить просьбу лирического субъекта.

В лексическом, грамматическом и интонационном оформлении трех высказываний, представляющих речевой жанр просьбы в анализируемом стихотворении, наблюдается синтаксический и грамматический параллелизм, полный тождественный лексический повтор, актуализирующие текстовую значимость этого речевого жанра и усиливающие семантику просьбы, которая по параметру интенсивности, по накалу выражаемых эмоций воспринимается как просьба-мольба.

Исследователи речевого жанра просьбы относят его к императивным жанрам, коммуникативная цель которых — осуществление адресатом предписанного автором действия, а в качестве обязательных его параметров отмечают фактор автора, фактор адресата, специфику языкового воплощения [5], [8]. Не менее важными составляющими этого жанра являются объект-содержание просьбы и ее мотивация. Обычно просьба чем-либо инициируется, чаще она является осознанным, обусловленным какими-либо причинами, обстоятельствами речевым актом, реже — импульсивным, неосознаваемым. Это отражается и в структуре речевого жанра просьбы, в котором наряду с автором, адресатом, содержанием просьбы имеется позиция аргументации, мотивации просьбы. В анализируемом тексте эту функцию выполняет комплексный речевой жанр исповеди, в котором самая первая фраза признание-рефлексив (*Я проклял путь соблазна и порока*) — это аргументация высказанной ранее просьбы и одновременно причина последовавшего за этим существования, которое также объясняет высказанную просьбу. Следующие две фразы — репрезентативы (*Многообразный мир вдали затих, / Лишь колокол взывает одиноко*). Они сигнализируют о наступившем одиночестве лирического субъекта, отказавшегося от многообразного мира,

в котором он прошел путь соблазна и порока и в котором он слышит только звук колокола. Далее эмотив-рефлексив с образной семантикой состояния душевной благости и надежды (*И в сердце разгорается заря / Сияньем не вечернего светила*), его функция — самовыражение внутреннего эмоционального переживания лирического персонажа.

Следующий речевой жанр — это оценка. Два высказывания, выражающие оценку восхищения (*О, вечная святыня алтаря, / О, сладкий дым церковного кадила!*), непрямо указывают на новые душевные ориентиры лирического субъекта, связанные с нравственными религиозными ценностями, к которым он пришел. Именно они освобождают лирического субъекта от земного пути *соблазна и порока* и свидетельствуют о его духовной готовности перехода *в немеркнувшее царство*. Следующий за оценкой эмотив-рефлексив образными средствами подчеркивает эту границу перехода (*Заря горит все ярче и сильнее, / Ночь умерла, и пройдены мытарства*). В нем метафорическими средствами актуализируется важный для жанра просьбы фактор времени: фактор прошлого (*Ночь умерла*) и фактор будущего (*Заря горит все ярче и сильнее*).

Итак, во внутрижанровой структуре анализируемого стихотворения вершину иерархии использованных речевых жанров занимает речевой жанр просьбы-мольбы, автор которой — лирический субъект, адресат — Бог, функцию аргументации просьбы выполняет комплексный речевой жанр исповеди, представляющий собой психологическое самовыражение лирического субъекта, объясняющего смысл просьбы мытарствами пройденного жизненного пути.

Мы привели опыт речежанрового анализа одного стихотворения Б. Садовского. Для того чтобы выявить более убедительно особенности функционирования этого речевого жанра и его текстообразующие функции в творчестве избранного автора, следует привлечь для анализа более широкий поэтический контекст автора. Как показал анализ материала, для поэзии Б. Садовского этот речевой жанр действительно характерен, причем текстовые модификации его разнообразны, они имеют как сходство, так и различия. Обратимся к стихотворению «Мне ничего не надо»:

Мне ничего не надо.
 Поздно мне воровать.
 В жизни моя награда.
 Боже, позволь мне жить.

Тебе ли угодно было
 Венец обесславить мой,
 Черных ли ратей сила
 Издевается надо мной.

В смертной глухой трясине
 Под холодным ливнем томясь,
 Не хочу я молиться тине,
 Славословить земную грязь.

Вот на миг дожди отступили.
 Отдохну и я в темноте.
 Боже, дай подышать без цели,
 Помолиться чужой красе.

Пусть ворота святого сада
 Дано другим сторожить:
 Мне ничего не надо,
 Только позволь мне жить.

В этом стихотворении, как и в предыдущем, доминирующим речевым жанром, выполняющим текстообразующую функцию, является речевой жанр просьбы-мольбы. Высказывания с семантикой просьбы повторяются в тексте также трижды: в первой строфе стихотворения (*Боже, позволь мне жить*), в четвертой (*Боже, дай подышать без цели, / Помолиться чужой красе*) и в конце завершающей пятой строфы (*Только позволь мне жить*). Троекратный повтор одной и той же просьбы подчеркивает ее текстовую значимость и интенсивность, преобразуя в речевой жанр просьбы-мольбы. Сходство с предыдущим стихотворением в том, что в нем также автор просьбы — лирический субъект, адресат — Бог, который в данном стихотворении, в отличие от предыдущего, прямо обозначен в первом и втором высказываниях. Использование обращения смягчает категоричность просьбы, дополняет ее модальным смыслом желательности.

Аргументация просьбы в этом стихотворении также имеется, но позиция ее в стихотворении иная: с нее начи-

нается стихотворение, она предваряет просьбу и предстает в речевом жанре эмотива-рефлексива, в котором лирический субъект сообщает о полном отказе от всего, об отсутствии необходимости чего-либо, потребности в чем-либо (это подчеркивается инверсией, выдвижением в центр высказывания отрицательного местоимения (*Мне ничего не надо*), о нежелании надеяться на что-либо (*Поздно мне ворожить*) и о самоценности жизни как таковой (*В жизни моя награда*). Отличие этого стихотворения от предыдущего заключается в характере обозначенного лирическим субъектом желаемого события: лирический субъект, находящийся за порогом жизни, взывает к Богу с просьбой дать ему возможность *только жить*. Косвенными знаками того, что проситель находится за порогом жизни, является вторая и третья строфы, в которых в речевом жанре размышления (*Тебе ли угодно было / Венец обесславить мой, / Черных ли ратей сила / Издевается надо мной*) и эмотива-рефлексива (*В смертной глухой трясине / Под холодным ливнем томясь*) лирический субъект заявляет о нежелательности испытываемого им состояния (*Не хочу я молиться тине, / Славословить земную грязь*). В предыдущем стихотворении все наоборот: лирический субъект, испытав мытарства жизни, обращается к Богу с просьбой ввести его *в немеркнувшее царство*. В рассмотренных стихотворениях не совпадает фактор прошлого, обуславливающий содержание просьбы (фактор будущего), но совпадает то, что желаемые события, о которых сообщает лирический субъект, могут быть осуществлены только Высшими Силами.

Итак, во внутрижанровой структуре рассмотренного стихотворения вершину иерархии занимает речевой жанр просьбы-мольбы, автором которой является лирический субъект, адресатом — Бог, функцию аргументации просьбы выполняет речевой жанр эмотива-рефлексива, в котором лирический субъект сообщает о полном отказе от всего, об отсутствии необходимости чего-либо, потребности в чем-либо ради желания просто жить. Объяснение подобной просьбы содержится в речевых жанрах размышления и эмотива-рефлексива, в которых косвенными средствами изображается состояние лирического субъекта, находящегося за порогом

жизни, который заявляет о нежелательности испытываемого им состояния.

Обратимся еще к одному стихотворению Б. Садовского из цикла «Самовар».

Умной женщине

Не говори мне о Шекспире,
Я верю: у тебя талант.
И ты на умственном турнире
Искуснее самой Жорж Санд.

Но красотой родной и новой
Передо мной ты расцвела,
Когда остались мы в столовой
Вдвоем у чайного стола.

И в первый раз за самоваром
Тебя узнал и понял я.
Как в чайник длительным ударом
Звенела и лилась струя!

С какою лаской бестревожной
Ты поворачивала кран,
С какой улыбкой осторожной
Передавала мне стакан!

От нежных плеч, от милой шеи
Дышало счастьем и теплом.
Над ними ангел, тихо рея,
Влюбленным трепетал крылом.

О, если б покоровишись чарам,
Забыв о книгах невзначай,
Ты здесь, за этим самоваром
Мне вечно наливала чай!

Это стихотворение также является еще одним вариантом речевого жанра просьбы. Его отличительная особенность — это прямое обозначение адресата просьбы — умной женщины — в сильной позиции заглавия текста и явно выраженной лексически коммуникативной оппозиции Я (лирический субъект) и Ты (умная женщина). В нем используется следующая совокупность линейно расположенных первичных речевых жанров: просьба; эмотив — рефлексив; интеллектуальная оценка; признание, включающее в себя метафориче-

ское описание, эмотив-рефлексив, эмоциональная оценка, метафорическое описание; просьба-пожелание. Как видим, опять наблюдается кольцевое расположение простых речевых жанров в составе стихотворения: оно начинается и заканчивается просьбой, это, так же, как и обозначение адресата в позиции заглавия, позволяет отнести речевой жанр просьбы к доминирующему жанру во внутрижанровой структуре этого стихотворения. Остальные речевые жанры занимают зависимые позиции. Обращает на себя внимание характер просьбы: если в первом высказывании она категорична, о чем говорит использование императивной конструкции с отрицанием в сильной позиции начала предложения (*Не говори мне о Шекспире*), то в последнем высказывании она имеет смягченный характер, это, скорее, просьба-пожелание (*О, если б покоровишись чарам, / Забыв о книгах невзначай, / Ты здесь, за этим самоваром / Мне вечно наливала чай*). Использование условно-побудительной, а не императивной конструкции, эмоционального восклицания в начале высказывания, косвенно выраженного пожелания быть вместе (*если б... Ты... Мне вечно наливала чай!*) является основанием отнесения данного высказывания к речевому жанру просьбы-пожелания.

Во внутрижанровой структуре этого стихотворения сразу после первого высказывания-просьбы следует ее аргументация в форме речевого жанра эмотива-рефлексива, в котором лирический субъект, обращая свою просьбу к умной женщине, объясняет ненужность разговора о Шекспире своим эмоционально-интеллектуальным отношением к ней, пониманием ее превосходства в этой области (*Я верю: у тебя талант. / И ты на умственном турнире / Искуснее самой Жорж Санд*). Важным параметром в данном стихотворении является локативный параметр. В первой строфе это указание на отвлеченный *умственный турнир*, где место умной женщины и где проявляется ее талант. Все последующие строфы связаны с высказанными в первой строфе просьбой и заверениями лирического субъекта отношениями дизъюнкции, репрезентируемыми союзом *но*, используемым в начале второй строфы. Эти строфы противопоставлены первой строфе по локативному параметру: в них пространство предельно кон-

кретно и замкнуто: описываемое событие разворачивается в столовой (*Когда остались мы в столовой / Вдвоем у чайного стола*), где Умная женщина совсем иначе воспринимается лирическим субъектом (*И в первый раз за самоваром / Тебя узнал и понял я*). Эти четыре строфы представляют собой речевой жанр признания в любви, но не прямо высказанного признания, а косвенного. Средствами его репрезентации являются метафорические описания образа любимой, насыщенные эмотивной лексикой (*Но красотой родной и новой / Передо мной ты расцвела <...> От нежных плеч, от милой шеи / Дышало счастьем и теплом*), высказывания с оценкой восхищения (*С какою лаской бестревожной / Ты поворачивала кран, / С какой улыбкой осторожной / Передавала мне стакан!*), образ влюбленного ангела (*ангел, тихо рея, / Влюбленным трепетал крылом*). Именно признание в любви обуславливает изменение тональности доминантного речевого жанра просьбы с категорически-требовательной до условно-желательной. В последней строфе знаками этой новой тональности являются и междометное восклицание в начале строфы, и некатегорично высказанное желание лирического субъекта о взаимности и долгой любви (*О, если б покоришься чарам <...> Ты здесь, за этим самоваром / Мне вечно наливала чай!*), уточняемое советом (*Забыв о книгах невзначай!*). Этот совет, а также актуализация места (*за самоваром*), времени (*вечно*) и желаемого действия (фактор будущего) привносят новый коммуникативный смысл — ироническую тональность, связанную с подтекстовым советом умной женщине в отношениях с мужчинами оставаться просто женщиной.

Итак, во внутрижанровой структуре стихотворения «Умной женщине» вершину иерархии занимает речевой жанр просьбы-пожелания, автором которой является лирический субъект, адресатом — Умная женщина, функцию аргументации просьбы выполняет речевой жанр эмотива-рефлекси́ва, в котором лирический субъект объясняет Умной женщине ненужность разговора о Шекспире, а в завершающей стихотворение последней строфе после достаточно развернутого косвенного признания в любви лирический субъект советует в отношениях с мужчинами забыть о книгах и просто ухаживать за ними в теплой уютной обстановке.

Теперь для сопоставления обратимся к другому поэту — Игорю Иртеньеву. У него есть стихотворение «Застойная песнь», очень похожее по внутрижанровой структуре на стихотворение Б. Садовского «Умной женщине».

Застойная песнь

Не говори мне про застой,
 Не бреди больную душу,
 Мне прожужжали им все уши,
 Меня тошнит от темы той.
 Не говори мне про застой,
 Про то, что Брежнев в нем виновен,
 А я-то думал, что Бетховен,
 Ну, в крайнем случае, Толстой.

Не говори мне про застой,
 Про то, что нет в стране валюты,
 Ведь нашей близости минуты
 Летят со страшной быстротой.

Не говори мне про застой,
 И про инфляцию не надо,
 И в даль арендного подряда
 Мечтою не мани пустой.

Не говори мне про застой,
 Не объясняй его причину,
 Не убивай во мне мужчину
 Своей наивностью святой,
 Дай мне отпить любви настой!

Название стихотворения — «Застойная песнь» — сразу же настраивает на ироническое восприятие его содержания, так представляет собой образец языковой игры с преобразованием прецедентного словосочетания — застольная песнь, в котором актуализована пространственная семантика (застольная песнь — песня, которая исполняется за столом в кругу друзей и близких), в словосочетание с актуализованным социально-темпоральным смыслом (застойная песнь — песня, которая исполняется во времена общественного застоя и о застое).

В стихотворении И. Иртеньева представлена следующая последовательность простых речевых жанров: просьба, просьба, эмотив-рефлексив, просьба, шутка, просьба, рассуждение, просьба, просьба, просьба, просьба, просьба, просьба. Как

видим, в количественном отношении преобладает речевой жанр просьбы — 10 высказываний.

Анализ внутрижанровой структуры этого стихотворения показывает, что в тексте наблюдается, с одной стороны, «нанизывание» императивных конструкций, ядром которых являются глаголы: *не говори* (5 раз), *не береди, не мани, не объясняй, не убивай*. С другой стороны, все глаголы — синсемантические, требующие конкретизации, в связи с чем очень важной оказывается и позиция объекта, раскрывающая их содержание, но особенность репрезентации этой позиции — тождественный повтор (*Не говори мне про застой* — 5 раз), двойное обозначение объекта: сначала словом, затем придаточным предложением, конкретизирующем это слово:

Не говори мне про застой,
 Про то, что Брежнев в нем виновен;
 Не говори мне про застой,
 Про то, что нет в стране валюты;
 Не говори мне про застой,
 И про инфляцию не надо.

Все это ведет к гиперболизации просьбы как речевого жанра в этом стихотворении в целом и в выделении главной просьбы, звучащей рефреном — *Не говори мне про застой* — с которой начинаются все пять строф стихотворения.

В тексте — 10 просьб, 9 из них по смыслу совпадают, только три из них аргументируются лирическим субъектом: в первой строфе эту текстовую функцию выполняет речевой жанр эмотива-рефлекси́ва (*Мне прожужжали им все уши, / Меня тошнит от темы той*), в котором передается психологическая реакция раздражения на предмет разговора, неприятия его. Во второй строфе в аргументирующей части — шуточное высказывание: *А я-то думал, что Бетховен, / Ну, в крайнем случае, Толстой*. В третьей строфе в жанре рассуждения лирический субъект сообщает о личных переживаниях: *Ведь нашей близости минуты / Летят со страшной быстротой*. В этом рассуждении впервые косвенно намечается адресат просьб — близкая женщина. В четвертой и пятой строфах просьбы никак не аргументируются. В них с нарастающей градацией, создающей комический эффект, они следуют одна за другой, усиливая интенсивность самой просьбы *не говорить*

про застой. Но после каскада этих просьб стихотворение завершается высказываниями, в которых лирический субъект вновь говорит о личном, обращаясь к любимой женщине, и которые звучат эмоциональным диссонансом по отношению к предтексту, создающим комический эффект: *Не убивай во мне мужчину / Своей наивностью святой, Дай мне отпить любви настой!* Именно эти высказывания — пожелания выражают главную суть содержания просьбы лирического субъекта: женщине не следует говорить на общественно-политические темы, а следует любить.

Итак, коммуникативное пространство текста в свете теории речевых жанров — это расширенное внутритекстовое коммуникативное пространство, при изучении которого речевые жанры, используемые в тексте, рассматриваются как в их текстовой последовательности, так и в совокупности как специфическая речевжанровая структура с учетом их иерархии, различных текстовых функций и значимости, а также с учетом индивидуально-авторской стратегии порождения текста.

Мы взяли для анализа три стихотворения Б. Садовского и одно стихотворение И. Иргеньева: тем самым мы хотели показать, что существуют разные варианты анализа коммуникативного пространства текста. Если учитывать объем привлекаемого для анализа материала, можно предложить три модели анализа внутрижанровой структуры литературно-художественного текста:

1. Анализ внутрижанровой структуры отдельного литературно-художественного произведения.
2. Анализ совокупности текстов одного автора с целью выявления текстообразующих функций определенного речевого жанра в контексте творчества избранного автора.
3. Сопоставительный анализ речевжанровых структур или текстообразующих функций одного речевого жанра в контексте произведений разных авторов с целью выявления их сходств и различий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. М., 2004.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
4. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопр. языкознания. 1997. № 5.
5. Чабан Т. Ю. Просьба // Культура русской речи : энци. сл.-справ. М., 2003. С. 519–520.
6. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. статей. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 88–98.
7. Шмелева Т. В. Речевой жанр // Культура русской речи : энци. сл.-справ. М., 2003. С. 573–574.
8. Ярмаркина Г. М. Просьба // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 214–219.

© М. В. Дудорова
УрФУ

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КАТЕГОРИЙ

Поэтический текст является неповторимым средством выражения ментального мира, он строится при помощи ряда вербальных средств, и в силу малого объема и неполной вербализуемости смыслов, ведущую роль при его интерпретации играет контекст, концептуальные сферы значения слова и ассоциативный фон. Все это, безусловно, усложняет процесс восприятия и интерпретации текста (обуславливая в том числе и такое качество поэтического текста, как полиинтерпретативность), а основной проблемой при восприятии поэтического текста становится реконструкция денотативной ситуации.

Настоящая статья посвящена проблеме интерпретации текста посредством пространственных категорий, поскольку именно «в координатах пространства и времени нами воспринимается все сущее, все доступное нашему уму и нашему истолкованию, все презентуемое нашему сознанию и репрезентуемое в нем, осмысляется в этих координатах, т. е. имеет некие пространственные и/или временные характеристики» [1: 5].

Пространство как когнитивная категория представляет эстетически переосмысленный, трансформированный образ действительности, появившийся в результате процессов

концептуализации и категоризации, отражающий как общие, так и индивидуально-авторские закономерности восприятия, понимания и представления мира. Описание и реконструкция пространственного фрагмента индивидуально-авторской картины мира может осуществляться с опорой на понятие «**пространственный образ**». Пространственный образ, будучи фрагментом целостного художественного пространства, является денотативно соотнесенным с определенным фрагментом пространства реального мира, который в результате категоризации художественным сознанием приобретает определенные, устойчивые в рамках идиостиля перцептивные и эмотивные характеристики.

Традиционно при описании пространства в художественном тексте исследователями используются такие оппозитивные параметры, как вертикальное / горизонтальное, открытое / закрытое, точечное / линейное, плоскостное / объемное и т. п. На наш взгляд, данные характеристики структурируют пространственные образы в индивидуально-авторской картине мира. Именно характер данных оппозиций и способность тех или иных пространственных образов встраиваться в эту систему часто могут являться индивидуальным знаком.

При описании пространственного образа как целостной структуры значимыми критериями также являются Субъект, Объект(ы) и Восприятие, поэтому предлагаемая методика выявления и описания пространственного образа состоит из нескольких этапов.

I этап. Выявление текстов, в которых содержатся маркеры пространственного образа. Парадигма маркеров выявлена в идеографических словарях Уральской семантической школы.

II этап. Текстовый анализ.

1. Распределение лексики текста по функционально-текстовым группам (далее — ФТГ), формирующим ключевые образы текста;

2. Выявление доминанты ФТГ, семантический анализ состава ФТГ;

3. Контекстологический анализ лексем, входящих в ФТГ;

4. Рассмотрение взаимодействия разных типов художественного пространства (формируемых ФТГ) в рамках текста.

В качестве примера проанализируем стихотворение И. Анненского.

Дымы

Зимний поезд

В белом поле был пепельный бал,
Тени были там нежно-желанны,
Упоительный танец сливал,
И клубил, и дымил их воланы.

Чередой, застилая мне даль,
Проносились плясуньи мятежной,
И была вековая печаль
В нежном танце без музыки нежной.

А внизу содроганье и стук
Говорили, что ужас не прожит;
Громящая цепями, Недуг
Там сковал бы воздушных — не может.

И была ль так постыла им степь,
Или мука капризно-желанна, —
То и дело железную цепь
Задевала оборка волана.

В этом стихотворении обращает на себя внимание прежде всего подзаголовок, задающий реальное пространство. Денотативная ситуация данного текста вполне ясна: лирический субъект (*застилая мне даль*) едет в поезде и наблюдает за окном зимнюю вьюгу. В тексте выделяются следующие тематические группы:

ФТГ-1 — собственно наименования пространств: *в белом поле, даль, степь*.

Данная группа состоит только из номинаций открытых пространств, доминантой ряда будет лексема *поле*.

ФТГ-2 — лексика, создающая образ метели, вьюги: *пепельный бал, тени, танец, клубил, дымил, воланы, плясуньи мятежной, воздушные*.

Данная группа формирует в тексте пространство реальное / природное, почти все члены группы представляют собой образные номинации хлопьев снега и их движения в пространстве. Так, сам снегопад и вьюга — факты неживой природы — предстают как *пепельный бал*. Основным признаком

снега становится его легкость (*воздушные*) и бесшумность (*танец без музыки нежной*).

ФТГ-3 — лексика, создающая образ поезда: *поезд, внизу содроганье и стук, громыхая цепями, сковал бы, железную цепь*.

Доминантой является слово *поезд*, остальные члены ряда создают образ поезда, характеризуя его через предметные детали (*железная цепь*) и через создание осязательного и звукового образа (*содроганье, стук, громыхая*).

ФТГ-4 — лексика, создающая эмотивное пространство: *нежно-желанны, упоительный, печаль, в нежном (танце), ужас, Недуг, постыла, мука, капризно-желанна*.

В данной группе лексика группируется в две подгруппы: положительные эмоции (*нежно-желанны, упоительный, печаль, нежный, капризно-желанна*; доминанта — *нежный*) и отрицательные эмоции (*ужас, Недуг, постыла, мука*; доминанта — *мука*). Выделенные типы эмоций соотносятся в рамках текста соответственно с образом метели и образом поезда.

Обозначенные образно-смысловые блоки текста соответствуют типам репрезентируемых пространств. Здесь, однако, нет четкого противопоставления пространства замкнутого, связанного с лирическим субъектом, и пространства открытого, связанного с природным миром «за окном» (ср. стихотворение «В вагоне»). Противопоставление, на наш взгляд, в данном случае связано с восприятием жизни. Так, Г. В. Петрова пишет: «В лирическом сознании Анненского сама сущность бытия оказывается раздвоенной, включает в себя и легкий, воздушный танец — некое свободное идеальное начало, и «громыхающий цепями Недуг» — начало тяжелое, болезненное» [2: 61]. Ядром, объединяющим эти два противоречивых мира, оказывается лирический субъект, который одновременно заморожен *упоительным танцем* и слышит, *что ужас не прожит*. Подобное положение «на пороге» характерно для концепции бытия И. Анненского. Идея двоимирия, развитая им вслед за романтиками, изживает себя, и лирический субъект все чаще обращается к положению на грани двух миров: прекрасного и ужасного. В данном тексте отдаленный (*там*) мир *пепельного бала* (кстати, этот образ на денотативном уровне может быть расшифрован как смеше-

ние снега и паровозной гари), где *тени так нежно-желанны*, лишь соприкасается с миром «Недуга», который также представляется отделенным от мира лирического субъекта (*там*). Важным оказывается то, что два пространства не могут воздействовать друг на друга: «Недуг» не может *сковать воздушных*, а *плясуньи* не могут разбить *железную цепь*. В таком случае объединяющим / воспринимающим сознанием оказывается лирический субъект, находящийся в третьем мире, которым и оказывается мир вагона, т. е. замкнутое пространство в данном тексте приобретает некую положительную характеристику — уравнищенность. Герой может воспринять и оценить два представленных мира, но все-таки он приближен к миру «Недуга», к миру непрожитого ужаса, потому что, находясь в поезде, он вольно или невольно включен в мир громыхающих цепей. Финальный образ оборки, слегка задевающей железную цепь, интерпретируется как символическое осмысление человеческого бытия: в течение громыхающей жизни, когда *ужас не прожит*, человек только изредка может быть затронут легкой *оборкой волана*, лишь на секунды может обратить взор *к упоительному танцу*, хранящему *вековую печаль*.

На **III этапе** происходит выявление и описание характеристик пространственного образа:

1. Аспекты восприятия лирическим субъектом пространственных объектов:

а) зрительное восприятие

- представленные цвета спектра, доминанта спектра,
- степень освещенности пространства, источник света,
- характеристика объектов, заполняющих пространство,
- геометрия пространства (общая структура, общий взгляд на пространство, как правило, с позиции извне),
- перцептивный вход в пространство (наличие / отсутствие концептуальной схемы «преграда», тип преграды, наличие / отсутствие концептуальной схемы «порог/граница»),

б) акустическое восприятие пространства, источник(и) звука,

в) обонятельное восприятие пространства, источник(и) запаха,

г) осязательное восприятие пространства,

- д) акциональная доминанта,
- е) статическая / динамическая характеристика пространства.

2. Субъектно-ориентированные характеристики пространства:

а) позиция субъекта относительно пространства (в параметрах «далеко / близко», «внутри / снаружи»; как перемещения субъекта внутри / вне пространства, так и способ его оценки в указанных параметрах),

б) модальные характеристики пространства,

в) аксиология пространства (в т. ч. в оппозиции «свое / чужое»),

г) текстовый ассоциат (устойчивая внутри поэтического мира связь пространства и абстрактных сущностей: например, в художественном мире И. Анненского ассоциат пространства поезда — смерть, в рок-поэзии ассоциат пространства неба — свобода),

д) эмотивные доминанты,

е) способность приобретать символическое значение (устойчивые образные ассоциации),

В качестве иллюстрации данной способности рассмотрим образ «Храм» в поэтическом мире И. Анненского.

Над высью пламенной Синая
 Любить туман Ее лучей,
 Молиться Ей, Ее не зная,
 Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
 От лилий праздную венца,
 Бежать... презрев гордыню храма
 И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
 В безумном чаяньи святынь,
 Искать следов Ее сандалий
 Между заносами пустынь.

Значение слова *храм* формируется на «перекрестке» двух языковых значений. Происходит актуализация идеи закрытого, ограниченного пространства, которое становится символом «навязанных» литературных традиций и форм и

противопоставляется открытому пространству, репрезентированному в тексте лексемой *пустыня*. Через лексему *храм* религиозный план, связанный с храмом как культовым сооружением и жрецом как служителем культа, смыкается с планом психологическим: происходит уподобление христианского таинства и процесса творчества, божества и Поэзии, не случайно в этом случае графическое выделение местоимений: в христианской традиции все местоимения, относящиеся к слову Бог, пишутся с прописной буквы.

Мотив свободного служения Поэзии как божеству поддерживается культурно маркированной лексикой, относящейся к религиозной сфере: *Синай, молиться, фимиам, святыни*. Внутритекстовое противопоставление открытого и закрытого пространства формирует символическое значение: свободное поэтическое творчество уподобляется свободному общению с Богом, поэт — пророку Моисею, несущему людям Божье слово.

ж) способность к сакрализации в индивидуально-авторской картине мира.

3. Время действия (временной инвариант).

4. Соотношение с другими пространственными образами (например, в поэтическом мире И. Анненского сад является связующим для всех остальных типов пространства; в рок-поэзии значимым для пространства города оказывается его промежуточное положение между пространством страны и точечным пространством дома).

На **IV этапе** проводится обобщение результатов анализа в виде схемы пространственного образа.

По итогам анализа к таким ранее рассматриваемым блокам характеристик, как перцептивные и эмотивные, были добавлены образные (символические) характеристики (связанные как с функционированием пространственного образа внутри текста (текстовый ассоциат), так и внутри гипертекстового пространства (способность к сакрализации в художественном мире поэта; включение образа в оппозицию «свое / чужое»)); поскольку понятие «пространственный образ» прежде всего связано с возможностью декодирования поэтических смыслов, важным является также определение

геометрических характеристик, свойственных тому или иному пространственному образу. Таким образом, описание структуры пространственных образов с опорой на когнитивные основания позволяет описать пространственный фрагмент картины мира поэта, выделив в нем универсальное и индивидуально-авторское.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кубрякова Е. С.* Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 3–14.
2. *Петрова Г. В.* К некоторым проблемам поэтики И. Ф. Анненского // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 1998. № 9. С. 56–62.

© Ю. В. Казарин
УрФУ

ИМЯ КНИГИ КАК ЕДИНИЦА ПАРАДИГМЫ КЛАССИФИЦИРУЮЩЕГО ТИПА

Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система представляет собой органический / гармоничный смысловой синтез различных по своей природе подсистем (или «форм»), среди которых доминируют следующие: графическая, просодическая (интонационно-музыкальная), звуковая (фоно-графическая, акустическая), дискурсная (единицы поэтического дискурса: метр, ритм, дикция, рифма, строфа и др.), культурологическая, антропологическая и языковая. Такое комплексное и невероятно сложное строение стихотворения делает его единицей культуры особого типа: данная поэтико-текстовая единица является поливалентной в составе различных парадигм культуры: в музыкальных, в изобразительных (визуальных), в динамических (хореография, театр и т. п.) и, естественно, в словесно-художественных. Поэтический текст вступает в формально-смысловые и иные отношения одновременно с разноприродными (с точки зрения порождения и восприятия) текстами — с песней, с музыкой, со скульптурой, с кино- и телефильмом, с архитектурным

сооружением, с прозаическим и драматургическим текстом и т. д. Поэтический текст, несомненно, обладает способностью вступать как в имманентные (внутритекстовые на уровне различных единиц данного текста), так и в парадигматические отношения межтекстового характера (парадигма поэтических текстов или поэтический текст в смешанной парадигме художественных текстов — прозаического и иных вербальных). Кроме того, стихотворение обладает способностью вступать в сверхпарадигматические отношения (назовем это явление метапарадигматикой), когда поэтический текст функционирует как единица культуры. Таким образом, наблюдается явная иерархия «поэтической парадигматики»:

1. Уровень парадигматических отношений единиц элементарного характера (фонетические, морфемные, словесные и иные оппозиции, ряды, группы, классы и т. п.).

2. Уровень парадигматических отношений единиц, принадлежащих к различным подсистемам поэтического текста (графика — звук — единицы фоносемантики — единицы словообразовательного, грамматического, лексического, синтаксического и дискурсного характера, что вызывает появление смысловых парадигм, основывающихся на синтезе, связи и отталкивании единиц разноприродного характера).

3. Уровень межтекстовой парадигматики: отношения типа поэтический текст — 1 ↔ поэтический текст — 2 и т. д. Или ряд текстов — 1 ↔ ряд текстов — 2.

4. Уровень метапарадигматики в сфере культуры.

5. Комплексные парадигматические отношения всех типов (полипредметные/полиденотативные) поэтического текста, парадигм поэтических текстов, парадигм художественных текстов, парадигм текстов и текстов-единиц искусства и культуры.

Менее исследованными оказываются 2-й, 3-й, 4-й и 5-й уровни поэтической парадигматики. И ключевым для исследования парадигматических потенциалов поэтического текста оказывается феномен межтекстовой парадигматики. Исследование и сопоставление текстовых парадигм, которые принято называть диптих, триптих (и т. д.), цикл и книга, на наш взгляд, будет способствовать выявлению природы

межтекстовой парадигматики в сфере изящной словесности (поэзия / стихотворчество).

В лексикологии (в сфере методологии и методики идеографии) различаются по меньшей мере три типа лексических парадигм: парадигмы вариантного типа (Л. Г. Бабенко [1]), парадигмы классифицирующего типа (В. М. Солнцев [2], Э. В. Кузнецова [3]) и сверхпарадигмы / суперпарадигмы (Э. В. Кузнецова, В. М. Солнцев и др.). В поэтическом текстоведении (в поэзиоведении) данная типология парадигм оказывается вполне применимой. Действительно, горизонтальные, вертикальные и комплексные связи слов — методологически и сущностно — вполне соотносимы с парадигматическим (прямым и потенциальным) функционированием поэтического текста в текстовых парадигмах вариантного / дифференцирующего, классифицирующего и «сверхклассифицирующего» типов. Отдельное стихотворение, входя в состав цикла, книги и целого творчества поэта, вступает в смысло-тематические, концептуальные и прочие связи и другими текстами, реализуя внутри цикла / книги / творчества связи дифференциального / вариантного характера (вертикаль), тогда как целые и цельные парадигмы текстов также реализуют парадигматические связи классифицирующего типа (горизонталь), а система всех текстовых парадигм в творчестве (своде всех текстов, циклов, книг и т. п.) отдельного поэта организовывается и структурируется (и функционирует), реализуя комплексные парадигматические связи и отношения межтекстового, межциклического и межкнижного характера. Описание данных отношений, идеографическая классификация поэтических смыслов (внутритекстового, межтекстового, межпарадигмального / межкнижного и т. д. характера) способствует выявлению а) «идеографических карт» стихотворений; б) идеографических карт циклов и книг стихотворений; в) «идеографического атласа» целого творчества поэта. Поэтическая идеография есть один из эффективнейших способов параметризации поэтического / художественного мира, отображенного в тексте, в цикле, в книге, в творчестве того или иного поэта. В данном случае обнаруживаются следующие пути / направления методологической интенции и конкретной методики поэтико-

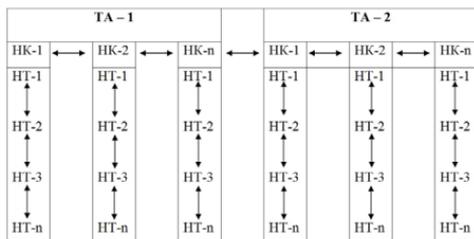
идеографического исследования: а) от названия цикла / книги к названию текста, от названия текста к тексту, от текста к единицам различных сфер / подсистем стихотворения (от графики до языка); б) от единиц текста к тексту, от текста к названию текста, от названия текста к названию цикла / книги; в) от названия цикла / книги к хроно- и геопоэтике целого творчества (к периодам творчества) поэта и г) наоборот, от периода творчества к циклу / книге и т. д.

Однако центром данных множественных парадигматических связей и отношений в сфере суперпарадигмы целого творчества поэта, на наш взгляд, является парадигма классифицирующего (идентифицирующего) типа, в которую входят названия книг. Название книги — это особая, сложная, комплексная номинация сверхобобщенного (но не абстрактного) характера, который обусловлен множественными смысло-тематическими, глубинно-смысловыми, ассоциативными, а также контекстно-культурными, контекстными и сверхконтекстными связями. Название книги — это сложнейшая номинация прямого / образного / отвлеченного / конкретного / интертекстуального / в целом контекстного (в широчайшем смысле) характера. Название книги может быть однословным, двух- и более словным, фразовым, а также цитатным (ср. названия книг Юрия Кузнецова автоцитатного типа: «Выходя на дорогу, душа оглянулась» или «Край света за первым углом»). Название книги — это имя, или метаимя, полной парадигмы стихотворений, входящих в данное собрание текстов. Такое имя детерминировано в свою очередь целой парадигмой различных по своему качеству, объему и природе контекстов: внутритекстовым, текстовым, межтекстовым и сверхтекстовым контекстами и факторами, обуславливающими их функционирование и реализующимися одновременно, совокупно и системно (но это предмет другого исследования). Данные контексты образуют сложнейшую сферу смысловых взаимоотношений единиц текста, целого текста и текстов (книги, цикла) дифференциального, идентифицирующего и суперпарадигматического статусов функциональных классов различных единиц текста и текстов в целом.

Название книги (как и слово вообще, выступающее в различных условиях, сферах и срезах в статусах ономаты,

синтагмы, текстемы, идеологемы, культуремы, концепта и т. д.) функционирует одновременно в нескольких статусах: номинатема (вне какого-либо контекста, как правило, в прямой номинативной функции), текстема, контекстема (в широком и множественном контексте / контекстах), идеологема, культураема, концепт и др. Имя книги реализует одновременно широкий спектр значений и смыслов — от денотативно-тематических до символических и ассоциативных. Имя книги семантизируется, во-первых, в контексте полной парадигмы названий всех книг данного автора; во-вторых, оно наращивает смыслы в парных оппозициях названий (двух) книг автора, а также, в-третьих, в контексте (вертикальном) одной книги в ряду названных и неназванных стихотворений, которые входят в данную книгу и между которыми возникают отношения вариантного, вариативного и дифференциального характера (книга = текст-1 ↔ текст-2 ↔ текст-3 ↔ текст-*n*). Так, в парадигме названий книг А. Ахматовой явно выражается в прямом номинативном отношении смысл — символ времени, ср.: «Вечер» (1911), «Четки» (1914, перв. изд.), «Белая стая» (1917, перв. изд.), «Подорожник» (1921), «Anno Domini MCMXXI» (1922), «Requiem» (1963), «Бег времени» (1965), — смешанные сборники и книги избранных стихотворений нами не учитывались. Однако семантика времени в именах этих книг, естественно, видоизменяется, расширяется, углубляется, наращивается, редуцируется и конкретизируется в сфере указанных контекстов (межтекстовые, текстовые, культурологические и т. д.). Названия книг А. Ахматовой прямо номинативны (они — в силу своей выраженности словом и словосочетанием — в метапарадигмальном и в метатекстовом состоянии функционально схожи с односоставными именными предложениями бытийности («Вечер», «Подорожник») и характеристики («Белая стая», «Бег времени» [метафорическое]), — здесь, в названиях, реализуется функциональный фантом синтаксичности: движение мысли от слова — к тексту неизбежно синтаксизирует указанные лексемы — названия книг. Следует отметить, что сверхпарадигма / суперпарадигма творчества любого поэта будет иметь в себе парадигмы книг, даже если у автора их и не было в изданном виде; так, у О. Мандельштама всего две именованные книги — «Камень»

и «Tristia», однако известны не издававшиеся при жизни поэта циклы («армянских», «петербургских» и др. стихотворений) и тетради («Воронежские»), которые могут рассматриваться как книги с нулевыми или приблизительными, условными названиями; хотя, смею утверждать, имена неизданных книг поэта могут быть восстановлены или выявлены в процессе исследования всех трех типов поэтических парадигм, наличествующих в творчестве данного поэта. Книга как совокупность стихотворений представляет собой (по вертикали) парадигму дифференцированного / вариантного типа; с другой стороны, книга есть единица другой парадигмы — сверхпарадигмы / суперпарадигмы и своим именем включается в ряд названий иных книг данного автора, который является парадигмой идентифицирующего типа (классифицирующего). Такие множественные отношения отражены в следующей схеме, где НК — название книги; НТ — название текста; ТА — творчество того или иного автора.

В таблице отражены четыре вида парадигматических отношений:

- 1) внутритекстовая парадигматика единиц графики, фоники, дискурса и языка;
- 2) межтекстовая парадигматика (НТ-1 ↔ НТ-n);
- 3) отношения единиц парадигмы текстовых идентификаторов (НК-1 ↔ НК-n);
- 4) межсуперпарадигмальные отношения (сопоставительный аспект; ТА-1 ↔ ТА-2).

Парадигматическое комплексное исследование названий книг основывается на методике следующих анализов: анализе компонентном, контекстологическом, лексико-смысловом,

лингво-смысловом, смысло-тематическом, в целом филологическом, культурологическом и др. Завершается данный этап исследования анализом идеографическим, целью которого является выявление идеографической карты (как функционально-денотативной и смысловой основы поэтической картины мира) стихотворения, цикла и книги стихотворений, а также целого творчества отдельного поэта (или нескольких поэтов — в сопоставлении).

Рассмотрение (предварительного характера) ряда названий книг (одного автора) в статусе номинатом выявляет очевидные смысло-тематические (и денотативные) парадигматические связи между данными единицами. Ср.: книги М. Никулиной «Мой дом и сад», «Имена», «Душа права», «Колея», «Бабья трава» не только выражают смысловой ряд идентификационного характера, но и демонстрируют динамику смыслового развития (в рамках целого творчества этого поэта): место / время → имя мира → духовное (душевное) освоение именованного мира → путь поэта → судьба поэта и мира, то есть наблюдается явное концептуальное движение от реального хронотопа к хронотопу духовному.

Названия книг Е. Извариной «Сны о великом плавании», «По земному кругу», «Страны ночи», «Пояс Ориона», «Времени родник» в целом номинируют оппозицию жизнь ↔ путешествие, отображающую одновременно три смысловые (тематические) парадигмы: 1) движение (концептуальное) от пространства ко времени; 2) синтез внешнего и внутреннего миров во времени; 3) мечты → познание → думы → говорение → вечность.

Все именованные книги А. Кушнера выстраиваются в интереснейшую лексико-семантическую и лексико-грамматическую парадигмы, представляющие собой сложную, комплексную тематическую (идеографическую) группу слов / понятий. Всего их 25 из 36 (детские издания и избранное исключались: основания различные, а классификация должна иметь одно общее основание — имя книги стихотворений; хотя жаль детских [замечательных] книг). Вот они: «Первое впечатление»; «Ночной дозор»; «Приметы»; «Письмо»; «Прямая речь»; «Голос»; «Канва»; «Таврический сад»; «Дневные

сны»; «Живая изгородь»; «Флейтист»; «Ночная музыка»; «Apollo In The Snow»; «На сумеречной звезде»; «Тысячелистник»; «Летучая гряда»; «Пятая стихия»; «Кустарник»; «Волна и камень»; «Холодный май»; «В новом веке»; «Таврический сад»; «Облака выбирают анапест»; «Мелом и углем».

Можно ли интерпретировать данный ряд названий книг в отрыве от совокупного содержания (полного) всех стихотворений, собранных под обложками? Думается, это возможно: название книги стихотворений всегда не случайно и представляет собой, без всякого сомнения, концепт, образ (ключевой), ключевое наименование и т. п. В нашем случае название (заголовок) является также и идентификатором темы, ядерных смыслов, хронотопа. Таким образом, ряд названий книг — это парадигма идентифицирующего (определяющего и обнаруживающего) типа. 24 названия выражены именными (в ключевой позиции) частями речи. Существительное называет главную предметную часть мира, которая, без сомнения, вступает и в процессуальные (глаголы) и в атрибутивные (прилагательные) отношения элементов, составляющих данную сферу. Предметность в поэзии А. Кушнера — доминанта, но не константа: в ряду названий есть одно, выраженное простым нераспространенным предложением «Облака выбирают анапест». Название «Мелом и углем» также отображает процессуальную ситуацию «писать / писано / отмечать». Если интерпретировать весь ряд названий по вертикали, то обнаруживается не только лексико-семантическая логика, но и отмечается, номинируется (автономинируется) путь поэта. Вот эта логико-смысловая цепочка / череда / парадигма: удивление → тревога (забота) → мир → попытка письменного (поэтического) отображения мира → оценка (и самооценка) мира → освоение (поэтическое) мира → обнаружение нового, частного и общего в мире → синтез внутреннего и внешнего миров → «вертикальное» познание мира (и себя), возможно ретроспективное → «вертикальное» познание мира, духовного (от «душа») мира, Невыразимого (возможно проспективное) → познание и называние Невыразимого (стихии, душа, история, Бог etc) → познание беспредельности (пространственной) → познание беспредельности (временной) → осознание онтоло-

гической мощи поэзии → приближение к точке соединения физического и метафизического → ...

Естественно, это не единственный вариант интерпретации метасмыслов, выражаемых названиями книг А. Кушнера. Но — даже в этих субъективных номинациях метасмыслов и метаобразов прослеживается концептуальное движение поэзии А. Кушнера, или — репрезентируется его поэтический путь (термин «путь» в Блоковском понимании).

Смысловое и тематическое членение ряда названий книг выявило следующие группы поэтических идентификаторов.

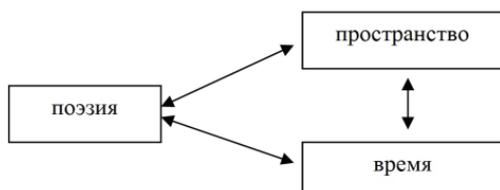
1. Тематическая группа слов со значением эмоционально-психологической / творческой деятельности человека: «Первое впечатление»; «Ночной дозор»; «Приметы»; «Письмо»; «Прямая речь»; «Голос»; «Канва»; «Дневные сны»; «Флейтист»; «Ночная музыка»; «Летучая гряда» (цитата из Пушкина); «Облака выбирают анапест» (приписывание небесному объекту человеческих качеств etc); «Мелом и углем».

2. Тематическая группа слов со значением места (topos): «Таврический сад» (2 раза); «Живая изгородь»; «Apollo In The Snow» (статуя в зимнем саду); «На сумеречной звезде»; «Тысячелистник» (растение — книга etc); «Кустарник»; «Волна и камень».

3. Тематическая группа слов со значением времени (chronos): «Ночной дозор»; «Дневные сны»; «Ночная музыка»; «Холодный май»; «В новом веке».

Отмечу, что некоторые названия являются точками смыслового пересечения тематических групп слов, и это нормально: зоны пересечения, как правило, неизбежны и выполняют соединительную функцию, являясь, таким образом, двойными / удвоенными идентификаторами метасмысловой сферы поэзии А. Кушнера. Доминирует тематическая группа названий со значением эмоционально-психологической / творческой (поэтической) деятельности — всего 14 единиц, — против 5 единиц группы слов со значением времени и 7 единиц группы слов с пространственным значением (пересекаемость этих трех тематических словесных парадигм увеличила число поэтических идентификаторов). В целом, укрупняя и синтезируя полученные данные, можно выявить

следующую смысло-тематическую / метасмысловую триаду:
поэзия — пространство — время, или:

Имею смелость (с опорой на данные метасмыслового анализа) утверждать, что в языковой и поэтической личности А. С. Кушнера присутствует и доминирует познавательно-когнитивный компонент, а не изобразительный, констатационный, описательный (дескриптивный). Кроме того, очевидным является то, что поэтическое название Невыразимого у А. Кушнера направлено на объекты пространственного (земного, небесного, стихийного) и временного характера.

Идеографическое исследование единиц внутритекстового, текстового, межтекстового и сверттекстового характера должно учитывать особенности их функционирования, взаимосвязи и реализации предметных, образных, глубинных и иных смыслов в составе общей системы парадигм имманентного, вариантного, идентификационного и сверттекстового характера. Название книги — это сложная и многостатусная единица, не только идентифицирующая денотативно-смысловую сферу парадигмы текстов, составляющих книгу, но и обеспечивающая смысловые связи как с единицами, подобными ей, так и с единицами, включающимися в суперпарадигмы / свертпарадигмы целого творчества того или иного поэта. Поэтическая идеография имеет целью выявление идеографической карты любой части, относящейся к любой сфере трех типов парадигм поэтического текста, поэтической книги и поэтического творчества (наследия) — идеографической карты стихотворений, цикла стихотворения, книги и иных совокупностей, собраний, рядов и парадигм поэтических текстов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бабенко Л. Г.* Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения (вместо введения) // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. Екатеринбург, 1997. С. 23–24.

2. *Солнцев В. М.* Понятие уровня языковой системы // Вопр. языкознания. 1972. № 3.

3. *Кузнецова Э. В.* Язык в свете системного подхода. Свердловск, 1983.

© У. С. Кутяева
УрФУ

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. КОЛЯДЫ¹

К определению понятия «фольклор» существует несколько подходов. Общим для различных концепций, используемых в традиционной фольклористике, становится понимание фольклора как «народной крестьянской духовной культуры, способом функционирования и трансляции которой является устная традиция» [2]. Следует отметить, что эти признаки были заданы еще классическими работами В. Я. Проппа [6].

Однако на фоне урбанизации, особенно интенсивной в конце XX века, практики крестьянской жизни становятся все менее актуальными, зато происходит развитие городского культурного пространства, которое активно порождает собственные речевые формы, близкие к фольклорным. Стремясь подвести единую методологическую базу под феномены, имеющие сходную природу, но отличающиеся средой функционирования, ряд современных исследователей подходит к расширительной трактовке понятия «фольклор», определяя его через связь с бытовыми практиками, принятыми в обществе (см. работы А. В. Костиной [2], С. Неклюдова [5], К. В. Чистова [7], Л. Г. Ядрышниковой [8]).

Так, Л. Г. Ядрышникова выделяет несколько стадий развития фольклора, каждой из которых соответствует определенный *исторический тип повседневности*. И если, например,

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых в рамках реализации программы развития УрФУ.

в течение «религиозной эпохи» происходит складывание «классической формы фольклора, превращенного в формулу постоянного символического обращения к сакральному», то в условиях урбанизации, когда место сакрального занимает повседневность, фольклор «маргинализируется, переходит в сферу досуга» [5: 18–19].

Другой исследователь, К. В. Чистов, определяет фольклор функционально, «как совокупность вербальных или вербально-невербальных структур, циркулирующих в бытовой практике» [4: 303]. Именно такое понимание фольклора взято за основу настоящего исследования.

Следует отметить, что в условиях городской жизни, с ее все ускоряющимся темпом, наиболее востребованными оказываются, прежде всего, малые жанры фольклора — паремии, сентенции на злобу дня, шутки, анекдоты, тосты, считалки, прибаутки, скороговорки. Для них не характерны свойственные традиционным фольклорным текстам эпичность, повторы, параллелизм, сказовость, напевность [1: 373].

Феномены, имеющие фольклорную природу и распространенные в речевой практике горожан, широко представлены в творчестве Н. В. Коляды. Среди таких феноменов — многочисленные пословицы и поговорки, отнесение которых к городскому или сельскому фольклору оказывается затруднительным в силу их универсальности. Так, герои Коляды постоянно обращаются к народной мудрости, которая, будучи облеченной в совершенную, годами выработанную форму, также нередко подкрепляется авторитетом родителей:

М и ш а (*вздыхнул*). Бедному Ванюшке жениться — так и ночь коротка.
З и н а. К чему вы это?
М и ш а. Так. Вспомнил. Мамина поговорка (...) («Мы едем, едем, едем»).

В речи героев Коляды достаточно представлены подобные тексты: *Век живи, век учишь, С милым рай и в шалаше* («Мы едем, едем, едем»); *Незванный гость — хуже татарина, Стерпится — слюбится* («Полонез Огинского»); *Муж и жена — одна сатана* («МурлинМурло»).

Неподцензурностью, способностью народной культуры функционировать, «минуя институционально-организаци-

онные формы» [4: 70], определяется высокая степень свободы в содержании и способах оформления ее речевых произведений. Так, целый пласт произведений фольклора составляют тексты «низовые», выходящие за рамки литературной речевой культуры. Именно такого рода тексты наиболее широко представлены в пьесах Н. В. Коляды: это приговорки и сентенции: *Неудобно штаны через голову одевать. Неудобно на потолке спать, тоже... В почтовый ящик с.... неудобно* («Канотье»); *Что вижу, то пою. Одна палка, два струна, я хозяин вся страна, Нашел на засранца обиход!* («Полонез Огинского»), *Глаз не попа — проморгается, Хорошая мысль приходит опосля* («Полонез Огинского»); *Ибуться сердце перестало!* («Сказка о Мертвой царевне»); *Я упала с самосвала, тормозила головой!* («Мы едем, едем, едем»); перифраз на тему известного анекдота *Бабушка, выходят замуж, а я вот — вылазю* («Канотье»); частушка *Мою милую подружку положу на раскладушку! Затопчу, замучаю! Как Пол Пот Кампучею!* («Чайка спела»).

За использованием такого рода текстов стоит низкий культурный уровень большинства персонажей Коляды. Но с другой стороны, здесь угадывается и стремление автора показать любовь русского человека к «красному словцу», творчеству в пространстве речи. Н. Л. Лейдерман видит за подобными речевыми феноменами проявление «витальной энергии», «жизненного азарта», считает их способом «самореализации и самоутверждения», которым активно пользуются герои Н. В. Коляды [3: 54–55].

Внеинституциональный характер народной культуры делает ее и своеобразным индикатором социальной жизни общества. Так, любые значимые для общества изменения находят отражение в речевых произведениях различных фольклорных жанров. Например, изменение ценностных ориентиров периода 90-ых отражено в анекдоте, представленном в пьесе «Мы едем, едем, едем...»: *просыпается девица рано утром, с бодуна, смотрит, а вокруг нее на постели три мужика голых спят. Девица закурила и говорит: «Ах, видела бы моя мама, что я курю!».*

В речи персонажей Коляды присутствуют и анекдоты «на злобу дня», где высмеиваются некоторые реалии советской жизни. Так, например, в пьесе «Мурлин Мурло», написанной

в 1989 году, встречаем анекдот перестроечной эпохи, где явно выражается негативное отношение к власти:

И н н а . [о жене М. Горбачева] (...) А еще анекдот про нее рассказывают: стоит Равиля, плачет. Ее спрашивают: «Ты чего?». А она говорит: «Талон на сахар потеряла!» (...).

А в пьесе «Чайка спела» один из персонажей рассказывает такой анекдот: «...у чукчи спрашивают: «Где вы были в ночь с третьего апреля на четвертое сентября?» В КГБ спрашивают» («Чайка спела»).

Нередки в пьесах Коляды и обращения к народным песням. Среди последних — «По диким степям Забайкалья...», «А мы просо сеяли, сеяли», «Дубинушка» («Полонез Огинского»). В пьесе Н. В. Коляды «Каноть» интересен случай игрового использования фрагмента известного городского романа: «Крутится, вертится шар голубой» («Каноть»):

В и к т о р (*ходит по комнате*). Так-так-так-так-так. Значит, это тот самый Вадик, который, когда мы у тебя выпивали, жал мою ногу под столом?

К а т я (*молчит*). Не ври, Сухинин. Не ври.

В и к т о р . Так-так-так-так.

К а т я . Не ври. Не жал. Он перепутал с моей.

В и к т о р . Так-так-так-так. Крутится, вертится шар голубой...

Существующая в современном языке двусмысленность использования слова «голубой» позволяет вовлечь прецедентное высказывание в новый, изначально нетипичный для него круг смыслов.

Однако для большинства фактов воспроизведения отдельных строк или целых фрагментов (куплетов) народных песен характерно сохранение их мелодического оформления, что находит отражение на графическом уровне и нередко подтверждается ремарками. Так, например, в пьесе «Каноть» один из героев исполняет песню «По диким степям Забайкалья» в качестве застольной:

В и к т о р . Нет! В следующий раз — обязательно! Но сегодня — мой день рождения и потому... И потому... (*Взял Викторю за руку, смотрит ей в глаза, тихо поет.*)

По диким степям Забайкалья...

Где золото роют в горах...

Бродяга, судьбу проклиная...

Тащился с сумой на плечах...

Отдельный пласт фольклорных произведений в пьесах Коляды занимают тексты, созданные детьми или для детей. Эти тексты реализуют специфическую систему ценностей и представлений о мире, характерную для детского сознания. Как важнейшие черты этого сознания можно выделить следующие: особое восприятие действительности (внешняя алогичность, наличие нестандартных связей между явлениями), внеидеологичность, образность, установка на игру.

В пьесах Коляды представлены и считалки — *«Кто вперед — тому красный самолет, кто второй — тому конь боевой, кто третий — в позолоченной карете...»* («Мы едем, едем, едем»), *«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...»* («Полонез Огинского»), и детские приговорки — *«Сегодня воскресенье, девочкам печенье, а мальчишкам-дуракам толстой палкой по бокам»* («Мы едем, едем, едем»), *«Божья коровка, улети на небо, там твои детки, кушают конфетки, всем по одной...»* («Сказка о Мертвой царевне»), и дразнилки — *«Обезьяна Чи-чи-чи продавала кирпичи!»* («Канотье»), *«Мотоцикл-цикл! Всю дорогу обо-си-кал! Самосвал-вал-вал, всю дорогу обо...»* — («Чайка спела»), и скороговорки — *«Кукушка кукушонку купила капюшонку»* («Полонез Огинского»).

Интересно, что в рассматриваемых пьесах Н. В. Коляды нет ни одного героя-ребенка. «Взрослые» персонажи — как, например, Миша и Нина из пьесы «Мы едем, едем, едем», Таня из пьесы «Полонез Огинского», — словно бы прячутся от окружающего их жизненного хаоса за привычным и безопасным миром веселых песенок, считалок, стишков. Характерно, что при этом героини «разочарованные» (Дима из пьесы «Полонез Огинского») и героини, стремящиеся «устроиться» в жизни любой ценой и отвергающие прежние, советские, ценности (Зина из пьесы «Мы едем, едем, едем», Виктория из пьесы «Канотье»), почти не вспоминают о своем детстве.

Следует отметить, что отсутствие обращений к произведениям фольклора для героев Коляды в целом симптоматично и является знаком их духовной ущербности. Так, полностью лишенная отсылок к фольклорным текстам и избыточная канцеляризмами речь Алексея (пьеса «МурлинМурло») подчеркивает несостоятельность его миссионерских порывов — и

к финалу пьесы, не выдержав испытания суровой жизнью отечественной провинции, герой из «спасителя» превращается в подлеца. Подобным же образом в пьесе «Сказка о мертвой царевне» интеллигентность банкира Максима при столкновении лицом к лицу с «дном» жизни обнаруживает свою поверхностность — и в его речи также наблюдается отсутствие обращений к текстам живой народной культуры. Напротив, для Виктора (пьеса «Каноть»), интеллигента с большой буквы, чувствующего свою связь с национальным прошлым, характерно постоянное обращение к фольклорным текстам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Грушевицкая Т. Г.* и др. Словарь по мировой художественной культуре : учеб. пособие для студ. средн. и высш. пед. учеб. заведений / под. ред. А. П. Садохина. М., 2001.

2. *Костина А. В.* Традиционная культура: к проблеме определения понятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/#_ednref34 (дата обращения: 05.06.2012).

3. *Лейдерман Н. Л.* Драматургия Николая Коляды : критический очерк. Каменск-Уральский, 1997.

4. *Михайлова Н. Г.* Народная культура // Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998.

5. *Неклюдов С.* Фольклор после фольклора // Знание — Сила. 2010. № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://www.znanie-sila.su/?issue=articles/issue_1531.html&g=1 (дата обращения: 04.06.2012).

6. *Пропн В. Я.* Русские аграрные праздники : (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.

7. *Чистов К. В.* Фольклор // Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998.

8. *Ядрышников Л. Г.* Фольклор и постфольклор в культурных практиках повседневности : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2008.

© М. Ю. Мухин, Т. В. Цыганов
УрФУ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КАТЕГОРИЮ ВОПРОСИТЕЛЬНОСТИ: ВОПРОСНО- ОТВЕТНЫЕ СЕРВИСЫ В ИНТЕРНЕТЕ

1. Исходные теоретические положения: вопросительные предложения и вопросы

Вопрос и вопросительное предложение соотносятся друг с другом как две стороны языкового знака, проявляющего

асимметричность. По мнению Е. В. Падучевой, изучение этих понятий «требует четкого отграничения вопросительного предложения как синтаксического понятия от семантической категории вопроса как высказывания, которое является требованием информации» [9: 233]. Однако в лингвистических работах преимущественно представлено изучение именно вопросительных предложений, а не вопросов. Кроме того, в существующих классификациях формальные и содержательные аспекты часто неотделимы друг от друга. В классических исследованиях вопросительное предложение рассматривается среди других предложений по цели высказывания (повествовательных, побудительных и — не всегда — оптативных) и «служит для выражения вопроса, обращенного к собеседнику. С помощью вопроса говорящий стремится получить новые сведения о чем-либо...» [7: 302]. См. также [4; 10 и др.].

Вопросительные предложения отличаются от других конструкций своим особым коммуникативным заданием — побуждением к получению информации [2: 707]. Характеризуются они и особой формальной организацией — специальными лексическими и интонационными средствами, при помощи которых «выражается стремление говорящего узнать что-л. или удостовериться в чем-л.» [11: 386].

Вопросительное предложение как функционально-семантическая единица может выполнять не только основную функцию вопроса, но и различные дополнительные функции. «В своих первичных функциях вопрос направлен на поиск информации, т. е. на получение ответа; во вторичных функциях он направлен не на поиск информации, а на ее передачу, на непосредственное сообщение о чем-л.» [11: 394]. Иными словами, если выстраивать представление о вопросительном предложении исходя из его основного коммуникативного задания, «тогда окажется, что значительная группа вопросительных предложений не содержат в себе значения вопроса» [5]. Таковы конструкции с «нестандартной семантикой»: риторические вопросы, вопросы-просьбы и т. п. (см. об этом: [9: 233]). Подробный анализ вопросов такого рода, квалифицируемых как косвенные речевые акты, представлен в работах [6; 8; 15 и др.].

Собственно вопросы, направленные на поиск информации, т. е. выполняющие первичные функции [11], имеющие «стандартную семантику» [8], подразделяются:

1) в зависимости от характера и объема получаемой информации: общевпросительные предложения, направленные на получение информации о ситуации в целом, и частновпросительные предложения, содержащие вопрос о частном аспекте события [11]; более дробную классификацию предложил Ш. Балли, выделивший полные и частичные диктальные, а также полные и частичные модальные вопросы [1];

2) в зависимости от осведомленности говорящего о том, что спрашивается: собственно-впросительные предложения (говорящий не знает ответа), неопределенно-впросительные предложения (говорящий совмещает вопрос с предположением, сомнением), констатирующе-впросительные предложения совмещают (говорящий почти полностью уверен в ответе, утверждает) [11];

3) в зависимости от типа ожидаемого ответа: предложения, требующие ответа-подтверждения или ответа-отрицания, и предложения, требующие в ответе информации, сообщения о том, что спрашивается [11].

Таким образом, вопрос как тип высказывания с особым коммуникативным заданием — требованием информации — может быть сформулирован в форме как впросительного, так и невопросительного предложения. По своему характеру это может быть просьба, требование и т. д. С другой стороны, впросительное предложение по своей первичной функции может выражать или не выражать стремление говорящего получить новые сведения, т. е. быть «собственно впросительным» или «несобственно впросительным» [2: 708], иметь «стандартную» или «нестандартную» впросительную семантику [9: 233–234]. Рассуждая об асимметричности вопроса и впросительной конструкции, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев сформулировали два исследовательских аспекта: «1) как выражаются вопросы (помимо впросительных предложений) и 2) какую функцию выполняют впросительные предложения (помимо того, что они являются основным средством выражения вопросов)» [3: 111]. Второй идее посвящено множество

лингвистических исследований. Для разработки первой проблемы новый, на наш взгляд, материал предоставляют социальные сервисы в интернете, и, в частности, вопросно-ответные сообщества (Community question answering, CQA).

2. Обобщение выбранного материала: вопросно-ответный сервис Ответы:mail.ru

CQA (например, Yahoo!Answers, Answers.Com, Ответы@mail.Ru и т. д.) стали новым форматом интернет-общения, специфическим дополнением поисковых машин и в итоге новым объектом лингвистического, социологического и психологического изучения (см. [12; 13; 14]).

Вопросно-ответное сообщество представляет собой интернет-сервис, включающий в себя иерархически организованную базу знаний — вопросов и ответов, которые распределены по тематическим разделам, а также специфические правила коммуникации, которые ограничивают возможность выхода пользователей за рамки вопросно-ответного диалога. При этом сервис ориентирован на максимально широкий круг пользователей. Указанные особенности делают общение в вопросно-ответных сообществах отличным от других форм интернет-коммуникации, таких как тематические форумы, электронные дневники, чаты.

Объем и неоднородность аудитории вопросно-ответных сервисов определяет разнообразие тем пользовательских вопросов. К примеру, каталог вопросно-ответного сервиса Ответы@mail.ru, база вопросов которого стала источником материала для нашего исследования, содержит 27 тематических рубрик (например, «Авто, Мото», «Города и страны», «Искусство и культура»), каждая из которых может содержать несколько подразбук. Поэтому среди вопросов мы можем встретить просьбы решить математическую задачу, помочь в разгадывании кроссворда, дать консультацию в области права, прислать нужную ссылку и т. п. Выбранный материал характеризуется рядом особенностей, определяющих широкое понимание категории вопроса в CQA.

Нужно отметить, что примерно в половине случаев пользователи обращаются к сервису вовсе не для того, чтобы получить какую-либо информацию, а с целью привлечь

внимание пользователей к задавшему вопросу человеку или вызвать поверхностную дискуссию. При этом, стараясь следовать формальным требованиям сообщества, пользователи оформляют свое высказывание в виде вопросительных конструкций. Иными словами, в таких ситуациях мы имеем дело с полной актуализацией вторичных функций вопросов [11: 394], которые имеют «нестандартную» вопросительную семантику [9: 233—234]. В новейших исследованиях по CQA такие вопросы обозначают как *conversational* [12] или *rhetorical* [14]: *Люди существуют друг для друга?; Хочу полетать под зонтиком...меня ГИБДД не остановит?; Ты чего такая мрачная с утра?)))))))); А что, от любви можно сойти с ума?; Как не сгореть на работе?* и т. п.

В ряде случаев достаточно сложно однозначно определить, чего пользователь задавший вопрос хотел в большей степени — получить какую-либо информацию или привлечь внимание сообщества. В первую очередь это касается вопросов из области отношений между людьми. Например, вопрос «*а можно ли забыть любовь с помощью магии?!*» — такое сообщение мы можем понимать как собственно вопрос, если его автор хотел получить практические рекомендации, или как косвенный вопрос, если автор нуждался в психологической поддержке со стороны интернет-сообщества.

Наряду с использованием вопросительных предложений в их вторичной функции пользователи вопросно-ответного сервиса используют формально невопросительные конструкции, которые, однако, выражают идею поиска информации. Это могут быть:

1. Побудительные предложения:

Подскажите пожалуйста игры, где можно побыть в роли стилиста и модельера!

Напишите, пожалуйста, какие-нибудь НЕ сложные рецепты сладких блюд, которые подойдут для праздничного стола.

Установка на поиск информации в таких конструкциях определяется семантикой глагола в повелительном наклонении.

2. Предложения в форме синтаксического индикатива:

Звучит радио в колонках

Скачала unlocker, папка на рабочем столе так и не думает удаляться...

Требование информации в таких высказываниях выражается самым фактом обращения к вопросно-ответному сообществу и размещения своего вопроса в соответствующей тематической рубрике (в приведенных выше примерах это рубрика «Компьютеры. Интернет»). Это действие говорит о том, что пользователь осознает представленную в предложении ситуацию как проблему.

3. Сообщения в виде словосочетаний или построенные по образцу поисковых запросов:

рецепты плова из баранины

книга человек дождя

Информация о Дале || надо

Скачать гений с пеленок бесплатно

В таких высказываниях требование информации также выражается фактом обращения к вопросно-ответному сообществу, а цель информационного поиска обозначена лексическими средствами.

Еще одной особенностью является объединение в одном сообщении нескольких вопросов, которые могут предполагать ответы разного типа: *Является ли философия наукой? И если да, то почему в ней так слабо развит математический аппарат?* При этом может быть, что только один вопрос оформлен как вопросительное предложение, однако, семантически их два: *Назовите все книги Дэна Брауна. И какая книга, на ваш взгляд, самая интересная?*

Эта особенность во многом связана с тем, что пользователь, задавший вопрос, не может сам комментировать свое сообщение и участвовать в обсуждении вопроса, поэтому некоторые пользователи стараются максимально ясно и полно объяснить в своем сообщении, какая именно информация им нужна.

Структура вопросно-ответного сервиса предполагает разделение пользовательского вопроса на две части — заголовочную и основную, первая — обязательна, вторая — факультативна. Формальное и содержательное соотношение этих частей определено правилами сообщества нестроого,

поэтому мы можем наблюдать различные варианты этого соотношения.

1. В заголовке сформулирована тема вопроса, а сам вопрос содержится в основной части: *Проблемы с Windows 7 || Как запускать игру, мой ноут просто выключается. В чем проблема?; Капитанская дочка || Почему Маша, любя Гринева, отказывается выйти за него замуж?!*

2. В заголовке — собственно вопрос, в основной части ничего нет или содержится пояснение, просьба помочь или ответить: *Жесткий диск какой фирмы посоветуете приобрести? || Баракуду не предлагать;*

3. В заголовке содержится просьба о помощи, указание на адресата или начало вопроса: *ответьте на вопросы плиззз))) || Для чего Князь Андрей отправляется на войну; Дорогие хозяйки своего очага, подскажите, пожалуйста, || как и чем вывести жирное пятно (от крема) с дивана (шинил)?;*

4. Заголовок и основная часть содержат разные вопросы: *Какова вероятность забеременеть сразу, если был незаметный выкидыш? || И что назначают врачи после выкидыша?;*

5. В заголовке и вопросе значится одно и то же: *Что подарить девушке на 17 лет?*

Следовательно, по-разному выстраивая соотношение заголовка и вопроса, пользователь может актуализировать различные аспекты своего обращения.

3. Выводы

Разнообразие форм выражения вопросов в интернет-сервисе дает новый импульс для изучения средств выражения категории вопросительности — этот тезис можно подкрепить рядом аргументов.

Во-первых, следует отметить количественный фактор — множественность реплик, коммуникативное задание которых составляет поиск информации, и в итоге возможность корпусного подхода к обработке объемного материала. Его особенности определяются самой естественностью, спонтанностью обращения к интернет-аудитории, что разительно отличает этот материал от банков конструкций, выбранных из художественной литературы или публицистики. Очевидно, что в этих языковых подсистемах вопросы должны чаще вы-

ражаться при помощи вопросительных конструкций, и это вполне нормативно.

Далее, существует тематическая прикрепленность вопросов в CQA, определяемая адресантом, как и использование им поля заголовка, что позволяет (несмотря на некоторый «шум») выделять однородные по содержанию группы реплик. Особая форма виртуального общения является причиной экономии и, наоборот, избыточности использования языковых средств, что расширяет как грамматические, так и семантические особенности конструкций, в той или иной форме выражающих вопрос.

По задачам пользователей и форме обращений вопросно-ответные сервисы сближаются с поисковыми системами. В частности, коммуниканты часто задают вопросы, не используя вопросительные конструкции, в чем проявляется сходство с поисковыми запросами. Вопрос адресуется неизвестному пользователю (пользователям), судить о котором (которых) по ответу можно лишь приблизительно. Наконец, на ответе, в отличие от интернет-форума, диалог прерывается.

Таким образом, материал, поставляемый вопросно-ответными сообществами, несмотря на свою стилистическую экзотичность и часто сниженность, является показательным для выявления конструкций с «нестандартной» семантикой и способствует лингвистической параметризации категории вопросительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 47–48.

2. Белошапкова В. А. Типы предложений по целеустановке // Современный русский язык : учеб. для вузов / под ред. В. А. Белошапковой. М., 1999. С. 705–708.

3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Вопросительные предложения и вопросы // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 111–116.

4. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: Синтаксис. Ч. 2. М., 2009.

5. Жинкин Н. И. Вопрос и вопросительное предложение // Жинкин Н. И. Язык — Речь — Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М., 1998. С. 87–103.

6. *Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 349–383.

7. *Лекант П. А.* Вопросительные предложения // Современный русский литературный язык : учеб. для вузов / под ред. П. А. Леканта. М., 1999. С. 302–305.

8. *Линдстрем Е. Н.* Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003.

9. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

10. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

11. *Русская грамматика* : в 2 т. М., 1980.

12. *Harper F. M. Moy D., Konstan J. A.* Facts or Friends? Distinguishing Informational and Conversational Questions in Social Q&A Sites. Boston, 2009.

13. *Hyu-Jung Oh, Ki-Youn Sung, Myung-Gil Jang, Sung Hyon Myaeng.* Compositional question answering: A divide and conquer approach. Information Processing & Management. 2010. № 5.

14. *Morris M. R., Teevan J., Panovich K.* What Do People Ask Their Social Networks, and Why? A Survey Study of Status Message Q&A Behavior. Atlanta, 2010.

15. *Sperber D., Wilson D.* Relevance: communication and cognition. Blackwell, 1995.

© М. В. Панишева
УрФУ

ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ОТРАЖЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

Поэтический текст является отражением индивидуаль-но-авторской картины мира, которая представляет собой сложный феномен, совмещающий национальные и индивидуальные черты.

Особое место в структуре и системе языкового пространства поэтического текста занимает лексика. Безусловно, каждый поэт воспринимает мир по-своему, выделяет в нем те или иные важные с его точки зрения объекты, используя для их номинации характерные для него лексические единицы, которые можно рассматривать в качестве ключевых слов.

В данной статье речь пойдет о роли лексики, часто встречающейся в поэтических произведениях трех выдающихся поэтов XX века: А. Ахматовой, А. Блока и С. Есенина.

Произведения выбранных поэтов уже не раз становились объектом лингвистического и литературоведческого исследования. Некоторые ученые занимались и проблемой описания поэтического мира каждого из поэтов, используя статистические методы (см. [3], [4]).

Материалом исследования стали лексико-статистические данные, взятые на сайте Машинного фонда русского языка [www.cfri.ru]. На этом сайте лексика, употребленная разными авторами (в нашем случае — А. Ахматовой, С. Есениным и А. Блоком), распределена в таблицы, где отмечается относительная частотность употребления лексемы и словоформы на 10000 единиц текста, а также параметры дисперсии и т. д.

Для исследования были взяты только показатели относительной частотности употребления лексем, частотность словоформ не была принята во внимание. Лексемы были упорядочены по частоте употребления их в текстах. Исследование строится на характеристике пяти знаменательных частей речи: имен существительных, имен прилагательных, имен числительных, наречий и глаголов.

Мы выявили лексику, наиболее характерную для каждого из выбранных нами авторов. Для этого на основании сопоставления текстовых массивов трех поэтов сформированы четыре списка частотных лексем при помощи программы Microsoft Access. В первый список попала лексика, часто встречающаяся у всех трех поэтов. Она очень разнообразна: личные местоимения (*я, ты*), прилагательные цвета (*белый, красный, черный*), слова, обозначающие части тела человека (*нога, рука, палец, щека*), абстрактные глаголы (*быть*), модальные слова (*мочь*), глаголы движения (*бродить, идти, проходить*), эмотивная лексика (*любовь, любимый, любить, радость*) и другие (подробнее о лексике, часто используемой разными писателями, см. [5]). Остальные три списка — списки частотной лексики, характерные только для одного из поэтов. В них упорядочены лексемы, у которых коэффициент употребления на 10000 не ниже 1, то есть это слова, употребляющиеся в текстах не реже одного раза на десять тысяч слов или (условно) ста раз на миллион слов.

В результате сопоставления текстовых массивов трех поэтов, в списке лексики, частотной в произведениях А. Ах-

матовой, оказалось 372 слова, в произведениях А. Блока — 231 слово и у С. Есенина — 385 слов.

Следующим этапом работы стал семантический анализ и выделение доминантных денотативных сфер, отраженных в творчестве каждого автора. Выявление семантических классов осуществлялось на основе классификаций, принятых в словарях лексикографической группы «Русский глагол», вышедших под редакцией профессора Л. Г. Бабенко [7]. Мы распределили частотные лексемы на несколько денотативных сфер — таких как «Неживая природа», «Живая природа», «Эмоции», «Оценка», «Речь» и др.

Ведущими денотативными сферами у А. Блока стали сферы «Восприятие органами чувств», «Социальные отношения и трудовая деятельность», «Эмоции» и «Оценка».

Ведущие сферы у С. Есенина: «Живая природа», «Неживая природа», «Восприятие органами чувств», «Эмоции».

Ведущие сферы у А. Ахматовой: «Эмоции», «Социальные отношения и трудовая деятельность». Из-за преобладания контекстов, которые отошли к этим двум сферам, остальные сферы оказались относительно малочисленными.

Дальнейшему специальному анализу были подвергнуты лексемы денотативной сферы «Живая природа», являющейся самой объемной у С. Есенина. Тексты, привлеченные для анализа, были также взяты на сайте Машинного фонда русского языка, то есть именно они являются источником первичной статистической информации. Из этих поэтических текстов выбраны случаи употребления самых частотных лексем; проведен контекстологический анализ. Следующим шагом стало обобщение специфики употребления избранных частотных слов.

Известно, что природа занимает важное место в творчестве Есенина. Многие исследователи творчества поэта (А. Волков, П. Юшин, В. Базанов, Ю. Прокушев и др.) отмечают, что природа является «главным героем» в произведениях поэта. А. Волков говорит, что «поэт как бы частица природы. Картины природы проникаются общим мотивом... В этих стихах обитает мечта о нерасторжимом единстве с природой» [1]. Ю. Прокушев отмечает, что для Есенина «природа — это

чудесный и необъятный храм, в котором все прекрасно» [6]. В стихотворениях Есенина она изображена неотделимо от человека, в гармоничном единстве с ним. Природа обладает своим духовным миром и при этом очень точно передает мысли и чувства лирического героя.

Неудивительно, что при такой любви поэта к природе самой частотной денотативной сферой у Есенина стала сфера «Живая природа». Слова, входящие в эту сферу, можно разделить на несколько групп:

- «Растения»: *береза, березовый, черемуха, ель, осина, верба, рябина, овес; сук, ветка, колос, листва, чаща, пуца;*

- «Животные»: *корова, коровий, лошадь, кобыла, собака, собачий, овца, кот, зверь, волк;*

- «Птицы»: *голуба, голубица, петух, журавль, ворон, сова, синица;*

- «Части тела»: *хвост, рог, копыто, лапа; голова, грудь, волос, губа, ухо, шея, живот, бровь, борода, ус;*

- «Физиологические процессы»: *дрема, дремать, труп, угаснуть;*

- Врожденные и приобретенные особенности живого существа: *тощий, кудрявый, могучий.*

Самым частотным словом в группе «Растения» стало слово *березка*. М. Эпштейн отмечает, что «береза во многом благодаря Есенину стала национальным поэтическим символом России. Другие излюбленные растения — липа, рябина, черемуха». С ним нельзя не согласиться — в текстах поэта слова *березка* и *березовый* встречаются 52 раза.

В произведениях поэта береза практически всегда уподобляется человеку. Она обладает многими человеческими качествами, она может глядеть (*О тонкая березка, / Что загляделась в пруд?*), говорить с лирическим героем (*И мне в ответ березка...*), улыбаться (*Улыбнулись сонные березки...*).

Интересно такое употребление как *березовое молоко*: *Туда, где льется по равнинам / Березовое молоко; Взбрезжи, полночь, луны кувшин / Зачерпнуть молока берез* (слово *молоко* тоже в списке частотных лексем Есенина).

Береза в стихах Есенина не только одушевлена, но и антропоморфна. Чаще всего она изображается в образе молодой

девушки: *Зеленокошая, / В юбочке белой / Стоит береза над прудом; Березки! / Девушки-березки!; Я навек за туманы и росы / Полюбил у березки стан, / И ее золотистые косы, / И хощовый ее сарафан; Так и хочется к телу прижать / Обнаженные груди берез.* Ветви, листва, ствол, сережки березы сравниваются с одеждой (*Отрок-ветер по самые плечи / Заголил на березке подол...*) или частями тела человека (*Злой октябрь осыпает перстни / С коричневых рук берез...*).

Иногда возлюбленная лирического героя может сравниваться с березкой: *Ты, моя ходячая березка.*

Очень часто Есенин, изображая березу, подчеркивает ее белизну: *Белая береза / Под моим окном; Не березки-белолычушки / Из-под гоноби подрублены; В роще по березкам белый перезвон; Строен и бел, как березка, их внук.*

Приведенные примеры показывают, как в стихотворениях реализуется частотная лексика, подтверждают ее значимость для автора.

Другие частотные лексемы этой группы также стабильно реализуются в стихотворениях. Например, у Есенина устойчив образ черемухового весеннего снега (*черемуха* на втором по частотности месте после лексемы *береза*): «*черемуховая вьюга*», «*сыплет черемуха снегом*», «*сыпь ты, черемуха, снегом*», «*как метель, черемуха, машет рукавом*» и др.

В идеографическую группу «Животные» попали прежде всего лексемы, обозначающие домашних животных. Только лексема *волк* означает животное дикое, и *зверь* — животное вообще.

Самые частотные лексемы этой группы — *корова* и *лошадь*, менее частотные — прилагательное *коровий* и существительное *кобыла*.

В отличие от березы, которой в лирике Есенина приписывается богатый внутренний мир, способность к речи и другие человеческие качества, корова в стихотворениях изображается реалистичнее. Она умеет лишь говорить на своем языке, который непонятен лирическому герою, и сама не понимает человека: *Говорят со мной коровы / На кивливом языке; Если бы корова / Понимала слово, / То жилось бы Пете / Лучшие нет на свете.*

В стихотворении «Корова» перед читателем предстает образ замученного животного, которому тяжело живется в деревне: *Дряхлая, выпали зубы, / Свиток годов на рогах. / Бил ее выгонщик грубый / На перегонных полях.* Поэт говорит о корове с нежностью, жалеет ее: *Он пришел целовать коров, / Слушать сердцем овсяный хруст; И нежно охает ячменная солома, / Свисая с губ кивающих коров.*

Корова и коровье молоко для Есенина — так же, как и береза, символы России, ассоциирующиеся у поэта с Родной и его стихами: *О родина, о новый / С золотою крышей кров, / Труби, мычи коровой, / Ревил телком громов; И на песни мои прольется / Молоко твоих рыжих коров; В этих строчках— песня, в этих строчках—слово. / Потому и рад я в думах ни о ком, / Что читать их может каждая корова, / Отдавая плату теплым молоком.*

Лошадь также не символизируется поэтом: это животное, постоянно трудящееся, приносящее пользу человеку: *впрягая в сани лошадь, в пути лошади вспотели* и др.

Приведенные примеры показывают, что в поэтическом мировосприятии поэта образы растений и животных занимают центральное место. В значениях частотных слов, относящихся к этой сфере, помимо этноспецифических коннотаций, актуализируются индивидуальные коннотации, которые отражают восприятие поэтом окружающей действительности, выступают в виде индикаторов эмоционального состояния лирического героя.

Среди слов, попавших в частотные списки А. Ахматовой и А. Блока, наоборот, очень мало лексем, принадлежащих к денотативной сфере «Живая природа».

• *Бык, рыба, ветвь, корень, ствол, лилия, дышать, дыханье, порождение и рождать* — слова, характерные для А. Блока.

Частотность практически всех лексем, относящихся к данной денотативной сфере, в среднем равна единице. Исключение составляют лишь два слова: *дышать* и *дыханье*, — имеющие частотность 3,517 (в текстах встречаются 45 раз) и 2,116 (встречаются 30 раз) соответственно. Эти слова стали объектом дальнейшего контекстологического анализа.

В стихотворениях поэта встречаются также и другие лек-

семь, обозначающие дыхание: *наддышаться, раздышаться, вдыхать, задышаться*. Проанализировав тексты А. Блока, мы выделили несколько особенностей реализации частотных лексем *дышать* и *дыханье*:

1. Глагол *дышать* в стихотворениях поэта часто является синонимом к слову *жить*: *Где дышал и любил твой таинственный гений...; Только здесь и дышать, у подножья могил...; Все, чем дышал я, / Чем ты жила...; Хочу по имени назвать, / Дышать и жить с тобою рядом...* Причем дышать (в значении жить) может не только человек: *Как будто вдруг — светло и звучно / Дышала песнь — и умерла.*

2. Для характеристики настроения, состояния героев очень важно, как (чем) они дышат: *Дыша духами и туманами, / Она садится у окна; И шепчет: «Устал я шататься, / Промозглым туманом дышать...; Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон, / Которым я цвел и дышал; Наши уста в поцелуях сольются, / Буду дышать поцелуем твоим.* Дыхание может быть «страстным», «тоскующим», «женственным». Важна и физиологическая характеристика дыхания. Мерное дыхание героя говорит о его спокойствии, затаенное дыхание показывает ожидание или боязнь испугнуть кого-либо: *Что же делать! Толпа мне отсюда видна, — / Затаивши дыхание, ждет...;... и сын, едва дыша, / Глядит, глазам не доверяя.*

3. Способностью к дыханию в стихотворениях Блока разделяются различные природные явления, такие, как гроза, вьюга, тучи, ветер: *Всю ночь дышала злобой вьюга...; На жарком небе туча — грозно / На нас дышала; ветер спал; Моих волос касались руки, / Смотрели темные глаза, / Дышала синяя гроза.* Дышать могут растения: *Блеклая роза печально дышала; Пробивается бледная травка, Обреченная жить без весны / И дышать стариной бездыханной; Цветы луговые дышат / Навстречу летним ветрам.*

Можно сделать вывод, что лексемы *дышать* и *дыханье* очень значимы для А. Блока. В его стихотворениях они служат и для обозначения физиологического процесса, и для характеристики эмоционального состояния лирического героя. Иначе говоря, по тому, *как дышит герой*, можно определить его настроение, чувства, которые он испытывает.

У Ахматовой к денотативной сфере «Живая природа» относятся следующие слова: *шиповник, сирень; коршун, ласточка; олень; смуглый, слепой, стройный; хищный.*

По мнению Ж. Н. Колчиной, поэтическая «орнитология» очень важна в творчестве Ахматовой [2]. Ученый выделяет три образа-мотива птиц, которые часто появляются в ахматовском мире. Это образы-мотивы голубя, лебедя и кукушки.

Лексема *лебедь* входит в список лексики, частотной для всех трех авторов. А в сформированный нами частотный список Ахматовой попали другие наименования птиц: *ласточка* и *коршун*. Согласно статистике Машинного фонда, их частотность невелика — 1,107. Такой же недостаточно показательной является и частотность других слов. Так, например, слово *шиповник*, по статистике Машинного фонда встречающееся в текстах Ахматовой 18 раз, только 3 раза используется для номинации в стихотворениях, а в остальных случаях повторяется в названии частей стихотворения «Шиповник цветет», хотя в оригинале название стихотворения стоит только в начале и больше не повторяется.

Проведенное исследование показывает, что денотативная сфера «Живая природа» представлена в творчестве каждого выбранного автора. Однако более полно она выражена в произведениях Сергея Есенина, для которого характерно изображение конкретных представителей живой природы — растений и животных. В стихотворениях Блока реалии природы изображены в меньшей степени. Сфера «Живая природа» Ахматовой также немногочисленна. В нее входят названия растений, животных и птиц, физические характеристики человека.

В целом по итогам проведенного исследования мы можем сделать вывод, что статистическая характеристика текстов является значимым показателем, на базе которой можно выявлять черты поэтической картины мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волков А. А. Художественные искания Есенина. М., 1976.
2. Колчина Ж. Н. Художественный мир А. А. Ахматовой. Мифопоэтика. Жизнетворчество. Культура : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007.

3. *Корона В. В.* Поэзия Анны Ахматовой: Поэтика автовариаций. Екатеринбург, 1999.

4. *Миц З. Г.* Блок и русский символизм : избр. труды : в 3 кн. Кн. 3 : Поэтика Александра Блока. СПб., 1999.

5. *Мухин М. Ю.* Лексическая статистика и концептуальная система автора. М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург, 2010.

6. *Прокушев Ю. Л.* Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М., 1979.

7. *Словарь-тезаурус синонимов русской речи* / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

© Л. Ю. Перминова
УрФУ

КОНЦЕПТ «СОЗНАНИЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ В. О. ПЕЛЕВИНА

В. Пелевин считается одним из значимых авторов современного постмодернизма. Романы В. Пелевина часто строятся на неразличении настоящей и придуманной реальности: «...окружающий мир есть череда искусственных конструкций, где мы обречены вечно блуждать в напрасных поисках «сырой», изначальной действительности» [5]. Иногда автор указывает на то, что «изначальная действительность» существует только в нашем сознании, в психической реальности («наш мир и ум — одно и то же»), и вызывается к жизни процессами мышления, иногда — опровергает это, задаваясь вопросом, где же существуем тогда мы сами. По мнению исследователей и критиков, сложно отыскать не только «изначальную действительность» В. Пелевина, но и подход, некий «ключ» к его творчеству. Мы предположили, что таким ключом может стать собственно лингвистическая составляющая текстов автора, и обратились к исследованию индивидуально-авторских концептов интеллектуальной деятельности в его произведениях, в частности, к анализу концепта «Сознание».

При выявлении репрезентантов концепта мы опирались на следующие словарные дефиниции: «Сознание — человеческая способность к воспроизведению действительности в мышлении, психическая деятельность как отражение действительности» [3: 744], «Сознание — восприятие и понима-

ние окружающей действительности, свойственное человеку, способность осмысленно воспринимать окружающее» [4], «Сознание — высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности» [4]. В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой [1] в словарной статье «Сознание» приводятся синонимы *дух* и *психика*.

В результате сплошной выборки из произведений В. Пелевина были выявлены следующие репрезентанты концепта:

1. Существительные со значением «психическая деятельность как отражение действительности» (в приведенных ниже примерах подчеркивается именно связь сознания с действительностью, способность или неспособность реагировать на внешние воздействия):

а) существительное **сознание**:

(1) *«Собственно, не вполне верно было называть его безмыслием хотя бы по той простой причине, что мое сознание, полностью освободясь от мыслей, продолжало реагировать на внешние раздражители, никак не рефлексировав по их поводу»;*

(2) *«Как только Татарский прочел ее, весь остальной этнографический материал перестал восприниматься его сознанием — в нем остались только эти пять мерцающих слов»;*

(3) *«Видно, какая-то часть моего сознания сохраняла связь с внешним миром, и наступившая тишина подействовала на меня, как звонок будильника».*

б) существительное **психика** («Психика — совокупность ощущений, представлений, чувств, мыслей как отражение в сознании объективной действительности; душевный склад человека» [3: 630]):

(1) *«Наложение трех вау-импульсов на более тонкие процессы, происходящие в человеческой психике, рождает все посредственное многообразие современной культуры»;*

(2) *«Странно устроена человеческая психика!»;*

(3) *«И психика каждого человека программируется на базовом уровне теми ассоциативно-семантическими полями, которые задействует имя и фамилия».*

в) существительное **ум** в значении «сознание, рассудок» [4]:

(1) *«Superman, Batman, еще пара похожих фильмов, и ум сам начинает клишировать реальность по их подобию»;*

(2) *«Знаешь, в чем тайный ужас здешней жизни? Когда ты покупаешь себе кофточку, или машину, или что-то еще, у тебя в уме присутствует навешанный рекламой образ того места, куда ты пойдешь в этой кофточке или поедешь на этой машине»;*

(3) *«Это была та часть человеческого сознания, которую Энлиль Маратович назвал умом «Б»».*

2. К образным номинациям сознания мы отнесли следующие лексемы:

а) **голова:**

(1) *«А ей, точно так же, как ему самому, эту сомнительную вечность просто вставляли в голову в одном контейнере с природоведением и неорганической химией»;*

(2) *«— Потому единственно не догадался, — мрачно сказал Т., — что вы не вложили этой догадки мне в голову»;*

(3) *«Клиент (его имя так и осталось неизвестным) был удивительно похож на тот образ, который сложился в голове у Татарского после вчерашнего разговора».*

б) **мозг(и):**

(1) *«Главное, чтоб у людей мозги были заняты и эмоции выгорали»;*

(2) *«Насколько Татарский мог судить, никакого сражения между товарами за ниши в развороченных отечественных мозгах не происходило»;*

(3) *«Неужели такое примитивное промывание мозгов действует?»*

Мозг и голова — это, в терминах Л. Б. Никитиной [7], «интеллектуальные части человека»; реально существующие органы, которые в образном представлении связываются с психикой, интеллектуальной деятельностью и потому наделяются соответствующими функциями. В толковом словаре *голова* в третьем (переносном) значении — «ум, рассудок», *мозг* в четвертом (переносном) — «ум, умственные способности» [3].

Необходимо отметить особую важность в контексте творчества Пелевина выражения *«промывать мозги»*. Помимо собственно этого выражения, в прозе автора появляется множество ему синонимичных, описанных ниже.

Мысль в прозе Пелевина чаще всего представляет собой нечто независящее от человека и даже для него опасное. Такая

мысль неожиданно «приходит» или «вставляется» человеку в голову, т. е. в **сознание**, которое, в свою очередь, оказывается пассивным и открытым для разнообразных воздействий. Это следует из анализа сочетаемости лексем «*сознание*», «*психика*», «*ум*» «*голова*» и «*мозги*» (всего около 520 контекстов): с ними употребляются глаголы, отглагольные существительные и страдательные причастия со следующей семантикой:

1. Семантика проникновения внутрь:

(1) «...возникает виртуальный субъект этого психического процесса, который на время телепередачи существует вместо человека, **входя в его сознание**, как рука в резиновую перчатку».

Войти — «вступить, проникнуть внутрь» [3: 94].

2. Семантика помещения объектов внутрь:

(1) «... имеет смысл подумать **о введении в сознание** потребителя «*Николы Спрайтова*»»;

(2) «— Потому единственно не догадался, — мрачно сказал Т., — **что вы не вложили этой догадки мне в голову**»;

(3) «Обобщая вышесказанное, можно сказать, что основным каналом **внедрения** шизоблоков заказчика **в сознание** россиян в течение достаточно долгого обозримого периода будет **оставаться телевидение**»;

(4) «Он **впрыскивается** языком **прямо в мозг** и мгновенно создает свои собственные нейронные цепи, отличающиеся от стандартных контуров человеческого счастья»;

(5) «... эту сомнительную вечность просто **вставляли в голову** в одном контейнере с природоведением и неорганической химией»;

(6) «Мария заключила, что имеет дело с **сильно замусоренным** и не вполне нормальным **сознанием**».

Ввести — «поместить, влить, впустить, вмешать внутрь чего-нибудь», *вложить* — «положить, поместить внутрь», *внедрить* — «ввести, укрепить в чем-нибудь», *вставить* — «поместить, поставить внутрь чего-либо», *впрыснуть* — «пустить под кожу (шприцем)», *замусорить* — «загрязнить, заполнить мусором» [3].

3. Семантика физического воздействия на объект, изменения его качественного состояния:

(1) «**Вытесняющий импульс** подавляет и **вытесняет из сознания** человека все психические процессы, которые могут помешать полному отождествлению с клеткой орануса»;

(1) «*Насколько Татарский мог судить, никакого сражения между товарами за ниши в **развороченных отечественных мозгах** не происходило*»;

(2) «*Ко мне зимой приезжала пара таких рекламодателей. Хотели сознание **расширить***».

Вытеснить — «тесня, удалить, заставить выйти», *разворотить* — «разбросать, разломать, разрушить (обычно что-нибудь сложенное, построенное)», *расширить* — «увеличить в числе, объеме» и «сделать более широким по содержанию, усилить, углубить» [3].

4. Семантика подчинения:

(1) «*Лучше не пытаться выйти за свои границы, потому что наваждение, сила которого недостаточна, чтобы **полностью подчинить чужое сознание**, выдает нас с головой*»;

(2) «*Вытесняющий импульс **подавляет** и вытесняет **из сознания человека все психические процессы**, которые могут помешать полному отождествлению с клеткой орануса*»;

(3) «*...разработки западных спецслужб по **программированию сознания***».

Подчинить — «поставить в зависимость от кого-нибудь или чего-нибудь, заставить действовать сообразно чему-нибудь», *подавить* — «силой положить конец чему-нибудь, уничтожить, заглушить», *программировать* — «составлять, записывать специальным кодом программу для ЭВМ» [3].

5. Семантика интеллектуального воздействия на объект с целью ввести в заблуждение:

(1) «*— А может быть, — сказал Т., — Ариэль по-прежнему **морочит мне голову**, притворяясь вами*»;

(1) «*Ты только **вдумайся**, какой возникает кумулятивный эффект, когда столько **обманутых сознаний** встречается в одну секунду в одной и той же точке*»;

Морочить — «вводить в заблуждение, обманывать», *обмануть* — ««ввести в заблуждение, сказать неправду, поступить недобросовестно по отношению к кому-нибудь» [3].

Процесс введения в заблуждение довольно часто именуется метафорически; например, в таких сочетаниях, как *запорошить мозги, законопатить мозги, промывание (контр-промывание) мозгов*:

(1) «На Западе заказчик рекламы и копирайтер вместе пытались **промыть мозги** потребителю, а в России задачей копирайтера было **законопатить мозги** заказчику»);

(2) «Потому-то всему вашему поколению **мозги и заporошили**»;

(3) «**Неужели такое примитивное промывание мозгов действует?** — спросил я».

Репрезентанты концепта «Сознание» также могут сочтаться собственно с существительным (воз)действие:

(1) «... основой телевещания, главным способом **воздействия** рекламно-информационного поля **на сознание**»;

(2) «**Крупнейшие корпорации заканчивают передел человеческого сознания, находясь под непрерывным действием... вау-импульсов, начинает самостоятельно генерировать три вау-фактора**».

Лексемы с такой семантикой представляют сознание как чрезвычайно уязвимую область, которая легко подчиняется чужой воле, подвергается трансформациям, «впускает» в себя чужеродные элементы, действует по заданной схеме. Оно ассоциируется с чем-то «захлавленным», своего рода чуланом, в который человек скидывает все, что попадет под руку:

(1) «**Поразительно, сколько нового сразу же открывается человеку, стоит только на секунду опустошить заполненное окаменелым хламом сознание!**»;

(2) «**В его сознании крутились только смутные образы, штампы из рекламы, которые он сам ретранслировал уже долгое время, отчего и не мог им верить**»;

(3) «**Словом, в голове у меня была полная каша**».

С содержимым этого чулана и производятся различные операции: объекты оттуда «вытесняются», «замещаются» другими:

(1) «... это понятие занимает настолько устойчивую позицию в сознании потребителя, что для его вытеснения и замещения потребуются огромные затраты»;

(2) «... термин «Uncola» (то есть не-кола) крайне успешно позиционирует «Спрайт» против «Пепси-колы» и «Кока-колы», создавая особую нишу для этого продукта в сознании западного потребителя».

Необходимо уточнить, что сознание редко выступает как принадлежащее одному человеку; чаще всего это коллективное сознание, на что указывают сочетания репрезентирующих концепт лексем с собирательными существительными и существительными во множественном числе:

- (1) «... *внедрения шизоблоков заказчика в сознание россиян*»;
- (2) «... *о введении в сознание потребителя*...»;
- (3) «...*всему вашему поколению мозги и запорошили*».

Обратим внимание на то, что важными оказываются национальная принадлежность обладателей сознания («*сознание россиян*», «*сознание западного потребителя*», «*отечественные мозги*») и период времени, в которые производятся различные операции («*всему вашему поколению*»).

Итак, объект воздействия — коллективное сознание некой общности, которая мыслится как единое целое, однородная масса. Сознания представителей этой общности становятся такой же однородной массой:

(1) «*Все они [сердца и умы] как бы сливались в один океан сознания, через миллионы глаз глядящий на телеэкран*».

Что более важно, субъект воздействия во всех случаях — некое сверхсущество (оборотень, вампир) или человек определенного рода занятий (рекламодатель, копирайтер, писатель и т. д.): именно он «*программирует*» и «*расширяет*» сознание людей, часто начиная теряться, путаться и размышлять над тем, кто же в таком случае проделывает то же самое с его собственным умом: «*В его сознании крутились только смутные образы, штампы из рекламы, которые он сам ретранслировал уже долгое время, отчего и не мог им верить*».

Таким образом, концепт «Сознание» у В. Пелевина предполагает разделение персонажей на две группы: те, кто воздействует, и те, на кого воздействуют. Главный персонаж романа может быть и объектом воздействий («Омон Ра», «Т.»), и (в какой-то мере и изначально) субъектом («Generation П», «Священная книга оборотня», «Ампир В»).

Субъект воздействия относится к различным операциям с чужим сознанием как к рутине, пишет об этом трактаты и заметки. Если сознание — это способность человека отражать действительность в мышлении, то основная задача

тех, кто воздействует на сознание в своих целях, — сделать это отражение максимально искаженным и таким образом заставить человеческий разум создавать новые фантомы. Отсюда возникающее у человека пренебрежительное отношение к «захламленному» сознанию, которое он видит со стороны, желание его очистить:

(1) *«Поразительно, сколько нового сразу же открывается человеку, стоит только на секунду опустошить заполненное окаменелым хламом сознание!»;*

(2) *«Мария заключила, что имеет дело с сильно замусоренным и не вполне нормальным сознанием, и, когда все кончилось, испытала большое облегчение».*

Подытожим вышесказанное, сформулировав основное содержание концепта «сознание» в прозе В. Пелевина на основании проведенного анализа: **СОЗНАНИЕ — сфера внутренней жизни человека, отвечающая за особое, искаженное восприятие реальности, возникающее вследствие специальных воздействий извне.**

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : около 9000 синонимических рядов / под ред. Л. А. Чешко. М., 1968.

2. *Концептосфера* русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.

3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006.

4. *Словарь* русского языка : в 4-х т. Т. 4. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

5. *Генис А.* Беседа десятая. Поле чудес: Виктор Пелевин [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1997/12/genis1.html>.

6. *Гурин С.* Пелевин между буддизмом и христианством [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gurin/1.html>.

7. *Никитина Л. Б.* Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка : учеб. пособие. Омск, 2007.

8. *Никитина Л. Б.* Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира. Омск, 2004.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ РОДИНЫ
В ПОЭЗИИ И. СЕВЕРЯНИНА

Что есть поэтический текст? На первый взгляд, вопрос не вызывает ни малейших затруднений, однако, берясь за исследование этого феномена, мы зачастую уходим либо в область литературоведения, либо в область лингвистики. Рассматривая же произведение, важно понимать, что текст — это не только определенная совокупность языковых единиц, но и личность автора. Так, выбор писателем той или иной лексемы нередко таит в себе не просто удачное сочетание, но и нечто сокровенное, глубоко личное. Поэтому, выявляя и анализируя лексику, использованную в тексте, мы проводим исследование как языковое, так и психологическое.

В данной статье опыт соединения психического и лингвистического был произведен на материале поэзии Игоря Северянина. Выбор именно этого автора не случаен. Начало XX века ознаменовалось появлением целой плеяды ярких и интересных творцов. Однако даже для того времени Игорь Северянин оказался поэтом весьма эпатажным и неоднозначным. Читая его стихотворения, мы погружаемся в своеобразный мир, в котором не бывает полутонов, есть лишь крайности. Выразительное, почти кричащее слово — иного Северянин просто не мог бы использовать. Но несмотря на неординарность, творчество поэта исследовано недостаточно как литературоведами, так и лингвистами. Большая часть работ посвящена ранней поэзии Игоря Северянина, тогда как поздние тексты остаются за границами внимания исследователей. В данной статье рассматриваются стихи эстонского периода творчества поэта (с 1918 по 1941 г.).

Листая сборники «Соловей», «Вервэна», «Менестрель», «Фея Etoile», «Классические розы», «Медальоны», «Адриатика», даже неподготовленный читатель обращает внимание,

насколько важную роль играет в текстах Северянина пространственный аспект. Ю. М. Лотман трактует художественное пространство как модель мира автора, выраженную на языке его пространственных представлений [4: 252]. Таким образом, точкой отсчета является человек [5: 3]. «Посредством языка в сознании говорящих отражаются предметы и явления материального мира», которые существуют лишь «в неотрывном единстве с категориями пространства и времени» [6: 117]. Однако «пространство, данное человеку целиком, никогда не мыслится как единое целое. На первый план выдвигается некоторый фрагмент, по отношению к которому человек ориентируется, локализует себя» [3: 29]. Здесь можно говорить о семантическом поле (далее — СП), иерархической структуре множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу (в данном случае — локус) [2: 232]. Так, у Северянина мы выявляем СП «Родина».

Особый акцент необходимо сделать на том, что языковые единицы сближаются не только на основании внутрисистемной семантической связи, обусловленной наличием общего семантического компонента (*местность*), но и при помощи внесистемной — ассоциативной связи (*местность* — страна — Россия — Русь — земля — дом). Поэтому семантическое поле представляет собой комплексное единство, вбирая в себя свойства семантического класса и ассоциативного ряда [1]. Одним из наиболее значимых требований к внутренней структуре поля является то, что оно должна быть соотнесена с внеязыковой реальностью. Эта соотнесенность обеспечивается в процессе выделения отдельных областей внутри поля: групп, микрополей, субполей, представляющих собой отдельные признаки поля. «Родина» и ассоциированные с ней явления рассматриваются нами в отношениях «целое — часть».

Семантическое поле неоднородно: в нем можно выделить центр и периферию. К центру в поле «Родина» относятся синонимы этого слова, а также слова-антиподы — те слова, с помощью которых автор создает конфликт «своего» и «чужого» (обозначающие Эстонию, место вынужденной ссылки: *заброшен в приморскую глушь, в края неласковой*

чужбины, Эстония, милая Эсти, оазис в житейской тщете, в этой маленькой русской колонии). На периферию же отходят названия отдельных объектов (*ее [страны] равнины снеговые, простор родных деревень, [народ] в церковь войдет, через поля [России], вдоль Москвы-реки, радушные особняки, к уютной церквушке, за башнями Кремля, на восток, к горам Урала*). Подобные группировки слов определяются как микрополя — СП меньшего объема. Микрополя взаимодействуют друг с другом в рамках заданного семантического пространства. Они обладают минимальной самостоятельностью в плане содержания и в плане выражения. Лексемы называют объекты природного пространства, изображают пейзажные особенности русского (или при описании «чужого» — эстонского: *использованные поля, пустая земля, по октябрьской мерзлой поляне, в приморском парке, нежно слова эстийские призвели над леском, чито звенели ландыши, запрятанные под куст, у моря Финского, на дальнюю мельницу Lagedi, в приветливую избу*) пространства в тексте.

При выявлении и анализе единиц микрополей необходимо прежде всего уделять внимание их словесному окружению. Благодаря этому слово перестает быть внеконтекстным, обретает глубину и показывает нам автора. Рассматривая контекстное употребление единиц пространственных микрополей в стихотворениях Северянина, мы наталкиваемся на упоминавшуюся оппозицию «свое — чужое». Какое же значение она имеет в текстах поэта?

Здесь оказывается необходимым привести некоторые биографические сведения. В 1918 г. И. Северянин с семьей уезжает на отдых в Эстонию. А уже в 1920 г. происходит отделение Эстонии от России, и поэт оказывается в вынужденной эмиграции. И все же в Прибалтике отрыв от родной почвы остается неощутим. Поэт оказывается эмигрантом в физическом плане, но вовсе не становится им в лирике. В его стихах боль за Родину перемежается с критикой государственного строя:

Есть театр, есть стихи, есть симфонии.

Есть картины, и, если в Эстонии

Ничего нет такого для вас,

Соотечественники слишком русские,
 Виноваты вы сами, столь узкие,
 Что теряете ухо и глаз.

(«Поэза для беженцев»)

Куда ж деваться вам от срама,
 Вы, русские низы и знать?
 ...Убрав царя, влюбиться в хама,
 А гражданина вон изгнать?!..

(«Поэза дополнения»)

В России тысячи знакомых,
 Но мало близких. Тем больней,
 Когда они погибли в громах
 И молниях проклятых дней...

(«Поэза душевной боли»)

Отношение Северянина к Родине не является статичным. В стихотворениях идет постоянное смещение семантики «своего» и «чужого».

С одной стороны, свое — то, что было уничтожено, отобрано революцией. Для «своего» Игорь Северянин использует образ надежного, прочного, старого (в значении «проверенный»). Для Игоря Северянина «своим» оказывается не Россия-государство, а Россия-земля, народ, воспоминания (*о России петь — что стремиться в храм по лесным горам, полевым коврам, город топал, трезвонил и цокал, целовался, восторгом объятый, в ту пору я жил в новгородских дебрях*). В этом конфликте чужбиной оказывается Эстония (*и в чуждом краю зимой ты бродишь, идти лесными тропами в пустые дни, ничего здесь никому не нужно, не чувствуя лодочки под собой, ни себя, ничего*).

С другой стороны, чужое — то, что стало со страной после революции. Оно изгнало деятелей культуры из страны, отдалило поэта от Родины. Помогают в создании такого ощущения описания мира темного, вандального, злого: *Пускай всю землю оглашает плач с экватора до полюсных окраин, в этом благодатном месте стал мрачным воздух голубой, уходите вы, могоканы, последние, родной страны, «сумасшедшая мазня забрызгали в Москве последний сарай, бездарностью дразня*. В этом случае Эстония уже представляется местом тихим, лишенным бедствий (*с той стороны Финляндского залива, из города-страны озер и скал, ваш дом, где неизменен тонкий вкус*,

спасибо, благородная страна, любимая и любящая братски, — в гостеприимстве ты была нежна).

Анализируя тексты Северянина, мы выявили следующие особенности репрезентации образа Родины и оценочные смыслы, связанным с ним:

1. В текстах начала Эстонского периода Игорь Северянин практически не использует прямых наименований России, употребляя лексему *страна*. В стихотворениях используются отсылки к образу Родины через реалии (деревни, поля, тропы, церкви и т. п.).

2. Частота этих отсылок невелика. Они встречаются не подряд, не в каждом стихотворении, а лишь в некоторых. Частотны случаи обращения к СП «Родина» через выражение негативного отношения к новой политике государства (например, стихотворения, посвященные изгнанным деятелям культуры).

3. С увеличением срока ссылки частота упоминаний возрастает. Автор начинает употреблять слова *Россия*, *Отчизна*, *Родина* чаще. Игорь Северянин описывает уже не столько современную страну, сколько свое восприятие Родины. Возникает эффект заполнения обширного СП деталями, при этом само СП не дробится, а остается цельным, монолитным, таким, что читателю становится практически невозможно выделить центр и периферию поля (например: периферийное слово *храм*, ранее обозначавшее элемент пространства, становится синонимично всему пространству: *Россия — храм*).

4. Динамика в характеристике образа Родины идет от отрицательного к положительному. Так, в сборнике «Менестрель» мы встречаем лишь поэзы, подобные «Поэзе душевной боли»; тогда как в «Классических розах» есть несколько текстов с положительной оценкой образа Родины. Оценочная составляющая СП очень точно выражена самим Северянином:

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою.

5. Лексика СП «Родина» в текстах Игоря Северянина выполняет три основных функции:

— задает пространственную ориентацию (называя объекты реальности и обозначая их место по отношению к субъекту с помощью предлогов);

— создает оппозицию «свое / чужое», тем самым раскрывая образ Родины;

— накладывает психологический, эмотивный фон.

Таким образом, в данной статье на материале слов СП «Родина» была сделана попытка представить определенный фрагмент картины мира «поэта-изгнанника» при помощи рассмотрения словесного выбора автора и выявления оценок и эмоций через лексику и ее контекстное окружение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Васильев Л. М.* Теория семантических полей // *Вопр. языкознания*. М., 1971. № 5.

2. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.

3. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.

4. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 251–293.

5. *Прокофьева В. Ю.* Русский поэтический локус в его лексическом представлении (На материале поэзии «серебряного века»). СПб., 2004.

6. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. М., 1988.

7. *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. М., 1974.

© **В. В. Соковнина**
УрФУ

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОНСЕНСА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА ДЖ. ЛЕННОНА)

*Если в мире все бессмысленно,
что мешает выдумать какой-
нибудь смысл?*

*Л. Кэрролл
«Алиса в Стране Чудес»*

Нонсенс как литературный феномен развился в Англии в конце XIX века. Классиками данного жанра являются Л. Кэрролл («Алиса в Стране Чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Охота на

Снарка») и Э. Лир («Книга нонсенса», «Еще больше абсурда»), создавшие художественные тексты, где все названо «чужими именами», перевернуто с ног на голову, где любые привычные законы не действуют или утрируются до нелепицы. В целом эти тексты иллюстрируют понимание нонсенса З. Фрейдом, называющим нонсенс своеобразным «уходом», отклонением от логической линии в сторону абсурда и «освобождением от внутренних оков» [2: 259]. Н. М. Демурова отмечает, что «суть нонсенса <...> именно в этой детской “остраненности”, в умении взглянуть на мир “свежим” глазом ребенка» [1: 76]. Именно это роднит нонсенс с непринужденной и веселой игрой. Говоря об особенностях языковой игры (далее — ЯИ) в литературе нонсенса, необходимо указать основное явление, характеризующее произведения нонсенса как бессмысленные тексты — игра смыслов и нарушение сочетаемости на всех возможных уровнях языка. Все приемы ЯИ, которые используют авторы, направлены не только на актуализацию комического эффекта, но и на «обесмысливание» произведения, чтобы читатель нацелился не на восприятие сюжетных линий, а на игру слов и ситуаций ради самой игры.

В данной статье мы рассмотрим наиболее яркие примеры реализации ЯИ на лексическом, словообразовательном и текстовом уровнях в произведении Дж. Леннона «Единочное переживание мисс Энн Даффилд» в переводе А. Курбановского.

Рассказ Джона Леннона, взятый нами для рассмотрения, построен на двух прецедентных ситуациях: расследование преступления Ватсоном и Холмсом и убийство Джеком Потрошителем проститутки. Однако внимание читателя направлено не на перипетии сюжета, а на изобилие приемов ЯИ, которая зачастую перекрывает смысловую составляющую. Так, если рассмотреть приемы ЯИ на различных уровнях текста, наиболее яркими примерами нонсенса в рассказе являются разного рода игры на уровне лексики:

«Я распарю им чрево за чревом» — шелестел он **сквозь зубры**.
Крадясь в поисках наследной жратвы, он в ту глухую **туманную дочь** напоял то черную темь, то негру. Мысленно он переносился в **детство**, вспоминалось то одно, то драное, то масть,

то овец, и как его били за то, что он съел свою сестру. «Я чокнутый, — пробородал он, наблюдая за словарным припасом, — Мне бы луча дома сидеть в **такую ножь**, как эта.» Он сверкнул под мрачную дарку и завидал впереди свет».

Безусловно, в данном тексте каждое слово являет собой интереснейший пример ЯИ, однако все их мы рассматривать не будем, уделив внимание лишь некоторым. Выделенные нами слова являют собой яркие примеры использования приема паронимии. В частности, в фразе «*в ту глухую туманную дочь*» автор (в данном случае А. Курбановский) намеренно находит аналогичное по звучанию с «ночь» слово, абсолютно не подходящее ситуации, чтобы утрировать нелепость происходящего и уйти от смысловой составляющей текста. Неоднозначно звучит и фраза «*мысленно он переносился в дедство*», само по себе выражение не представляет никакого интереса, так как является стандартным подведением читателя к размышлениям героя, однако слово «*дедство*» выступает здесь, по нашему мнению, паронимом, превращающим «детство» в то, что было очень давно, настолько давно, что стало «*дедством*». Также мы отметили, что в повествовании рассказчика очень много звука «дэ», что наблюдается у людей с заложенным носом: *пробородал, темная дочь, дедство, дарку* — возможно, данный эффект передает физическое состояние героя, его разбитость и болезненность. Впрочем, это только догадки и бессознательная попытка найти смысл даже там, где его нет.

Кроме того, автор часто прибегает к разного рода трансформациям на словообразовательном уровне, особенно к приему контаминации:

Для меня настал очень **беспокаянный** день, ведь я ждал **невестей** от дорогого круга. Я постоянно неразличал, все у меня из рук варилось — не **харакирьно** для Шерстока было бросать меня так, на прокол сумы, одиночного: без него я — ни прибей, ни при сопли!

В этом отрывке рассмотрим слова *беспокаянно*, *невестей* и *харакирьно*. С одной стороны, слово *беспокаянно* является окказионализмом, соединяющим основы слов *беспокойно* и *покаянно*. С другой стороны, это же слово могло быть образованно префиксальным способом и являть собой прием

префиксации, образующий слово «бес-покаянный», значащее «день, когда не было покаяния». И то и другое значение допустимо в рамках контекста, поскольку, как мы видим, смысл предложения практически невозможно разобрать, так как его поглощает ЯИ, о чем мы и говорили ранее. В этом же предложении представлен окказионализм *невестей*, который мог быть образован как контаминационным способом (*невеста* + *вестей* / *новостей*), так и префиксальным, добавляющим к слову *вестей* приставку отрицания *не*, создающую новый смысл: герой ждал уже известную информацию, *невестей*. Слово *харакирьно* употреблено здесь, согласно контексту, в значении «характерно» и созвучно с этим словом двумя начальными слогами и одним конечным. ЯИ в данном случае представлена словообразовательным приемом суффиксации от слова *харакири* (японский традиционный обряд самоубийства в Средние века): *харакири* + суффикс *-н-* + суффикс *-о-*. Таким образом, значение слова можно трактовать и согласно созвучию — «характерно», и согласно суффиксации — «смертельно» (дословный смысл фразы: это было не смертельно для Шерлока).

Не менее интересен прием словообразования «от имени собственного — к имени нарицательному»:

Эллефитцджеральдно, мой дорогой Врульсон, — едко устряхнулся он, — Догорайтесь-ка, Врульсон, кто нынче сбежал из тюрьмы?

Гаррибеллафонтабельно, мой кровавый Врульсон.

Алибаббительно, мой дохлый Врульсон, ведь я видел кино.

Здесь автор обыгрывает ситуацию известного ответа Шерлока Холмса «Элементарно, Ватсон» и заменяет длинное слово *элементарно*, утрированно сложными наречиями, произошедшими от имен собственных (Элла Фитцджеральд, Гарри Белафонте, Али-баба).

Автор постоянно играет с именами и характеристиками главных героев, возможно, выражая таким образом свое отношение к ним. Доктор Ватсон предстает перед нами «дровяным», «дохлым», «дерьмовым» Врульсоном (*в оригинале — Whopper — «наглая ложь»*). Само имя предполагает, что доктор — нечестный человек (дословно «сын вруля»), а его ха-

раактеристики являют нам явное отрицательное отношение автора к этому герою, показанному читателю безынициативным (*дохлым*) и глупым (*дровяным, дерьмовым*). К Шерлоку Холмсу же автор явно расположен (*гомерит; я изнурился остроте его проникабельности*), однако рисует его неуравновешенным человеком, который постоянно кричит («ОКСО УИТНИ», — *заорал Хламс, подскакивая на ноги; подурял он, будто в истерике; заревел Хламс как бездумный*). Выбранное же главному герою имя — Хламс (*в оригинале — Womlbs* — возможно, от *womb* «мрак»), вероятно, подчеркивает хаос, творящийся в голове «Холмса», несдержанность и непонятность героя.

На уровне предложений нонсенс касается внутренней структуры, предикативности, модальности и семантики простого и сложного предложения. В качестве компонентов предложения нами рассматриваются словоформы и словосочетания. Разрушение модальности можно проиллюстрировать следующим примером: *Я поворошил угар в калине и согрел его шлепанцы; остановившая сливы, он рассказал свою историю, но я ее, хоть убей, не помню. (I poked the fire and warmed his kippers, when he had minicoopered he told me a story which to this day I can't remember)*. Это последнее предложение рассказа, в котором история повествуется со слов сыщика Хламса его ассистентом Врульсоном. В финале Врульсон обрисовывает обстоятельства того, как он узнал все, что только что рассказал, и сообщает, что не помнит этой истории. Здесь явное нарушение объективной модальности по признаку «утверждение — отрицание».

Дж. Леннон зачастую изображает действия и состояния героев в крайних их проявлениях, хотя ситуация вовсе не предполагает такого эмоционального напряжения:

«Эрик Морли? — выдавил я, но они покачали голубцами, — Оксо Уитни? — опоросел я, но оба вновь кончали коробами, — Раиго Харгрейвз?» — простенал я. «Нет, драповый Врульсон, ОКСО УИТНИ!» — заорал Хламс, подскакивая на ноги. Я посмотрел на него, все более и долее восхлестаясь сим великим челобреком.

Как можно видеть по приведенным фрагментам, эмоциональному усилению интенсивности действия подвергаются в

основном глаголы говорения и движения (*простенал, заорал, возопил, подскакивая, воскликнул, сверкнул, свалил, прохиндил, воскрикнул, хамил назад и вперед*), что создает раздражающую атмосферу шума и суеты в произведении, ощущение неразберихи, за которой не видно никакого смысла.

Отмеченные случаи реализации ЯИ в рассказе Дж. Леннона как примере произведения нонсенса, безусловно, не показывают нам все возможные способы актуализации языковой шутки в данных произведениях, а очерчивают лишь некий понятийный круг, позволяющий осмыслить значение и роль ЯИ в современном нонсенсе. Использование автором аномальных, отклоняющихся от нормы лексических единиц, намеренное моделирование словообразовательных, грамматических, синтаксических «ошибок» и их тиражирование в тексте позволяют читателю включиться в языковую игру. Автором создаются игровые ситуации, которые подразумевают активизацию сотворческой деятельности читателя. Чтение таких текстов требует активного восприятия и соучастия, пробуждает эмоции и, соответственно, позволяет читателю мыслить за рамками дозволенного, порождая собственные миры и развивая креативное мышление. С помощью внедрения словообразовательных, лексических, текстовых языковых шуток в текст автор раскрывает свое мироощущение, представленное в наиболее доступной для понимания форме — форме игры. Зачастую в текстах может отсутствовать явная сюжетная линия и по прочтении нередко хочется задать вопрос «а для чего это было написано?», но ведь мы не спрашиваем у детей, зачем они возводят сложные пирамиды из ярких кубиков, а потом весело их обрушивают — это только игра, целью которой является эстетическое и эмоциональное удовольствие, разное для каждого индивидуума.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Демурова Н. М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса // *Topsy-Turvy World. English Humour in Verse*. М., 1978.

2. Колонезе Дж. Нонсенс как форма комизма // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М., 2007. С. 254-262.

3. Леннон Дж. Пишу, как пишется: пер. с англ. А. Курбановский. М., 2011.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ СЛОВА

© Н. А. Ахманаева
УрФУ

ОТОБРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МЕТАФОРЫ

Метафора как когнитивный механизм активно изучается в современной лингвистике. Большое количество исследований посвящено, в частности, пространственным метафорам, в которых отражаются важнейшие фрагменты картины мира и наше восприятие действительности. Пространство относят к одной из базовых категорий, используемых при изучении различных языковых единиц. Многие исследователи предполагают, что «склонность воспринимать и оценивать мир в пространственных категориях — очевидно, явление универсальное», но в то же время подчеркивают, что это «особенно характерно для русского менталитета» [2: 289].

Лексические (глаголы и прилагательные) и фразеологические единицы, называющие речь и различные качества речи, можно, опираясь на методику компонентного анализа и данные словарей-тезаурусов, распределить на несколько общих лексико-семантических групп: ЛСГ характеризованной речевой деятельности, ЛСГ речевого общения, речевого сообщения, речевого воздействия и др. Лексико-семантическая группа со значением передачи речевого сообщения оказывается одной из наиболее значительных по количеству входящих в нее единиц.

Ситуация речевого сообщения чаще всего метафоризируется с помощью точечного типа пространства, ср. следующие метафорические ЛСВ глаголов и ЛСВ, исходные для них: *ввертывать, вставлять, обронить*. Например:

Ввертывать — ‘вращая **вести, заставить войти внутрь** чего-л.; ввинтить’ [3];

— *перен.* ‘сообщать что-л. очень ловко, **к месту вставляя** реплику в чью-л. речь’ [4].

Ситуация *ввертывания* (слова, реплики) метафорически сопоставляется с особым расположением предмета в пространстве — помещением его в определенную точку ограниченного пространства, которое воспринимается как объемное (*внутри чего-л. / в чью-л. речь*). Кроме того, важную роль играет организация пространства, а именно направленность движения в нем: ‘вести, заставить войти внутрь чего-либо’ можно только целенаправленно перемещая объект, ведя его в определенном, заданном направлении. Пространственная направленность, таким образом, соотносится с целью речевого сообщения: обычно *вставляют, ввертывают словечко, реплику, замечание* с какой-либо определенной целью (например, для того, чтобы отличаться, блеснуть знаниями и т. п.).

Передача информации, сообщения метафорически может уподобляться не только помещению объекта в точечное пространство (*вставить, ввертывать, сеять*), но и движению объекта (*ходить, выступать*):

Ходить — ‘**повторяющееся** движение, совершающееся **в разных направлениях** или в разное время’ [3];

— *перен.* ‘говориться о чем-л., **распространяясь среди многих** (о слухах, легендах, анекдотах) [4].

В данном случае повторяющийся характер движения соотносится с постоянством и настойчивостью в речи (обычно говорят: *ходили упорные слухи, ходят легенды*, но нельзя сказать **прошли эпизодические слухи* или **ходит анекдот*). Следует отметить, что передача речевого сообщения ограничена некоторыми пределами: обычно *слухи, анекдоты* и т. д. *ходят* среди какой-либо группы людей. Замкнутость пространства, причем представляемого как поверхность, метафорически соотносится с передачей речевого сообщения внутри определенного, ограниченного круга людей.

В именах прилагательных, в переносных значениях обозначающих речевое сообщение, передача речи соотносится с положением в пространстве. Примечательно, что эта ЛСГ

включает только имена прилагательные, в которых пространственное метафорическое значение проявляется в одной морфеме (чаще всего в первой части сложного слова): *нижеследующий, нижеуказанный, нижеизложенный, вышеприведенный, вышесказанный* и т. д. Здесь особое значение приобретает вертикальная / горизонтальная организация пространства, причем она касается графически оформленного текста, и в нем важным параметром оказывается не просто его линейное развертывание, а соотношение фрагментов текста, их расположение по отношению друг к другу.

Во фразеологических единицах со значением речевого сообщения передача информации, сообщения метафорически чаще всего уподобляется перемещению объекта (*бросать слова на ветер, бросать камни, бросать в лицо*):

Бросать слова (в лицо) — ‘открыто, резко смело заявить кому-л., что-л. неприятное’.

Имеется в виду, что лицо (X) прямо и открыто высказывает другому лицу (Y) свое мнение, упрек [1].

Бросать — ‘взмахом заставляя лететь, падать что-л., находящееся в руке’ (МАС);

Ситуация *бросания слов* метафорически соотносится в данном случае с перемещением объектов (предметов небольшого размера, с которыми человек волен делать что-либо, которыми он может манипулировать) с большой скоростью и затратой физических сил.

Примерно такую же модель можно составить для фразеологизмов *бросать слова на ветер, бросать камни* (все три фразеологических сочетания включают в себя глагол, имеющий прямое «пространственное» значение), но здесь будет наблюдаться градация в активности воздействия, в его интенсивности:

Бросать камни — ‘ругать, поносить’.

Имеется в виду, что лицо или группа лиц (X) обвиняет другое лицо или другую группу лиц (Y) в каких-л. прегрешениях, подчеркивает их недостатки [1].

В значении этого фразеологизма проявляется более негативная оценка, т. к. бросая что-то тяжелое (в данном случае

камни), можно активно воздействовать на объект, нанести ему вред, повреждения. Такое активное воздействие метафорически соотносится с сильными обвинениями, упреками в адрес собеседника, которыми сопровождается речь говорящего.

Ситуация речевого сообщения в фразеологизмах может также соотноситься и с различным воздействием на объект (*брякнуть не подумав, плетение словес, распускать язык, язык развязался*):

Брякнуть не подумав — ‘проболтаться о чем-либо по неосторожности, необдуманно, неосторожно сказать’;

Брякнуть — ‘с силой бросить, уронить и т. п., вызвав шум, стук’ [2].

Ситуацию молчания тоже можно отнести к сфере речевого сообщения (если рассматривать молчание как не-сообщение информации, ее скрывание). Стремление говорящего скрыть что-либо метафорически осмысливается как создание для речи какой-либо преграды, препятствия (*держат рот на замке, держать язык за зубами, держать язык на привязи* и т. д.):

Держать рот на замке — ‘молчать, чтобы не сказать то, что нужно скрывать от других’.

Имеется в виду то, что лицо или группа лиц (X) предпочитает молчание в каком-л. разговоре, чтобы не выдать сведения, которые надо держать в тайне [1].

В данном случае замок воспринимается как физическая преграда, невозможность сказать что-либо соотносится с невозможностью продолжать движение в пространстве, неожиданной остановкой.

Таким образом, в лексико-семантической группе со значением речевого сообщения метафорически чаще всего обозначается сама речь, ее характеристики, интенсивность действия, речевые факты, адресат и цель сообщения. Для пространственной метафоризации используются следующие характеристики пространства:

1) его организация:

— направление (например, однонаправленное движение во фразеологизмах *нести околесицу, бросать в лицо, выносить на улицу* и в глаголах *нести, выступать*);

— протяженность (*длинный язык* соотносится с большим по длине предметом, имеющим большую протяженность в окружающем пространстве);

— открытость / закрытость пространства: *сыпать* — помещать мелкие предметы (метафорически соотносимые с речью, со словами) в закрытое пространство, сочетание *выносить сор из избы* метафорически уподобляется перемещению из закрытого пространства в открытое, фразеологизмы *открыть душу*, *распахнуть душу*, *с открытым сердцем* говорят об открытом пространстве;

2) вертикальная / горизонтальная ориентация: фразеологизмы *нести околесицу*, *слетело (сорвалось) с языка* представляют пространство речи как горизонтально ориентированное (движение или перемещение осуществляется в горизонтальном направлении), сочетания *длинный язык*, *висеть на телефоне*, *сыпать словами*, а также прилагательные *вышеуказанный*, *нижеизложенный* в пространственном плане отсылают к вертикальной ориентации;

3) типы пространства: линейность / точечность (*чесать язык*, *запускать словечко* соотносятся с линейным пространством, *сыпать*, *вставлять*, *ввернуть словечко*, *бросить камень* — с отдельными точками в пространстве).

4) наличие статических / динамических объектов: слова, речевые факты метафорически соотносятся с движущимися самостоятельно или перемещаемыми объектами; различные преграды в речи (*держат рот на привязи*, *повесить на рот замок*, *застегнуть рот на все пуговицы*) воспринимаются как статические объекты.

Передача речевого сообщения метафорически может осмысляться двумя способами:

— как самостоятельное движение или как перемещение, в открытом пространстве, чаще всего горизонтально ориентированное и целенаправленное (*доносить*, *преподносить*, *ходить (о слухах)*, *доводить до сведения*, *выносить сор из избы*). При этом сообщение, не в полной мере контролируемое говорящим, осмыляется как преодоление преграды речевым фактом как самостоятельным активным субъектом (*вылететь*, *вырваться*, *выплескиваться*, *слетело (сорвалось) с языка*);

— как целенаправленное помещение объекта в закрытое, ограниченное, точечное пространство (*вставить, уронить, вдолбить, ввернуть слово*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Большой фразеологический словарь русского языка*. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2007. (БФС)

2. *Логический анализ языка: языки пространств* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000.

3. *Словарь русского языка* : в 4 т. М., 1981–1984 (Малый академический словарь — МАС).

4. *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты, синонимы, антонимы* / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999.

© Т. М. Воронина
УрФУ

«ВЕРХ» И «НИЗ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Предлагаемое описание пространственных зон «Верх» и «Низ» выполнено в рамках работы над проектом лингвокультурологического словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации», реализуемым межвузовской проблемной группой «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко.

Говоря об основных принципах лексикографической параметризации концепта в данном словаре, Л. Г. Бабенко указывает на необходимость выведения когнитивных признаков из семантики языковых единиц — репрезентантов концепта: «Концепт как ментальная сущность и его репрезентации связаны нерасторжимой связью: концепт репрезентируется различными единицами, которые, в свою очередь, в совокупности формируют определенное ментальное поле. Вследствие этого исследование ментальной сущности концепта предполагает изучение его репрезентаций, и наоборот: исследование различных репрезентаций концепта приводит

к обобщениям, касающимся его ментальной сущности» [1: 10]. Таким образом, ориентация на языковые репрезентации тех или иных признаков при выявлении концептуального содержания представляет собой специфику подхода, предлагаемого Л. Г. Бабенко.

При этом следует, безусловно, иметь в виду, что лексико-семантическая информация во многих случаях дополняется, корректируется знаниями о действительности. Исследователи отмечают, что «соотношение языковых и неязыковых знаний, концептуальной и лексико-семантической информации представляет собой одну из самых сложных проблем современной лингвистики [3: 25].

Рассмотрим когнитивные признаки, составляющие структуру концептов «Верх» и «Низ», по предложенной Л. Г. Бабенко схеме, в соответствии с которой: структуру концепта формируют следующие типы когнитивных признаков: 1) основные, среди которых выделяются ядерные (базовые) и приядерные (конкретизирующие); 2) сопряженные (включенные); 3) прагматические ассоциативно-образные, среди которых разграничиваются метафорически-образные (основаны на внутрисловных ассоциациях) и культурологические (основаны на внешних ассоциациях); 4) модально-оценочные (подробно см. [1], [2]).

Лексические репрезентанты концептов выявлялись нами на первом этапе формально: путем сплошной выборки словарных статей, содержащих в заголовочном блоке или в толковании элементы *-верх-* (*-верш-*) и *-низ-* (*-ниж-*). В качестве источников использовались Словарь русского языка в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой, Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Русский семантический словарь под ред. Н. Ю. Шведовой (словарные данные и поиск — <http://slovari.ru> [7]), а также идеографические словари, подготовленные под руководством Л. Г. Бабенко: Большой толковый словарь русских глаголов [4], Большой толковый словарь русских существительных [5], Словарь-тезаурус прилагательных русского языка [8]. Было выявлено около 200 лексических репрезентаций (т. е. лексем, или отдельных ЛСВ) концепта «Верх» и около 250 лексических репрезентаций

концепта «Низ». На следующем этапе репрезентации классифицировались в зависимости от абстрактности/конкретности семантики и статуса пространственного компонента. К основным лексическим репрезентациям были отнесены те, которые связаны с неосложненным, неспециализированным обозначением верхней / нижней части объекта или пространства. Это прежде всего слова с корнем -верх- / -низ-: *верх, верхушка, вершинный, поверху / низ, нижний, низовой* и т. п., причем в их семантике отражены представления о том, что пространство связано с объектами и событиями, т. е., как писала Е. С. Кубрякова, «пространство — это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается...» [6: 23]. Семантика таких слов формулируется нами соответствующим образом, например:

‘В верхней части, на поверхности какого-либо объекта или в верхней части пространства (в воздухе, в небе), над кем-, чем-либо, выше кого-, чего-либо (находиться или происходить)’: *вверху, наверху, сверху, разг. поверху*;

‘Расположенный или происходящий, распространяющийся в нижней части какого-либо объекта или пространства’: *низовой*.

При этом для значений слов — имен концептов оказалось важным разграничение верха и низа как части объекта и как части пространства (с учетом неязыковых данных). «Низ» обычно связывается с землей как ориентиром, тогда как «Верх» обязательного соотнесения с небом не предполагает, поскольку нижней частью предметы обычно расположены на земле или другой поверхности, а верхняя часть ограничивает предмет в высоту, но обычно ни к чему не прикреплена. Таким образом, «Верх» трехмерного и / или вертикально расположенного объекта — одна из его сторон, поверхностей, ограничивающая его в пространстве в высоту, в отличие от нижней, передней, задней, правой и левой сторон, а также вообще часть, оконечность, примыкающая к этой стороне, поверхности и расположенная выше всех других частей (*верх куба, стены, бочки, крыльца, спины; верхушка облака, шлема, камня, вершина горы, дерева, башни*); верх плоского, горизонтально расположенного объекта — его наружная, обычно верхняя часть, сторона (*поверхность стола, верх пирога*). НИЗ

трехмерного и / или вертикально расположенного объекта — одна из его сторон, поверхностей, ограничивающая его в пространстве в направлении к земле (или соприкасающаяся с землей или другой опорой), в отличие от верхней, передней, задней, правой и левой сторон, а также вообще часть, оконечность, примыкающая к этой стороне, поверхности и расположенная ниже всех других частей (*низ* колонны, коробки, стены, бутылки, живота; *основание* купола, пирамиды, шеи); низ плоского, горизонтально расположенного объекта — его обратная, невидимая часть, сторона (*низ* полки, подушки, пирога).

При осмыслении верха и низа как частей пространства, наоборот, ориентация к небу / земле важна. «Верх» — часть пространства, которая представляется человеку расположенной ближе к небу, чем другие части (напр., *вверху* мерцают звезды, упасть откуда-то *сверху*, в темноте непонятно где *верх*). «Низ» — часть пространства, которая представляется человеку расположенной ближе к земле (или дальше под землю), чем другие части (напр., *внизу* холоднее, *внизу* в колодце ничего не видно, слышно откуда-то *снизу*). Ср. отражающие данное противопоставление толкования в Толковом словаре русского языка под ред. Д. В. Дмитриева [9]:

ЗЕМЛЯ — это поверхность, по которой мы ходим, находясь на улице;

НЕБО — это воздушное пространство над землей, которое вы можете видеть, если посмотрите на улице вверх.

К совмещенным репрезентациям были отнесены слова, в значениях которых отображаются признаки и других концептов, не только пространственных, т. е. слова, включающие пространственный компонент в качестве дифференциальной семы и называющие объекты и явления, имеющие отношение и к сфере пространства, и к другим сферам действительности.

Во-первых, на уровне таких слов абстрактная пространственная сфера пересекается с конкретными сферами действительности, такими как «Живое существо», «Неживая природа», «Строительство» и нек. др. Здесь явно наблюдается проявление антропоцентризма в языке, о котором, например, Е. С. Яковлева говорит, что язык описывает «“обжитое”»

человеком пространство» [10: 20]. Обозначение верха / низа оказывается важным для таких частных разновидностей объектов, как тело человека (*голова /ноги*), природные объекты — горы, реки, деревья (*вершина, пик* горы, *верховье* реки, *верхушка* сосны / у *подножия* дуба, холма, *низовье* реки, *подгорье*), строения (*верх* дома, *крыша, потолок, шпиль* / *низ* дома, *пол, подвал, фундамент, опора*), одежда и обувь, предметы из ткани (белый *верх*, темный *низ*; сапоги с замшевым *верхом*, плюшевый *верх* покрывала / *подошва* сапога, *подол* юбки, *изнанка* скатерти), транспортные средства (*верх* кабриолета / *дно* лодки, *днище* корабля, кузова машины), бумага или др. материал с рисунком, изображением (*вверху* / *внизу* страницы), сосуды, вместители, углубления (вода льется через *край, крышка* сундука, ложка сахара с *верхом* / *дно* кастрюли, сумки, реки, бассейна). Следует отметить, что из материала были исключены некоторые лексемы, несмотря на то, что в их значениях содержится пространственный компонент ‘верх’ или ‘низ’. Так, слово *почва* содержит дифференциальный компонент ‘верхний’, ср. толкование в СОШ: ‘*Верхний слой земной коры*’, однако репрезентантом концепта *верх*, конечно, не является, поскольку земля — ориентир для пространственной зоны низа. Слово *рука* также содержит компонент ‘верхний’: ‘*Каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев*’ (СОШ), но это словарное толкование скорее отражает биологическое противопоставление верхних / нижних конечностей, в пространственном же отношении *рука* скорее связана с горизонтальной ориентацией в пространстве, это отражено, например, во фразеологизмах, ср. *рукой подать* ‘недалеко’, тогда как *над головой* ‘вверху’, *под ногами* ‘внизу’. Кроме того, рассматриваемые концепты пересекаются с такими конкретными сферами, как движение, перемещение, помещение. Эту связь отражают глаголы соответствующих лексико-семантических групп, содержащие дифференциальный компонент ‘верх’ или ‘низ’, например: *подниматься / подняться, взлетать / взлететь, вскидывать / вскинуть, опускаться / опуститься, падать / упасть, наклонять / наклонить* и т. д., в семантике которых отражается представление о способе, каким кто-, что-либо может оказаться вверху или внизу.

Во-вторых, на уровне совмещенных когнитивных признаков верх и низ связаны также с представлениями о высоте и глубине. Высота осмысляется как протяженность объекта снизу вверх по вертикали (*высота, вышина* дома, дерева, стеллажа, коробки), в частном случае — как расстояние от земной поверхности, измеряемое по вертикальной линии снизу вверх (лететь на *высоте* ста метров). Как *высота, высь, вышина* осмысляется вообще пространство, далеко, на неограниченное расстояние уходящее вверх, свободно простирающееся вверх: *в вышине сверкали молнии, небесная высь*. Направление, движение вверх на неограниченное расстояние, нахождение чего-либо вверху на неопределенно большой высоте связано с *небом, небесами* как воздушным пространством, которое открывается взгляду человека, если он смотрит на улице вверх. Глубина осмысляется как протяженность объекта (углубления, вместилища) сверху вниз по вертикали, от поверхности до дна (*глубина* озера, колодца, ямы, коробки), в частном случае — как расстояние от поверхности или наружного края (углубления, вместилища) до какой-либо точки, измеряемое по вертикальной линии сверху вниз (на *глубине* пяти метров). Как *глубина, глубь, бездна* осмысляется вообще пространство, далеко уходящее вниз, внутрь чего-либо, простирающееся до нижнего предела или на неизмеримое, бесконечное расстояние вниз: *глубь озера, падать в бездну, в пропасть*. Направление, движение вниз на неограниченное расстояние, нахождение чего-либо внизу на неопределенно большой глубине связано с *землей* как поверхностью, плоскостью, на которой мы стоим, по которой движемся, и с пространством *под землей*.

На уровне ассоциативно-образных признаков рассматриваемые концепты демонстрируют языковой антропоморфизм. Так, верх некоторых объектов называется по ассоциации с головой как верхней частью тела человека (*золотые главы* церковей, *макушка* елки, *головка* болта), а также с головными уборами как располагающимися наверху головы (*снежная шапка, шляпка* гриба, гвоздя, здание *венчает* башенка). Верхняя, наружная, передняя (видимая) сторона предмета (преим. одежды, ткани), в отличие от изнанки, подкладки, а также сам материал, поставленный на наружную сторону, по аналогии с передней частью головы человека называется *лицо*.

Низ некоторых объектов называется по ассоциации с ногами как нижней частью тела человека (*ножки* стола, *ножка* гриба, *подошва* горы).

Таким образом, особенности концептуализации пространственных координат, параметров и отношений (в нашем случае пространственных зон «Верх» и «Низ») выявляются с опорой как на лексико-семантическую информацию, так и на неязыковые данные. Рассмотренные концепты характеризуются сложностью, многообразием репрезентаций и комплексным характером; в их структуре и способах репрезентации отмечается сходство, но не абсолютная симметрия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бабенко Л. Г.* Предисловие // Концептосфера русского языка : ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 3–19.

2. *Бабенко Л. Г.* Лексикографическая параметризация ментальной сущности концепта // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2011. № 3 . С. 5–12.

3. *Болдырев Н. Н.* Концепт и значение слова // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики* / под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 25–36.

4. *Большой* толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008.

5. *Большой* толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

6. *Кубрякова Е. С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // *Известия РАН. Сер. литературы и языка*. 1997. Т. 56. № 3. С. 22–31.

7. *Словари. Ру* [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru>.

8. *Словарь-тезаурус* прилагательных русского языка / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2012.

9. *Толковый* словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.

10. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА С ДОМИНАНТОЙ «ДАР»

Структурные методы исследования имеют важное значение для описания лексической семантики как системы. В частности, разложение значений слов на более простые элементы, лежащее в основе компонентного анализа, является эффективным способом выявления системных свойств лексики. Понимание системности семантики как взаимосвязи значений, находящихся в определенных отношениях друг с другом, подразумевает постоянный поиск и установление семантических противопоставлений, определяющих семантическую ценность языковых знаков. Сопоставление, через которое раскрывается противопоставленность, имеет смысл при наличии близости значений, которое и является основанием для объединения лексических единиц в семантические оппозиции. С этой точки зрения, синонимический ряд является первым и главным источником материала для сравнения.

Анализ компонентной структуры лексем в границах синонимического ряда позволяет также определить типы синонимических отношений, пополняя, таким образом, описание синонимической подсистемы языка.

Статья посвящена рассмотрению синонимического ряда с доминантой *ДАР*.

По данным синонимических словарей [1; 3; 6], указанный синонимический ряд (далее СР) максимально включает в себя 5 лексем: *ДАР*, *гений*, *дарование*, *талант*, *талан*.

Предметом рассмотрения является их семантический анализ с опорой на метод компонентного анализа с последующим сопоставлением их семантических структур.

Источником словарных дефиниций послужил Большой толковый словарь синонимов русской речи [3].

В процессе ступенчатой идентификации выявлен семантический комплекс СР '*ДАР*', представленный суперкласси-

фикатором (далее СК) и категориально-лексической семой (далее КЛС), а также тремя дифференциальными семантическими признаками ('сфера деятельности', 'субъект' и 'интенсивность'), регулярно повторяющимися в семных структурах всех членов ряда. Этот комплекс, вместе с остальными (дифференциальными) семами, обнаруженными в значениях единиц СР, представлен в виде таблицы:

Таблица 1. Семный состав СР 'ДАР'

Семь Лек- семь	СК (И1) 'способность'	КЛС (И2) 'одаренность'	ДС1 'способ получения'	ДС2 'выражение'	ДС3 'сфера деятельности'	ДС4 'интенсивность'	ДС5 'субъект'
ДАР	+	+	+	+	+	+	+
дарование	+	+	+	+	+	+	+
гений	+	+	-	-	+	+	+
талант	+	+	+	-	+	+	+
талан	+	+	+	-	+	+	+

Как видно из таблицы, семантический комплекс, свойственный данному ряду, состоит из идентификаторов, составляющих общую часть всех семем и выполняющих организующую функцию (функцию идентифицирующего предиката). Базовый идентификатор (И1) выражает наиболее общую идею способности и как таковой выступает в статусе СК. Дополнительный идентификатор (И2), конкретизируя основной, передает содержание последнего — выражает идею одаренности. Примечательно, что одаренность (а не способность вообще) связана с интеллектуальной деятельностью человека, вписывая СР с доминантой ДАР в содержательную структуру лексико-семантической группы со значением интеллектуальной характеристики. Именно И2 представлен КЛС, которая конституирует СР.

Общая КЛС уточняется дифференциальными семами (далее ДС), количество которых в семных структурах членов СР различно. Так, в семантической структуре лексем *гений* выявлены три ДС — 'сфера деятельности', 'субъект' и 'интенсивность'; в значениях лексем *талант*, *талан* — четыре ДС — 'способ получения', 'сфера деятельности', 'субъект' и 'интенсивность'. Пять ДС — 'способ получения', 'выражение', 'сфера деятельности', 'субъект' и 'интенсивность' (максимальное количество) — входят в содержание лексем *дар*, *дарование*.

Дальнейший анализ будет касаться и экспонентов сем, поэтому для наглядности здесь приводится таблица их лексических репрезентантов (далее ЛР):

Таблица 2. Лексические способы репрезентации сем СР 'ДАР'

Семы	Наименования сем	Лексические репрезентанты
СК	'способность'	способность
КЛС	'одаренность'	одаренность
ДС1	'способ получения'	природная, врожденная
ДС2	'выражение'	выраженная
ДС3	'сфера деятельности'	к какому-л. виду деятельности, в творческой деятельности
ДС4	'интенсивность'	ярко, высшая степень, выдающаяся
ДС5	'субъект'	человек (в пресуппозиции)

В анализируемом ряду очевидна тенденция к параллелизму между семами, составляющими идентифицирующую часть значений (СК + КЛС), и лексическими способами их представления. Данный параллелизм выражается в совпадении соответствующих сем с их ЛР, ср.: СК 'способность' ~ ЛР «способность», КЛС 'одаренность' ~ ЛР «одаренность». При этом нужно отметить, что ЛР «одаренность» не является непосредственной частью всех толкований. Как таковой он присутствует в словарных дефинициях единиц *гений*, *талант* и *талан*, а в единицах *дар*, *дарование* выявляется в процессе ступенчатой идентификации (в частности, в толковании ЛР «способность»). Соответствие между планами выражения и содержания имеет место и в отношении ДС2 и ее ЛР (ср.: 'выражение' ~ «выраженная»).

В остальных случаях подобных соответствий не наблюдается, причем, в отличие от ДС1 ('способ получения'), имеющей предельно близкие ЛР («природная», «врожденная»), для ДС3 и ДС4 ('сфера деятельности' и 'интенсивность') характерны разнообразные способы репрезентации, дифференцирующие рядоположенные понятия. ЛР семы 'интенсивность' даже образуют своего рода градацию соответствующего признака (об этом см. ниже).

Имея в виду, что ДС3 и ДС4 (вместе с ДС5) представляют семантический комплекс *дифференцирующих* компонентов семем, можно сказать, что по параметру соответствия смысловых и формальных компонентов (т. е. сем и их ЛР) иденти-

фицирующая часть противопоставлена дифференцирующей в составе семантического комплекса.

Отметив особенности лексических способов репрезентации сем, обратимся к анализу самих смысловых компонентов (дифференциальных). Начнем с ДС, входящих в значения всех членов ряда.

ДС 'сфера деятельности' указывает на присущее называемой способности практическое проявление. Лексические репрезентанты данной семы «в каком-л. виде / области деятельности», с одной стороны, и «в творческой деятельности» — с другой, свидетельствуют о наличии в близких понятиях смысловых оттенков. Так, в репрезентациях единиц *дар*, *дарование*, *талант*, *талан* область деятельности произвольна, не определена («в каком-либо виде...»), а в репрезентации единицы *гений* — ограничена творческими рамками. Следовательно, *гений* как способность реализуется только в духовной деятельности и в этом смысле занимает исключительное положение в ряду остальных способностей.

ДС 'интенсивность' представляет интерес также на уровне экспонентов. Последние образуют своеобразную шкалу, воплощая различные степени проявления способности. Полюса этой шкалы образуют репрезентанты «высшая степень» (вершина) и «ярко» (основание), между которыми располагается «выдающаяся» (центр). Верхний полюс реализует лексема *гений*, нижний — лексемы *дар*, *дарование*, а в середине находятся лексемы *талант* и *талан*. В этой градации понятие «гений» задает «высшую планку» такой качественной характеристики, как интенсивность. Возможно, именно наличие этого качества, определяющего сущность и уникальность понятия «гений» и глубоко укорененное в сознании говорящих, и обуславливает «одионое» употребление слова. По нашим наблюдениям, лексему *гений* никогда не сопровождают определения типа «высший» или «абсолютный», которые оказываются лишними. Подобным образом не имеет лексического воплощения и «яркость» *дара*, *дарования*, хотя наверняка осознается как неотъемлемая часть соответствующих понятий. Напротив, *талант* часто имеет лексических партнеров, таких как «выдающийся» и «незаурядный», дублирующих соответствующий компонент содержания понятия.

Особенность ДС 'субъект' заключается в том, что она не представлена в словарных дефинициях членов ряда, но ее наличие в смысловых структурах лексем бесспорно. Это подтверждается не только ступенчатой идентификацией, но и тем фактом, что способность не существует вне ее носителя; если говорить о типе субъекта, то творческая способность присуща только человеку.

ДС 'способ получения' есть в семных структурах единиц *дар*, *дарование*, *талант* и *талан* и эксплицируется словами «природная, врожденная». Примеры из речевой практики носителей русского языка свидетельствуют о наличии этой составляющей в соответствующих понятиях в русском языковом сознании (ср.: *природный дар*, *природное дарование*, *врожденный талант*). отождествление понятий «природа» и «бог» выражается и в таких синонимичных сочетаниях, как *божий дар*, *божье дарование*, *талант от Бога*². В значении лексемы *гений* данная сема отсутствует, что как будто не отвечает общепризнанному (не только обыденному) представлению о врожденном, ниспосланном свыше происхождении способности, называемой данной лексемой. Вряд ли можно считать подобное несоответствие случайным упущением или отсутствием лингвистической интуиции составителей словаря, особенно с учетом того, что дефиниции других современных толковых словарей [2; 4; 7] тоже не содержат указания на присутствие данного компонента в значении. Можно предположить, что сема 'способ получения' рассматривается лексикографами как часть пресуппозиции, как неассертивный компонент значения, который поэтому не имеет лексического воплощения. При проведении анализа мы, однако, опираемся только на словарные дефиниции.

Наконец, в компонентных структурах лексем *дар*, *дарование* имеется еще одна ДС, замыкающая круг ДС в значениях членов ряда, — сема 'выражение', репрезентируемая практически идентично («выраженная» — в обоих словах). Заметим, что ДС 'сфера деятельности', входящая в состав всех семем, на

² Представления о божественной природе всех этих способностей отражены и во фразеологии русского языка, ср.: *искра божья* (о таланте), *поцелованный Богом* (о талантливом человеке) и др.

наш взгляд, вполне соотносима с идеей выражения и может рассматриваться как ее более конкретный вариант.

Семантические структуры рассматриваемых единиц не имеют эмоционально-оценочных и стилистических компонентов, образующих коннотативную часть ЛЗ, поэтому семантический анализ охватывает только денотативную часть ЛЗ. «Потенциальные» же семы «не осмысляются в качестве существенных при изолированном рассмотрении слова» [5: 35].

Семантический анализ синонимического ряда будет неполным, если мы не квалифицируем его единицы с точки зрения типологии синонимических отношений и типов словесных оппозиций.

В анализируемом ряду синонимов обнаруживаются все типы словесных оппозиций: оппозиция тождества, привативная оппозиция (включения) и эквиполентная оппозиция (пересечения).

Оппозиция тождества представлена двумя парами лексем — *дар* — *дарование* и *талант* — *талан*, значения членов которых полностью совпадают. Отсутствие смысловых различий позволяет квалифицировать *дар* — *дарование* как абсолютные, или дублетные. Кроме того, эти синонимы отличает наличие не только семантической, но и формальной связи, а именно общей корневой морфемы.

Другая пара, реализующая оппозицию тождества, относится к разряду стилистических синонимов: на это указывает помета «прост.» у слова *талан*. В отношении этой единицы требуется оговорка.

Значение слова *талан* (прост.), зафиксированное в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова, не имеет ничего общего со значением слова *талант*, ср.: **ТАЛАН** талана, м. (тюрк. *talan* — добыча) (нар.-поэт., простореч.). Судьба, удача, счастье. Этимологически восходя к другому источнику и имея другое значение, *талан* обладает фонетическим сходством со словом *талант*, на основе которого (сходства) в просторечии слово *талан* иногда употребляется в значении ‘талант’. Ложное отождествление двух разных понятий устанавливает равенство между значениями, их выражающими, и превращает лексемы *талант* и *талан* в синонимы (стилистические).

Привативная оппозиция охватывает 6 пар: *дар — талант*, *дар — талан*, *дарование — талант*, *дарование — талан*, *талант — гений*, *талан — гений*, где значения вторых единиц полностью покрывают значения первых. В первых четырех парах в качестве дифференцирующей части выступает сема ‘выражение’ (имеется у первых единиц и отсутствует у вторых). В парах *талант — гений*, *талан — гений* отличие составляет сема ‘способ получения’, присутствующая только у лексем *талант* и *талан*. Различие в одной ДС делает все эти пары минимальными.

Пары *дар — гений* и *дарование — гений* составляют эквивалентные оппозиции. В оппозициях *дар — гений*, *дарование — гений*, помимо общей идентифицирующей части (СК + КЛС), пересечение происходит в области ДС ‘сфера деятельности’, ‘субъект’ и ‘интенсивность’, а несовпадение выражается в ДС ‘способ получения’ и ‘выражение’, с одной стороны (*дар*, *дарование*), и ‘интенсивность’, — с другой (*гений*).

Наличие-отсутствие специфических компонентов в значениях единиц, образующих оппозиции включения и пересечения, вводит данные единицы в круг идеографических синонимов.

Таким образом, в ряду с доминантой ‘ДАР’ выделяется 1 пара абсолютных синонимов, 1 пара стилистических и 8 пар идеографических.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : практ. справ. М., 2001.

2. *Большой* толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.

3. *Большой* толковый словарь синонимов русской речи: Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10500 синонимов / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008.

4. *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.speakrus.ru/index.htm>

5. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М., 1982.

6. *Словарь синонимов русского языка* / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 2004.

7. *Толковый словарь русского языка* С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. URL: <http://traduko.lib.ru>

8. *Толковый словарь русского языка* под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://traduko.lib.ru>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- СР — синонимический ряд
- СК — суперклассификатор
- КЛС — категориально-лексическая сема
- И1 — базовый идентификатор
- И2 — дополнительный идентификатор
- ДС — дифференциальная сема
- ЛР — лексический репрезентант

© А. А. Карпова
УрФУ

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «ЧЕЛОВЕК ПО ПРОФЕССИИ, РОДУ ЗАНЯТИЙ» (В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ)

В познавательной деятельности человека исключительная роль принадлежит сравнительной деятельности, в ходе которой сравнивающий субъект устанавливает связи между явлениями близкими и отдаленными. «Процесс ассоциативной связи между двумя явлениями, сопоставляемыми по тому или иному признаку» [9: 156], реализуется в языке в сравнительных конструкциях, представленных разными синтаксическими структурами.

Важное место в лингвистике сравнения занимает изучение фразеологических сравнений [6; 10; 1], их места в системе фразеологии, проблем их фразеографии [2] и др. Результаты такого изучения послужили основой для создания словарей устойчивых сравнений русского языка [4; 6]. Зарубежные лингвисты также занимаются проблемами сравнения. Например, автором словаря устойчивых сравнений французского языка является А. Г. Назарян [5].

В структуре устойчивого сравнения чаще всего выделяют три компонента, давая им разные наименования [8; 6; 2]. Первый компонент (А) квалифицируется как субъект сравнения (детерминируемый член, позитивный компонент), то есть то,

что сравнивается. Второй компонент (В) именуется как объект сравнения (квалификатор, компаративный компонент). Третий компонент (С) — это основание сравнения. В статье рассматриваются устойчивые сравнительные конструкции русского и французского языка, в качестве объекта которых выступает человек по профессии или роду занятий, например: *актер, врач, полководец, судья* в русском языке; *notaire* — нотариус, *peintre* — художник, *portefaix* — грузчик, *vendeur* — продавец во французском.

Наименования лиц по профессии или роду занятий — один из тех семантических классов слов, которые присутствуют в любом языке. Состав этого класса слов постоянно пополняется, обеспечивая открытость и динамичность данного семантического класса. В идеографических словарях наименования лиц по профессии и роду занятий обычно распределяются по тематическим сферам, соответствующим социальным институтам, например, слова *врач, доктор, фельдшер* оказываются в сфере «Медицина», *солдат, генерал* — в сфере «Военная служба», *адвокат, судья* — в сфере «Право». Рассматриваемый класс наименований активно участвует в образовании устойчивых сравнений. Например, в словаре сравнений русского языка В. М. Мокиенко [4] выявлено 162 устойчивых сравнений с компонентом «лицо по профессии, роду занятий». В словаре сравнений французского языка [5] выявлено 61 сравнение с аналогичным компонентом. Высокий потенциал наименований лиц по профессии и роду занятий как компонентов сравнительных оборотов обусловлен существованием социальных стереотипов. Очевидно, социальные стереотипы, как и наиболее изученные этнические, характеризуются национальной спецификой и могут быть рассмотрены в лингвокультурном аспекте.

В русском и французском языках можно выделить 12 схожих семантических групп сравнений, основанных на профессии или роде деятельности человека: военная служба, искусство, медицина, право, религия, социальные отношения, сфера обслуживания, титулы, транспорт, управление, экономика, другое. Кроме данных групп, в русском языке также присутствуют такие семантические группы, как: наука

и образование, политика, производство, развлечения, спорт, физический труд. Во французском языке уникальными семантическими группами сравнений, основанных на профессии или роде деятельности человека, являются: охота, производство, сельское хозяйство, строительство.

В данной статье объектом рассмотрения является семантическая группа «Военная служба», состоящая из 12 сравнений в русском и 5 во французском языке. Количественное расхождение может объясняться лексикографическими факторами, т. е. большим объемом словника в «Словаре устойчивых сравнений русского языка».

В качестве объекта сравнения в русском и французском языках выступают номинации, обозначающие воинские звания (*солдат, генерал, приказный*), воинскую профессию (*сапер, наемник*), социальный статус человека (*новобранец, рекрут*), его место в социальной иерархии (*атаман, командир, командириша, полководец*), принадлежность к определенному роду войск (*драгун, гренадер, партизан, часовой*).

Два образа — *гренадер* и *солдат* — являются общими для двух культур, однако основания сравнения в русском и французском языках различны. В XIX — начале XX века гренадерами называли людей, обладающих высоким ростом и большой физической силой, которые находились на военной службе и были обучены вести боевые действия с применением стрелкового оружия. Основание сравнения с гренадером в русском языке (*как гренадер: о высоком и здоровом человеке*) — внешность. Любопытно, что в русском языке такое сравнение используется применительно не только к мужчинам, но и к женщинам. В сравнении *juré comme un grenadier* (букв. *ругаться как гренадер*) актуализируется другой признак — особенности речи. В языковом сознании французов образ гренадера связан с грубой речью, руганью так же, как и образ солдата (*juré comme un soldat* — букв. *ругаться как солдат*).

В отличие от французского языка, в словаре русского языка зафиксировано устойчивое сравнение с компонентом *солдат* (*как солдат на посту: о бдительно и неподвижно охраняющем что-л. где-л. человеке*), в котором актуализируется лишь компонент внешне наблюдаемого поведения. Кроме

указанного сравнения, в русском языке зафиксировано еще два сравнения с солдатом: *как сверхсрочный солдат* — о послушном, исполнительном, механически подчиняющемся чьим-либо распоряжениям человеке; *смотреть (глядеть) как солдат на вошь* (грубо-прост., ирон.) — о чьем-либо враждебном, крайне неприязненном взгляде на кого-либо.

В подгруппе «Воинское звание» присутствуют три образа — *солдат*, *генерал*, *приказный*. Сравнения русского и французского языков с солдатом приводятся выше.

Сравнение с генералом (*как генерал: 1. Одобр. О важном, солидном, осанистом человеке с молодцеватой и военной выправкой; 2. Неодобр. О человеке, ведущем себя напыщенно, важно, начальственно*) может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Очевидно, что для русского народа это противоречивый образ, который ассоциируется с важностью, солидностью, выправкой с одной стороны и напыщенностью, начальственным тоном с другой.

Приказный (впервые попавший в приказ) — это звание младшего начальствующего состава в казачьих войсках Русской Императорской Армии. Сравнение с приказным (*нахлебаться как приказный: о сильно охмелевшем, перепившем человеке*) имеет пометы *устар.*, *прост.* и *пренебр.*

Подгруппа «Воинская профессия» представлена во французском языковом сознании двумя образами — *sapeur* (сапер) и *mercenaire* (наемник).

Основанием сравнения с сапером (*fumer comme un sapeur* — букв. *курить как сапер*) является курение. В словаре устойчивых сравнений французского языка приводится еще несколько сравнений с сапером. Сравнение *barbu comme un sapeur* (букв. *бородатый как сапер*) используется для описания давно не бритых мужчин с длинной бородой. Саперы Французского Иностранного легиона по традиции, доставшейся еще со времен Наполеона Бонапарта, обязаны носить бороду. Саперы гренадерской роты должны были вскрывать топорами двери, засовы, прорубать стены и расчищать завалы на пути штурмовиков. Поэтому в саперы отбирали физически сильных и рослых. Такими оказывались зачастую именно те, у кого гуще и быстрее росла борода. Третье сравнение

с сапером — *dormir comme un sapeur* (букв. *спать как сапер*). Словарь фиксирует еще одно сравнение с сапером, основанием которого является храп: *ronfler comme un sapeur* (букв. *храпеть как сапер*).

Сравнение с наемником (*travailler comme un mercenaire* — букв. *работать как наемник*) используется во французском языке для описания чьего-либо тяжелого труда.

Подгруппа «Место в социальной иерархии» представлена четырьмя образами русского языкового сознания: *атаман, командир, командирша, полководец*.

Сравнение с атаманом (*как атаман, чаще одоббр. О властном, удалом, решительном и отважном человеке*) основано на характере человека и чаще используется с положительной коннотацией. Как правило, с атаманом сравнивают предводителя какой-либо группы людей — например, детворы во дворе, туристской компании или студенческого отряда.

Сравнение с командиром (*как командир, ирон.*; основание сравнения — манера поведения) имеет ироничный оттенок и используется при описании любящего командовать, распоряжаться человека. Интересно отметить, что в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой зафиксировано данное значение слова «командир» с пометой *перен.* Переносное значение слова закрепилось в языке и фиксируется в словарях, возможно, после появления данного сравнения. Второе сравнение (*распоряжаться как командир*) имеет отрицательную коннотацию (помета *неодобр.*) и характеризует человека как грубо и самодовольно распоряжающегося. В словаре также зафиксировано сравнение *ходить (расхаживать) как командир (неодобр. или ирон.)*, описывающее расхаживающего где-либо с важным, начальственным, значительным видом человека. На основании трех сравнений можно сделать вывод, что у русского народа отношение к командующим может быть ироничным или неодобрительным. Аналогичные сравнения используются при характеристике командующих женщин, но поскольку объектом сравнения является командирша, в сравнениях присутствует помета *прост.* Кроме того, основное сравнение (*как командирша*) также имеет шуточный характер.

Сравнение с полководцем (*работать как полководец на*

фронте: шутл.-ирон. об активно командующем, распоряжающемся (без необходимости) где-либо человеке) носит шутливо-ироничный характер и основано на манере поведения.

Последняя подгруппа — «Принадлежность к определенному роду войск» — представлена четырьмя образами: *драгун, гренадер, партизан, часовой*.

Сравнение с драгуном (*fumer comme un dragon* — букв. *курить как драгун*) основано на вредной привычке — курении. Сравнения с гренадером приведены и прокомментированы выше.

Сравнение с партизаном (*как партизан: прост. шутл. О мужественно, стойко, бесстрашно и терпеливо переносящем опасности и невзгоды человеке*) — пример культурной памяти русского народа. Основанием данного сравнения является манера поведения. В словаре Мокиенко также зафиксировано сравнение *молчать как партизан*. Это сравнение является просторечным, шутливым и характеризует упорно, стойко молчащего человека.

Сравнение с часовым — *стоять как часовой* — описывает долго, неподвижно, терпеливо и упорно стоящего где-либо человека.

Люди, состоящие на военной службе, вызывают в русском языковом сознании разные эмоции: 2 сравнения — одобрительные, 5 — неодобрительные, 4 — шутливые или ироничные, остальные — нейтральные. Есть также 4 просторечных сравнения и 2 устаревших.

Представители военной службы во французском языковом сознании характеризуются склонностью к курению, ругательствам, т. е. образ военной службы скорее отрицательный, чем положительный.

Все приведенные сравнения можно разделить на две категории — с маркированным основанием сравнения (например, говоря, *как генерал* ссылаются на внешность человека и его характер) и сравнения, основание которых неясно или затуманено (например, значение сравнения с рекрутом само по себе понятно, но трудно выделить признак, на основании которого данное сравнение возникло). Вторая категория зачастую требует обращения к фольклору.

Подводя итог, следует сказать о стереотипном восприятии представителей военной службы в русском и французском языковом сознании. Термин «стереотип» ввел известный журналист Уолтер Липпман в книге «Общественное мнение», впервые изданной в 1922 г. Стереотипы, по Липпману, — это форма понимания скрытого от непосредственного восприятия внешнего мира [3: 95]. Иными словами, стереотипы представляют собой определенные «матрицы», некие «шаблоны», которые находятся в сознании индивидов и определяют любое их мнение. Отличительный признак стереотипа состоит в том, что он начинает действовать до того, как включается разум.

Говоря о стереотипе военных в русском языковом сознании, можно выделить физические параметры (сила, осанка) и характерную манеру поведения (властность, решительность, мужественность, активность), что не всегда действует во благо окружающим. Представители французского языкового сознания наделяют стереотип военных склонностью к вредным привычкам (в частности, к курению) и использованию бранной лексики; при этом образ также характеризуется способностью усердно трудиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики—1984. М., 1988. С. 95—111.
2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999.
3. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
4. Мокшенин В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.
5. Назарян А. Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка. М., 2002.
6. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М., 2009.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
8. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976.
9. Черкасова Е. Т. Русские союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования. М., 1973.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.

«ДУМА» И «МЫСЛЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Одним из важнейших фрагментов языковой картины мира является фрагмент «Интеллект», отражающий когнитивную деятельность человека, направленную на осмысление самой этой деятельности. Рассмотрение данного фрагмента представляется особенно интересным, поскольку природа языкового знака определяется сопряженностью деятельности сознания и деятельности языка, вписывающейся в речемыслительный процесс [1: 10]. В круг единиц, обозначающих интеллект, наряду с единицами, номинирующими интеллектуальные свойства личности и интеллектуальную деятельность человека (см.: подробнее об этом [3]), входят единицы, связанные с обозначением продуктов мыслительной деятельности, в том числе лексемы *дума* и *мысль*.

В толковых словарях русского языка данные лексемы определяются как семантические синонимы. В словарных дефинициях лексем *дума* и *мысль* присутствует общий семантический компонент: ‘то, что заполняет сознание’, — и используется синонимическое толкование, которое может быть сведено к суждениям: *дума* — это *мысль*; *мысль* — это *дума*. Семантические различия между единицами *дума* и *мысль* заключаются в том, что лексема *дума* обозначает не просто *мысль*, а *мысль* глубокую, всепоглощающую. Полагаем, что отличия *думы* и *мысли* с большей очевидностью можно выявить благодаря концептуальному анализу.

Обратившись к анализу концептов «*Дума*» и «*Мысль*» в русском языке, отмечаем, что у *думы* и *мысли* достаточно много общего. Появление *думы* и *мысли* предполагает определенные интеллектуальные усилия (*держат в уме (в голове, в памяти)*); *думать думу (думушку)*; *Кто думает, до чего-нибудь додумается*), в *думы* и *мысли* человек погружается, уходит (*войти в мысль*). Определенная *дума, мысль* может заполнять сознание человека в течение длительного времени (*иметь в*

мыслях, иметь в думах), особенно если *мысль, дума* связаны с чем-то важным, значимым для человека: это будущее, желаемое, сокровенное (*мысли о будущем, думы о будущем*). Хотя иногда *дума, мысль*, занимающие много времени и отнимающие много сил (*войти в мысль*), могут оказаться пустыми, чрезмерное обдумывание той или иной *думы, мысли* иногда не оправдывает себя (*пустые думы, пустые мысли*), объектом *думы, мысли* оказывается что-либо незначимое. Заметим, что объектом *думы* может быть и сама *дума* (*думу думать*), тогда как *мысль* в такой роли выступать не может.

Думы и мысли могут определяться эмоциональным состоянием человека: быть невеселыми или веселыми, радостными или безрадостными (*Приказы не обсуждают — и Петр Анисимов убыл в Москву с невеселыми думами: не для того кончал он Высшее военно-морское училище, чтоб заниматься черт знает чем на берегу — А. Азольский*; здесь и далее в качестве иллюстраций используется материал, представленный в Национальном корпусе русского языка); могут и сами определять его эмоциональное состояние (*Тревожат думы всякие, и жизнь все больше разочаровывает — В. Гельфанд*), полностью занимать, захватывать человека (*На работе у Тани были только чай и сахар, а Варвара и того не попила, занятая своими думами — Т. Устинова*).

Мысль и дума безграничны, но у них есть и место обитания — голова (*Муки творчества, я думаю, переживают не только поэты, в собачьих делах муки не меньше, и тоже вдруг ночью приходит в голову иногда ясная мысль, от которой потом начинаются новые пути в исканиях — М. Пришвин*); *Такие астероиды-думы* проносились, сталкивались, потом уже *крупницы, а вскоре и вовсе пыль закружила в ее голове настоящим торнадо — У. Нова*). В свою очередь *дума и мысль* могут быть вмещалищем для переживаний, страданий, могут вмещать все, что окружает человека (*из ума не выходит; И сразу же обступила его в мыслях тёплая блистающая вода, и он резал её, отталкивая от себя ногами... — И. Грекова*).

Дума и мысль одушевлены, что отражается в метафорическом представлении процесса появления *думы и мысли*. Появление мысли уподобляется физиологическому процессу

(*мысль зарождается, мысль умирает*), однако *думе* стадии жизни не присущи.

Подобно человеку *мысль* и *дума* могут выступать субъектом деятельности (*И чувство свободы и сама гордая мысль учили, что человек должен быть равнодушен там, где он не может быть сильным* — И. Анненский), объектом действия (*Тогда блажен, кто крепко словом правит И держит мысль на привязи свою, Кто в сердце усыпляет или давит Мгновенно прошипевшую змию* — А. Пушкин); *За обедом или завтраком он иногда выпьет две-три рюмки водки — точно забыться хочет от чего-то, прогнать тяжелые думы* — П. Краснов). При этом характеристики *думы* и *мысли* как субъекта деятельности и объекта действия несколько различаются: *мысль* может убить человека, *думе* это действие не присуще, *мысль* может противиться воздействию (*непокорные мысли*), у *думы* такого признака нет.

Мысль и *дума* отождествляются не только с живым существом, но и с предметом, поэтому имеют вес (*тяжелые мысли; легкие мысли; Когда Люба ушла, он тоже стал расхаживать по комнате, глядя в пол, как бы ища её следы, а в голове его быстро, точно белые облака весны, плыли лёгкие мысли* — М. Горький); *Как раньше мальчик Никонов был для него темной точкой, вокруг которой собиралось всё тяжелое и неприятное, так теперь Попова стала магнитом, который притягивал к себе только хорошие, легкие думы и намерения* — М. Горький), протяженность в пространстве (*долгие мысли; долгие думы, глубокие мысли, глубокие думы*), цвет (*черные мысли, черные думы*). Между обозначенными признаками *думы* и *мысли* существует определенная связь: тяжелыми бывают только плохие, черные *думы* и *мысли*. Суммируя перечисленные признаки, можем сказать, что с *думой* и *мыслью* последовательно соотносятся оппозиционные ряды: *черная — тяжелая — невеселая* и *светлая — легкая — веселая*, что подтверждает близость концептуальных признаков описываемых концептов. Среди физических характеристик *мысли* выделяется способность пропускать свет, но этот признак присущ только *мысли* (*прозрачные мысли, туманные мысли*).

В оценке *думы* и *мысли* также содержится много общего. *Дума* и *мысль* бывают великими, судьбоносными, диктую-

щими действия отдельного человека и множества людей, но грязными бывают только мысли (*Она была изрядно удивлена тем, что кому-то из ее коллег вообще могли прийти в голову такие грязные мысли* — А. Геласимов). Мысль имеет и еще одно отличие. Она подвижна, динамична, порывиста (*Мои мысли — мои скакуны, / Вас прищипоривать нету нужды, / Вы аллюром несётесь / И не признаёте узды* — О. Газманов); *Повторяю — это была не мимолётная мысль, это была совершенно твёрдая, хотя и мгновенно созревшая, уверенность, хотя я и сам не знаю, как и откуда она запала мне в голову* — Ю. Домбровский), у думы такой динамичности нет: *мысли скачут, прыгают, летят, обгоняют друг друга*, а дума с движением не связана.

В бытовом сознании дума и мысль как элемент рассудка противопоставляются чувствам (*жить сердцем; жить головой; холодная голова, горячее сердце, чистые руки* (афоризм, приписываемый Ф. Дзержинскому): дума и мысль связаны с головой, чувства — с сердцем. Считается, что глубокие думы, умные мысли могут быть у человека, имеющего жизненный опыт, отличающегося правильным образом жизни (*Молодость плечами покрепче, старость головою; Хмельной да сонный не свою думу думают*), хотя бывает и иначе, когда дума, мысль оказываются губительны для человека (*От думки с ума сошел*). При этом априори существует представление, что в думе всегда проявляется высокий интеллект, поэтому дума в отличие от мысли никогда не определяется как умная или глупая (*умная мысль, глупая мысль*), она бывает лишь крепкой (*крепкая дума*).

В жизни человека дума и мысль занимают много места, поэтому их характеристики разнообразны, но практически всегда связаны с оценкой. Мысли могут быть уместными и неуместными (*лишние мысли*), своевременными и запоздалыми (*своевременные мысли*), достойными и недостойными (*недостойные мысли*), а также опасными, роковыми (*Но стоило Чумакову испытать это злое чувство, как из скорлупы его и выпулилась последняя роковая мысль* — О. Павлов). Разнообразные характеристики мыслей определяют отношение к ним, которое может быть связано с самыми разными оценками: *хорошие мысли, плохие, нежелательные* и т. п. По отношению к думе такого разнообразия оценки нет: позитивная оценка связана с *высокими, великими думами*, негативная — с *черными*

думами. Обобщая, можно заметить, что в метафорическом представлении *думы* и *мысли* достаточно последовательно присутствует оценочная коннотация, при этом оценка *мысли* выражается более разнообразными лексическими средствами, что проявляется в сочетаемости лексемы *мысль*.

Отличия *думы* и *мысли* появляются на уровне фразеологии. Лексема *дума* входит в состав лишь одного фразеологизма, уже отмеченного ранее (*думу думать*), тогда как лексема *мысль* входит в состав целого ряда фразеологических единиц, благодаря чему образ мысли становится более ярким и живым (*мысли разбегаются, мысль лезет в голову, мысли покидают голову*).

Различие в восприятии лексических единиц, связанных с обозначением продукта деятельности интеллекта, трудно объяснить только с опорой на их лексикографическую интерпретацию. Подобное суждение высказано Н. В. Патроевой [2] в процессе анализа лексем *рассудок* и *разум* в русском литературном языке, и оно подтверждается при обращении к лексемам *дума* и *мысль*. Очевидно, что при всей общности *думы* и *мысли* данные концепты разграничиваются в нашем сознании. *Дума* — это весомые, значимые продукты деятельности разума человека, *мысль* — самые разные. Значимость, весомость *думы*, вероятно, всегда присутствует на уровне коннотации, поэтому не требуется дополнительных лексических маркеров для указания на данный признак. *Дума* стабильна, ее развитие не связано с рождением и смертью, с движением, она требует к себе определенного уважения: в отличие от мысли *думы* не *лезут в голову*. Особенно ярко различия между *думой* и *мыслью* проявляются в процессе метафоризации, в образном определении *думы* и *мысли*, а также на уровне фразеологических единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
2. Патроева Н. В. Лексемы «рассудок» и «разум» в системе русского литературного языка // Междунар. конгр. по когнитив. лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2008. С.138–140.
3. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ

Исследование национально-культурной специфики является достаточно традиционной проблематикой семантики, связанные с этим задачи решались в рамках различных лингвистических направлений, представители которых осуществляли исследования, направленные на выявление семантических компонентов, обладающих национально-культурной спецификой, определение релевантных и нерелевантных признаков, отраженных семантикой слова, что в целом позволяло выявить перечень компонентов, достаточных для раскрытия национально-культурной специфики значения лексических единиц

Данная проблематика никогда не являлась периферийной для лингвистической теории. В лингвистической литературе выявление национально-культурной специфики продолжает исследовательские традиции *менталистского направления*, связанного с гипотезой лингвистической относительности, а также теории и методологии изучения семантического поля и языковой картины мира.

Под *национальной спецификой семантики* какой-либо лексической единицы обычно понимается ее отличие по значению от сходных по семантике единиц другого языка. Фундаментальные основы исследования национально-культурной семантики базируются на характерных чертах современной лингвистики — антропологическом принципе и ориентации на комплексность подхода, которые предполагают привлечение к анализу конкретных языковых фактов экстралингвистической информации, включающей широкий круг сведений об участниках коммуникации (в том числе изучение их фоновых знаний, обладающих национально-культурной спецификой).

Обычно, говоря о национально-культурной специфике, исследователи употребляют термины «национально-культурные ассоциации» и «культурные коннотации». *Национально-*

культурные ассоциации (далее — НКА) оформляются на базе когнитивных процессов, в основе формирования НКА лежат фундаментальные принципы деятельности человеческого сознания, проявляющиеся в том числе и в языке. Поэтому эти когнитивные процессы можно определять и описывать в языковых терминах, которые могут играть роль метаязыка их описания. Одним из таких терминов является понятие «культурные ассоциации». Г. И. Берестнев объединяет под *культурными ассоциациями* те случаи, когда предмет, процесс или явление репрезентируют некие дополнительные идеи, которые связываются с ними в данной культуре: «Некий образ служит средством репрезентации всего комплекса знаний, которые имеются у человека в связи с ним» [5: 52].

Выделяя критерии отбора национально-культурной информации, Е. Л. Березович говорит о наличии дополнительных смыслов в ментальных образах того или иного объекта действительности, высвечивающих новые детали исходного представления, не вытекающие непосредственно из «физических» свойств объектов и традиционно называемыхся *культурной коннотацией* [4: 26–34]. Таким образом, исследователи сходны в понимании культурных ассоциаций и культурной коннотации как дополнительных смыслов.

Г. И. Берестнев выделяет два основных подхода к определению специфики языковых коннотаций. Исследователи, ограничивающиеся рамками «узкого» подхода к изучению коннотаций, связывают их с категорией оценки. Так, Ю. Д. Апресян пишет: «коннотациями лексемы мы будем называть *несущественные, но устойчивые* признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [1: 114]. В свою очередь, сторонники широкого подхода к выявлению коннотаций полагают, что в их основе лежат познавательная и культурная составляющие и понимают коннотации и культурные ассоциации как синонимы. Так, Е. Бартминьский определяет *коннотации как совокупности* не всегда связанных, но закрепленных в культуре данного общества *ассоциаций*, которые объединяют в себе логические и эмотивные содержания и которые складываются

в некий культурный стереотип [3]. Общим для представителей данных научных подходов является утверждение о том, что основу коннотаций «составляют имеющиеся у носителей языка общие культурные знания о фактах действительности. Коннотации — это прежде всего явление когнитивного порядка, а оценочный компонент лишь завершает личное когнитивное освоение человеком окружающего мира. <...> Свидетельством того, что коннотация принадлежит прежде всего познавательной сфере и лишь затем — оценочной, служит их явная культурная обусловленность» [5: 53].

Существуют различные подходы исследователей к выделению НКА, а также разные аспекты национально-культурного рассмотрения языковых данных. На основе анализа научной литературы можно выделить следующие направления исследования НКА в рамках лингвистики.

Изучение НКА, несомненно, продолжает *традиционные структурно-семантические изыскания*, поскольку их исследование направлено на рассмотрение задач, принадлежащих к наиболее актуальным и кардинальным проблемам семасиологии и касающихся, с одной стороны, ментального аспекта формирования НКА — определения типов национально-специфической информации, заключенной в словах и лексических системах, принципов ее организации в структуре лексического значения и в объединениях лексических единиц, с другой стороны, выявления закономерностей взаимодействия разных способов выражения (эксплицитных и имплицитных — потенциальных, фоновых) в лексической единице. Основной объект изучения при выявлении национально-культурной специфики в современных условиях традиционный — лексическое значение языковых единиц как выразителей определенных национально-специфических представлений о мире или репрезентантов национально-специфических концептов. Национально-культурная специфика представляет собой феномен, выходящий за рамки только семантики слова и присущий фразеологизмам (см. работы Н. Ф. Алефиренко, Х. Вальтера, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия и др.). Активно исследуются национально-культурные компоненты прецедентных слов, так, Н. К. Рябцева,

определяя *культурно значимый метасмысл* как неявно выраженную в высказывании интерпретацию его явного смысла говорящим, отношение к нему и т.п., придающую дискурсу свойство дополнять явно не выраженные в языке смыслы их автоматическим из информации вычитыванием и восприятием, включает в состав феноменов, обладающих этими свойствами, подтекст, намек, насмешку, иронию, сарказм, эвфемизм, аллюзию, иносказание, афоризм, прецедентность, интертекст [11: 66]. Наличие НКА распространяется на область морфологии и синтаксиса; эту категорию можно использовать и в лингвистической прагматике для описания процесса межкультурной коммуникации. Таким образом, одним из достижений семантических исследований на современном этапе можно считать общепризнанное положение о том, что наличие НКА — одно из основных свойств слова, а национально-культурная составляющая является важным элементом семантики и прагматики.

Среди других достижений традиционных семантических исследований в интересующей нас сфере можно отметить признание в качестве ведущих двух приемов и основных техник проявления в семантике НКА — имплицитной и эксплицитной. Использование *эксплицитной техники* предполагает выделение в значении соответствующего национально-культурного компонента с помощью какого-либо специального оператора, являющегося репрезентантом соответствующего культурного концепта или собственно национально-культурных ассоциаций. Для *имплицитной техники* характерно присутствие НКА на уровне потенциальных сем. В настоящее время эксплицитность / имплицитность выражения национально-культурной семантики находится в фокусе внимания исследователей, осуществляющих *семантико-дискурсивное изучение языка* и работающих в русле направлений *лингвопрагматики, теории речевой коммуникации*. В центре такого подхода стоят общие проблемы содержательной эксплицитности / имплицитности в языке и речи (см., например, работы М. Л. Макарова, посвященные дискурсу-анализу). Степень вербализации информации рассматривается как один из важных параметров дифференциации культур.

В *лингвофилософских исследованиях* Л. Вайсгербера, Л. Витгенштейна, М. Фуко и др. национально-культурная специфика как феномен, подвергающийся осмыслению, соотносится с философской категорией *Невыразимого* в целом. Г. И. Берестнев среди базовых основ при исследовании содержания *Невыразимого* выделяет следующее утверждение о том, что язык является наиболее эффективным средством проникновения в *Невыразимое* и системного описания его содержаний, поскольку выступает одновременно как источник данных, скрытых в его семантике, и средство метаописания этих данных [5: 37].

Важнейшим понятием, выдвинутым в рамках *лингвострановедения*, является понятие *лексического фона слова* (см. работы Н. Б. Бурвиковой, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, В. В. Морковкина и др.), который составляют признаки, обладающие страноведческой ценностью, и который отражает качества денотата, обусловленные национальным своеобразием культуры, истории, мироощущения, поведенческих и иных стереотипов соответствующего народа. В рамках лингвострановедения *фоновые знания* изучаются как релевантные для субъекта компоненты текущей ситуации — ее эпистемические составляющие (источники, формы и методы познания, сама способность человека познавать). В связи с этим концепция *логоэпистем* как единиц описания семиотической системы языка, выдвинутая представителями этого подхода, постулирует исследование тех средств выражения, которые, наряду или вместо своего первоначального «предметного» значения, развивают в своей семантической структуре особый культурный смысл. Логоэпистемы порождены каким-либо авторитетным текстом, обладают устойчивостью, осуществляют связь между текстами разных эпох, обеспечивая национально-культурную преемственность, «историческую память народа» [9: 56]. Авторы концепции помещают логоэпистему в один терминологический ряд с понятиями *концепт*, *страноведчески ценная лексика*, *лингвокультурема*, *речевой стереотип*, *культурно-языковые эмблемы*.

Е. Л. Березович, отмечая недостаточную общетеоретическую ценность лингвострановедческого подхода к на-

ционально-культурному аспекту интерпретации семантики, выделяет следующие основные установки данного подхода, которые одновременно являются его недостатками: недостаточная определенность круга «языковых носителей» национально-культурной информации и размытость критериев для их выделения. Так, во-первых, для лингвострановедческого подхода характерна установка на поиск особых *слов-реалий*, наделяемых национально-культурной спецификой и противопоставляемых другим словам. При этом непонятно, по каким экстралингвистическим критериям должно производиться их выделение. Утверждается лишь, что подобные слова выделяются на фоне других своей особой «известностью», которая с трудом поддается научному анализу. Во-вторых, многим исследователям представляется недостаточной трактовка национально-культурной специфики только как ассоциативного фона слова [4: 19–20].

Одним из понятий, выдвинутых в рамках *лингвокультурологического подхода* и связанных с проблематикой нашего исследования, является понятие «код культуры», исследование содержания которого (в качестве исторически сложившейся нормативно-ценностной символической системы вторичного означивания, несущей в себе культурную информацию о мире, структурирующей, организующей этнокультурное сознание и проявляющейся в процессах категоризации мира) проводится представителями Московской лингвокультурологической школы (см. работы Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Ю. Е. Прохорова, Ю. А. Сорокина, В. Н. Телии, Н. В. Уфимцевой и др.). Важно, что национально-культурную информацию составляют те представления о мире, которые имеют маркировку в рамках какого-нибудь культурного кода [там же: 26].

Среди основных положений, лежащих в основе *психолингвистического подхода* и напрямую связанных с изучением национально-культурной семантики языковых единиц, можно выделить 1) активный характер познающего субъекта и взаимосвязь внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, индивидуального и социального [7: 37]; 2) динамику актуально и потенциально значимого для человека; 3) отсутствие однозначного соответствия между когнитивной

базой человека и ее языковым воплощением; 4) слитность понятий и языковых структур; 5) взаимосвязь языковой и концептуальной картин мира [там же: 33–34]. В целом психолингвистический подход к фактам, имеющим национально-культурную специфику [6], в качестве ракурса рассмотрения познавательных процессов имеет в своей основе следующую познавательную установку: изучать какой-либо объект нужно как целое, в его специфике, а в элементах искать проявления этой специфики. «Любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения *культурно значимых* понятий и отношений. Все, что культурно значимо, так или иначе в языке выражено» [13: 87].

Для исследования НКА большое значение имеет разработка в отечественной *этнопсихолингвистике* теории *лакун* (см. работы Ю. А. Сорокина и др.), которые, свидетельствуя о нерелевантности того или иного фрагмента действительности для культурного сознания членов данной лингвокультурной общности, служат сигналом специфики определенной лингвокультуры.

В рамках *этнолингвистического направления* Е. Л. Березович, изучая национально-культурную информацию (автор использует термин «этнокультурная информация»), отмечает при этом, что она как любая информация характеризуется следующими параметрами [4: 19–34]: 1. Содержание — система знаний, которые маркированы в языке; 2. Критерий отбора — наличие дополнительных смыслов (маркированность) и ее отсутствие; 3. Структура национально-культурной информации — базовые и небазовые ее смысловые зоны; 4. Когнитивный генезис отдельных блоков национально-культурной информации; 5. Сфера бытования — репрезентация национально-культурной информации в когнитивной сетке (идеографическое картографирование, или картирование); 6. Способ репрезентации концептуально значимой информации — специфика канала трансляции; 7. Семиозис — источники и условия трансляции; 8. Степень экспликации и возможность верификации. Этнолингвистически значимыми [там же: 45] при извлечении национально-культурной

информации становятся факты, позволяющие обнаружить позицию субъекта, его предпочтения, установки, особенности структурирования потока впечатлений от окружающей действительности.

Лингвокогнитивное направление изучения НКА ориентировано на сферу знаний о мире, фиксированных в языке. Одна из традиционных проблем когнитивной семантики — соотношение языковых и ментальных структур — напрямую связана с вопросом о том, как соотносятся НКА как некие ментальные образования с их различными языковыми репрезентациями. Кроме того, традиционно в центре внимания не только когнитивных, но и лингвокультурологических исследований находились вопросы этнической специфики концептов, хотя попытки российских лингвистов свести богатство и разнообразие исследований в рамках когнитивного направления только к анализу культурных концептов подвергаются в настоящее время критике [12: 4].

Обобщая различные интерпретации взаимоотношений НКА и концептов, можно отметить, что актуальные задачи исследования НКА, а именно систематизация НКА (какие НКА выделяются, в каких сферах, каков их источник, как они организованы, как активизируются), позволяют соотнести исследование НКА с проблематикой когнитивной лингвистики, которая исходит из того, что познавательные механизмы и структуры знания регулярно выражаются в языке, и рассматривать НКА как тип знания [там же: 28]. Среди других видов концептов других учеными выделяется *концепт-ассоциация* [14: 6].

С философской точки зрения вопрос о НКА может быть поставлен в один ряд с вопросом о классификации знаков вообще, который напрямую связан с общекогнитивной проблемой соотношения языка и знания. Опираясь на работу А. В. Кравченко, можно отметить следующие концептуальные положения, касающиеся НКА и их языковых репрезентаций с точки зрения семиотики: 1) набор ассоциаций, образующих у человека то, что можно назвать «опытом знака», и потому связанных с закрепленной за знаком информацией, может варьироваться; 2) нельзя считать произвольным характер за-

крепляемых за знаком ассоциаций, обусловленных «опытом знака»; 3) ассоциации есть не что иное, как концепты — ментальные структуры, являющиеся оперативными единицами сознания в усвоении и представлении опыта [10: 10].

Другой фокус внимания исследователей когнитивно-ориентированного направления, также как лингвокультурного, сосредоточен на исследовании национально-специфических концептов. Согласно исследованиям, выполненным в рамках когнитивной семантики, существуют фундаментальные общечеловеческие концепты и этнокультурные концепты, которые воплощаются в языковых значениях лингвоспецифических слов, задающих «ключевые» концепты культуры («этноспецифические концепты» по терминологии А. Вежбицкой), отсюда интерес ученых к специфичным для той или иной языковой общности концептам. По определению Л. Г. Бабенко, *ключевые концепты* русского языка — это «концепты, участвующие в формировании наивной картины мира, т. е. концепты, аккумулирующие знания о самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире» [2: 9]. Подобные исследования традиционны для Уральской семантической школы (под руководством проф. Л. Г. Бабенко [2]), Московской семантической школы (см. работы А. Д. Шмелева и др.), представители которых занимаются изучением языковой картины мира, так как именно культурные концепты составляют ее основу, определяют национальный способ видения мира, при этом, согласно концепции Московской семантической школы, «представления, формирующие языковую концептуализацию мира, входят в значения языковых выражений в неявном виде: в качестве прессупозиций, «фоновых» компонентов смысла, коннотаций. Человек, говорящий на данном языке, обычно принимает их на веру, как нечто само собой разумеющееся, поэтому неявные компоненты смысла, «презюмции», повторяясь в значении ряда языковых единиц, представляют собой «сквозные мотивы», или «ключевые идеи» языковой концептуализации мира (языковой картины мира), определенным образом согласуются друг с другом. Принципиальным положением для представителей данной научной школы, с

которым согласны не все ученые — представители других направлений, является то, что языковая концептуализация мира формируется неявными элементами смысла языковых единиц [15: 612–614]. Кроме того, сама «ментальная структура концепта может включать и разного рода национально-культурные компоненты и представления» [там же].

Исследование НКА под когнитивным углом зрения основано на том, что «хотя когнитивная структура не дана нам в непосредственном наблюдении, язык, будучи непосредственно связанным с мышлением, предоставляет множество объективных косвенных свидетельств организации когнитивной структуры». Возможность лингвистической реконструкции когнитивной структуры основывается на гипотезе когнитивной мотивированности языковой формы: «в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она ‘отражает’ стоящую за ней когнитивную структуру» [8: 53]. Когнитивно-ориентированный подход к языку позволяет реконструировать фрагмент надязыковой когнитивной структуры по конфигурации языковых способов ее кодирования, что дает возможность создать объяснительную лингвистическую теорию [там же: 76], поднимающуюся с уровня регистрации фактов на уровень предсказания фактов.

Можно отметить, что интерес к проблематике, связанной с национально-культурной спецификой того или иного языка или языкового явления в лингвистическом и лингвофилософском аспектах, еще долго будет предопределять исследования отечественных и зарубежных ученых, и интерес этот связан прежде всего с обширным перечнем фундаментальных вопросов, так и не получивших удовлетворительного освещения в научных публикациях. Так, не уточнены формы реализации национально-культурной специфики как на языковом, так и на ментальном уровне; не ясно, как в значении распределяются эксплицитные и имплицитные национально-культурные компоненты, составляющие фактически одно целое. Без должного внимания также остаются следующие направления изучения национально-культурной специфики: экспериментальное исследование психолингвистических аспектов восприятия НКА и фоновых знаний; непрозрач-

ность и усложненность способа указания на национально-культурный компонент семантики и др. Поскольку наиболее показательными для языковой концептуализации мира являются неявные смыслы, их обнаружение требует детального семантического анализа.

Таким образом, в настоящее время в лингвистике назрела насущная необходимость целостного изучения НКА: учебными неоднократно отмечалась необходимость выработки комплексной методологии извлечения, описания и интерпретации НКА (см., например, работы Е. Л. Березович и др.). В рамках подобного подхода к языковым фактам целесообразно обращение к синонимическому материалу, поскольку он позволяет работать с национально-культурной информацией, которая имеет системно-языковой характер, обеспечиваемый ее закрепленностью в языковых единицах.

Сложность извлечения национально-культурной информации состоит в неотработанности процедуры перехода от собственно языкового уровня к мировоззренческому. Как пишет Е. Л. Березович, требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми единицами, до характеристики установок, интенций субъекта — носителя языка, обусловивших именно такое восприятие объекта [4: 39]. Пути разрешения данной проблемы Е. Л. Березович видит не только в исследовании закономерностей референтной соотнесенности (см., например, работы Е. В. Рахилиной и др.), в изучении связей в пределах семантической микросистемы (т. е. в выявлении комплексов, в которых наблюдается семантическая связь элементов), но и в анализе семантических связей внутри языковых парадигм, например, в изучении семантики параллельных названий объекта, т. е. в пределах синонимического ряда. Данный путь представляется продуктивным и нам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Апресян Ю. Д.* Коннотации // *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М., 2009. С. 114–118.

2. *Бабенко Л. Г.* Предисловие // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии

и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 3–22.

3. *Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с пол. М., 2005.

4. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007.

5. *Берестнев Г. И.* К философии слова (лингвокультурологический аспект) // *Вопр. языкознания.* 2008. № 1. С. 37–65.

6. *Залевская А. А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // *Залевская А. А.* Психоллингвистические исследования. Слово. Текст : избр. труды. М., 2005. С. 204–214.

7. *Залевская А. А.* Психоллингвистический подход к анализу языковых явлений // *Вопр. языкознания.* 1999. № 6. С. 31–42.

8. *Кибрик А. Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // *Вопр. языкознания.* 2008. № 4. С. 51–77.

9. *Костомаров В. Г.* Логоэпистемы // *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерк современной русской стилистики. М., 2005. С. 56–58.

10. *Кравченко А. В.* Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // *Вопр. языкознания.* 1999. № 6. С. 3–12.

11. *Рябцева Н. К.* Язык и рефлексия // *Язык и действительность : сб. науч. трудов памяти В. Г. Гака.* М., 2007. С. 62–71.

12. *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика : курс лекций. СПб., 2011.

13. *Фрумкина Р. М.* Ассоциации как феномен культуры // *Фрумкина Р. М.* Психоллингвистика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2006. С. 189–195.

14. *Шафиков С. Г.* Категории и концепты в лингвистике // *Вопр. языкознания.* 2007. № 2. С. 3–17.

15. *Шмелев А. Д.* Новомосковская школа концептуального анализа // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. С. 610–620.

© **А. М. Плотникова**
УрФУ

КОНЦЕПТЫ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

Изучение семантических классов слов разного уровня пережило расцвет в 1970–80-е гг., когда активно исследовались принципы организации тематических и лексико-семантических групп и иерархические связи внутри таких объединений (работы Л. М. Васильева, В. В. Морковкина, Ю. Н. Караулова, Э. В. Кузнецовой, Ф. П. Филина, Д. Н. Шмелева и многих других ученых). В трудах Э. В. Кузнецовой получила развитие и обоснование концепция семантических классов слов, под ее

руководством был осуществлен проект системно-семантического описания и исследования русских глаголов, предложен опыт идеографического словаря русских глаголов [5].

Заложенная во второй половине XX века традиция изучения семантических классов слов во многом определила облик отечественной когнитивной семантики, которая уже на начальных этапах исследований связывала процессы концептуализации и категоризации с функционированием лексических категорий и семантических классов слов. При изучении процессов категоризации ученые, работающие в когнитивном направлении, рассматривают, какие структуры знания репрезентируются в категориях, как происходит формирование категории в языковом сознании, какое концептуальное содержание служит базой объединения слов в категорию. При изучении концептуализации важным является обнаружение и систематизация тех языковых средств, которые репрезентируют то или иное концептуальное содержание. Определяя задачи лингвистической концептологии, З. Д. Попова и И. А. Стернин пишут о том, что моделирование содержания концепта осуществляется в результате выявления и анализа состава всех языковых средств, вербализующих данный концепт и максимально полного описания семантики этих средств [7: 22–23].

Во многих работах, посвященных концептуальному анализу, языковым соответствием такого когнитивного понятия, как концепт, является понятие семантического поля. Анализ концепта обычно начинается с выявления и систематизации языковых средств репрезентации концепта. К таким средствам относится имя концепта, его синонимы, антонимы, гиперонимы, согипонимы, словообразовательное гнездо, задаваемое именем концепта, то есть все те средства, которые обычно образуют семантическое поле. При этом концепт метафорически уподобляется облаку, снежному кому или плоду с косточкой. Эти метафоры подчеркивают, что концепт имеет «слоистое», по определению Ю. С. Степанова, строение, аналогичное строению поля.

Следовательно, выявление и исследование семантического поля становится отправной точкой моделирования структуры

концепта. При этом, конечно, в большинстве работ не происходит отождествление концептуального и семантического уровней, так как семантическая информация является средством доступа к концептуальным структурам. Е. С. Кубрякова пишет: «Семантический анализ направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений <...> концептуальный анализ предстает как поиск тех общих компонентов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [4: 88].

Рассмотрим языковые средства репрезентации концептов «цветок» и «государство» в их соотношении с типами семантических классов. Обращение к данному материалу обусловлено участием автора статьи в работе над осуществляемым коллективом авторов под руководством Л. Г. Бабенко проектом по созданию словаря концептов. К ментальным составляющим концепта, согласно концепции Л. Г. Бабенко, относится совокупность когнитивных признаков, среди которых выделяются ядерные, приядерные и периферийные смыслы, а все репрезентации концепта разделены на основные, комплексные и ассоциативно-образные.

Выбор столь различных концептов — конкретного концепта «цветок», за которым стоит наглядно-чувственный образ и который воплощен в предметном имени, и социально-обобщенного концепта «государство» — неслучаен. Такой выбор позволяет продемонстрировать различия в способах представления концептуальной информации, а также некоторые различия в типах лексических категорий, участвующих в формировании концептов.

Имя концепта «цветок» соответствует имени семантического поля, при этом данный концепт относится к числу базовых, прототипических концептов, занимая срединное положение между концептом «растение», находящемся на суперординатном уровне, и концептами «роза», «фиалка», расположенными на субординатном уровне.

К основным репрезентациям концепта «цветок» относятся, помимо имени концепта, гипонимы, то есть названия разно-

образных видов цветов (*астра, бальзамин, бархатцы, бегония, бессмертник, вербена, водосбор* и др.) и их производные (*астровый, бальзаминовый и бальзаминный, бархатцевый, бегониевый, вербеновый* и др.); меронимы (партитивы), то есть названия частей цветка (*цветоножка, цветоложе, венчик* и др.); названия совокупностей (*букет*). К основным репрезентациям также отнесены в словаре глаголы, обозначающие разнообразные процессы, связанные с цветением и увяданием: *зацветать, отцветать, распускаться, сохнуть* и др. Наличие включенного актанта '*цветок*', входящего в интенционал значения глагола, позволяет рассматривать эти лексемы как основные репрезентации концепта.

Круг совмещенных репрезентаций образуют лексические единицы, в которых компонент '*цветок*' занимает статус дифференциального признака. Например, *цветник* (место, где посажены цветы), *цветоводство* (выращивание цветочно-декоративных растений), *флорист* (специалист по оформлению композиций из цветов). Следовательно, семантическое поле, задаваемое именем конкретного объекта, характеризуется достаточно четкими границами, определяемыми наличием семы, соответствующей имени объекта, в статусе категориальной или дифференциальной.

Лексические единицы «*расти*», «*теплолюбивый*», «*дикорастущий*» и под., значения которых включают компонент '*растение*', в число репрезентаций концепта «*цветок*» не входят, так как при включении подобных единиц границы концепта базового уровня были бы неоправданно расширены до концепта суперординатного уровня «*растение*».

Иное положение дел мы обнаруживаем при обращении к социальным концептам. Например, концепт «*государство*» включает в состав репрезентаций обозначения лиц, принадлежащих к государству (*гражданин, подданный*) и глав государств (*президент, монарх, царь, король* и др.), наименования типов государственного строя и систем государственного управления (*монархия, республика, федерация* и др.). Наличие компонента «*государство*» в значении того или иного слова необязательно приводит к вхождению этого слова в состав репрезентантов концепта. Например, в толковых словарях

война определяется как 'вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства', однако данное слово справедливо не включается в состав репрезентаций концепта.

В связи с этим следует отметить, что при рассмотрении семантических полей вопрос об определении границ поля решался различными способами (см. обзор в монографии Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография»), и, несмотря на использование формальных методов, все-таки отмечалось такие свойства поля, как открытость и незавершенность: «... открытость поля, его незавершенность, способность «генерировать» новые слова выступает как фундаментальное его свойство» [2: 214].

При проведении концептуального анализа во многих работах все ассоциативные связи имени поля рассматриваются как имеющие отношение к соответствующему концепту. Данный факт становится одним из оснований критики концептуального анализа, общий пафос которой заключается в отсутствии объективности некоторых концептуальных исследований: «В чем состоит научная новизна и вклад в теорию выделения и описания каждой новой группы глаголов, прилагательных или существительных и репрезентируемых ими фреймов (при этом само выделение этих групп часто не мотивировано и умозрительно), если структура фрейма и механизмы репрезентации известны и представляются однотипно?» [1: 18].

Предметные имена, референциально связанные с категориями естественных, природных объектов (как, например, «*цветок*»), образуют прототипическую категорию, которая на уровне ее языковой репрезентации представляет собой семантическое поле с четкими границами и заданными именем поля близкими семантическими расстояниями. Например, семантическое поле «*цветок*» характеризуется признаком, который называется нами **таксономической глубиной** поля, поскольку для данного поля свойственно большое количество гипонимов, среди которых выделяются 1) многолетние или однолетние садовые или полевые декоративные растения с мягким зеленым стеблем и цветами, а также цветок такого растения, например: *камелия, крокус, купавка, купавка, ку-*

пальница, левкой, лилия, люпин, мак и др.; 2) декоративные растения, только или преимущественно дикорастущие, полевые: *барвинок, василек, вьюнок, горюцвет, иван-да-марья, иван-чай и др.*; 3) декоративные кустарники или деревья, имеющие с цветами: *азалия, акация, гортензия, жасмин, ива, липа, магнолия, мирт, рододендрон, сирень*. Таксономическая глубина поля определяется разветвленностью иерархических связей внутри поля, наличием множества дифференциальных номинаций объекта.

При выделении лексических репрезентаций подобных концептов Н. Н. Болдырев предлагает использовать концептуально-таксономический анализ, который определяется им как «система приемов исследования иерархической организации лингвистических объектов, основанная на концептуальной иерархии, то есть на иерархии концептов» [1: 24]. Такой анализ, по мнению ученого, «предполагает разграничение концептов базового, верхнего и нижнего уровней иерархии, выявление их основных характеристик и на их основе — таксономическое моделирование лексической подсистемы языковых единиц, репрезентирующих данную концептуальную область» [1: 34].

Имена, связанные с категориями социальных объектов (как, например, «государство»), образуют, если использовать когнитивную терминологию, категорию кластерного типа, которая формируется пересечением множества смежных категорий, таких как «*правитель*», «*власть*», «*политика*», «*управление*». Иерархию между этими категориями построить невозможно.

Кластерный тип категории задается уже именем поля, характеризующегося «совмещенной» семантикой: *государство* — ‘**политическая** форма организации общества во главе с правительством и его органами, осуществляющая **управление** обществом, охрану его экономической и социальной структуры на определенной **территории**’. И. Г. Милославский, характеризуя семантику слова «государство», пишет: «Когда в современных текстах на русском языке говорится о *задачах государства, обязанностях государства, ответственности государства*, обычно совершенно неясно, к какому именно

органу, группе лиц или конкретному лицу это относится. А словосочетания типа *интересы государства, благополучие государства* и т. п. делают это слово настолько гиперонимически мощным, что им, кажется, можно обозначить что угодно» [6: 57].

Из приведенной выше словарной дефиниции видно, что понятие «государство» — это и социальное понятие (форма организации общества), и политическое (политическая форма), и управленческое (управление обществом, охрана его структуры), и географическое (территория). В дефиниции не получил отражения экономический аспект данного понятия, который также важен для понимания государства.

Поэтому значительная часть лексических репрезентаций концепта «государство», во-первых, должна быть отнесена в зону совмещенных репрезентаций. Во-вторых, для определения границ поля необходимо выявить набор значимых когнитивных признаков, которые будут выступать в роли опорных точек при моделировании структуры поля. Для построения семантического поля «государство» к таким признакам следует отнести 1) формы государственного устройства и правления (*монархия, республика*); 2) политический режим (*демократия, авторитаризм*); 3) руководитель государства (*монарх, царь, президент*); 4) органы государственной власти (*правительство*); 5) символы и законы государства (*флаг, герб, гимн, конституция*). Слабая представленность иерархических отношений в структуре поля «государство» позволяет говорить о его незначительной таксономической глубине. Однако пересекаемость данного семантического поля с обозначенным выше множеством других, сложность в определении границ поля «государство» делает возможным выявлять у него такой признак, который мы называем **таксономическая ширина** поля. Таксономическая ширина поля задана именем поля, в семантике которого совмещается несколько признаков, позволяющих относить само имя поля к различным идеографическим классам. Таксономическая ширина поля определяется также тем, что слово не существует в лексиконе как изолированная единица, что оно взаимодействует с другими единицами, образуя различные парадигмы смыслов.

При выделении лексических репрезентантов концепта обнаруживается, что структура тех семантических полей, которые организуются вокруг имени концепта, различается признаками таксономической глубины и таксономической ширины. Рассмотренные в статье концепты «цветок» и «государство» в совокупности со средствами их репрезентации представляют собой различные типы категорий: категорию прототипического типа («цветок») и категорию кластерного типа («государство»). Предлагаемое в данной статье соотношение концептов и семантических полей как средств репрезентации концептов, проведенное на материале словаря концептов, является лишь постановкой проблемы взаимодействия когнитивных и лексических категорий и требует дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Болдырев Н. Н.* Репрезентация знаний в системе языка // *Вопр. когнитивной лингвистики*, 2007. № 4. С. 17–27.
2. *Караулов Ю. Н.* *Общая и русская идеография*. М., 1976. М., 2010.
3. *Концептосфера* русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): *проспект словаря* / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.
4. *Кубрякова Е. С.* *Части речи с когнитивной точки зрения*. М., 1997.
5. *Лексико-семантические группы русских глаголов* : словарь-справ. Екатеринбург, 1989.
6. *Милославский И. Г.* *Гиперонимы без гипонимов и гипонимы без гиперонимов в русском языке* // *Структура текста и семантика языковых единиц* : сб. науч. тр. Вып. 3. Калининград, 2005. С. 5–29.
7. *Попова З. Д., Стернин И. А.* *Когнитивная лингвистика*. М., 2010.

© А. А. Самойлова
УрФУ

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ДЕНОТАТИВНОЙ СФЕРЫ «СПОРТ» (НА МАТЕРИАЛЕ ФУТБОЛЬНЫХ И ХОККЕЙНЫХ ЖУРНАЛОВ)

Несмотря на то что имя прилагательное достаточно хорошо изучено с точки зрения его морфологических свойств и частеречных особенностей, в современной лингвистике

существуют различные исследовательские подходы к изучению и интерпретации семантики имен прилагательных и феномена «признак». В рамках психолингвистического подхода А. А. Залевская рассматривает признак как основание для взаимопонимания и для расхождений ментальных установок при межэтнических контактах [5: 187], в условиях которых часто оказываются важны не только существенные, но и дополнительные, связанные с периферийными свойствами понятия семантические признаки.

Придерживаясь *когнитивного подхода*, рассматривая дистрибутивные свойства прилагательных и специфику их сочетаемости, Е. В. Рахилина говорит о том, что «если сочетаемость семантически мотивирована, то она является мощным лингвистическим инструментом семантического описания» [10: 10], поскольку совместимость или несовместимость некоторых слов репрезентирует отношения в реальной действительности.

Применяя прототипический подход к исследованию семантики, А. Х. Мерзлякова изучает типы семантического варьирования прилагательных на примере поля «Восприятие», при этом многозначное прилагательное рассматривается в работе как «сложная семантическая сеть, являющаяся вербализованным выражением взаимосвязей концептов» [9: 24]. В структуре слова выделяется основное значение — «информация об объективном чувственно воспринимаемом признаке, его образное целостное представление» [9: 25], далее у перцептивных прилагательных — прототипический носитель признака. Прототипическое значение является основой для формирования лексико-семантических вариантов, которые развиваются по регулярным моделям. Е. Г. Малышева исследует этнокультурную специфику идеологемы «Спорт» в целом на основе методики выявления и описания когнитивных стереотипов [8].

Исследуя на основе *дискурсивного подхода* экспликацию концепта «Футбол» в спортивном дискурсе, В. А. Киселева отмечает, что речь спортивных журналистов и комментаторов, спортсменов и тренеров (в публицистической коммуникации) обладает «яркими отличительными чертами, позволяющими

рассматривать совокупность таких текстов как весьма специфическую предметно-тематическую сферу функционирования языка» [6: 4]. Д. Б. Гудков изучает дискурсивные особенности жанра спортивного комментария [4: 64]. Анализируя дискурсивный потенциал прилагательных, О. В. Раевская говорит такой характеристике его, как различная направленность, а также о семантической свободе прилагательного от существительного и различает несколько степеней дискурсивной свободы прилагательного [11: 403–404].

В рамках *этнолингвистического подхода* С. М. Толстая отмечает, что признак является для человека «важнейшим инструментом познания и категоризации мира» [13: 8]. В языке он выражается с помощью прилагательных — специальной категории слов, предназначенной для называния признака [там же: 12].

Аксиологические аспекты семантики прилагательных проанализированы в работе Г. И. Кустовой [7]. В лексике оценочные значения наиболее широко представлены именно у прилагательных.

Идеографический подход к исследованию семантики имен прилагательных получил реализацию в научных и лексикографических работах ученых Уральской семантической школы и прежде всего Л. Г. Бабенко, которая главным принципом идеографических словарей утверждает соотнесенность логических понятий со словесными группировками [1: 340]. При идеографической классификации прилагательных сферы «Спорт» мы опираемся на классификацию и общие принципы представления прилагательных, изложенные Л. Г. Бабенко в предисловии к «Словарю-тезаурусу русских прилагательных, распределенных по тематическим группам», являющемуся первым идеографическим словарем русских прилагательных. Как отмечает Л. Г. Бабенко, объективная трудность категоризации прилагательных обуславливается уникальностью семантики данного класса слов: наличием богато развитой многозначности и сильной дискурсивной обусловленностью их лексической семантики [3: 10–11].

Эмпирической базой нашего исследования служат имена прилагательные, относящиеся к сфере «Спорт» и полученные

на основе выборки из «Словаря-тезауруса русских прилагательных, распределенных по тематическим группам» под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Статья посвящена характеристике особенностей функционирования прилагательных сферы «Спорт» в текстах спортивных журналов («PROспорт» / гл. ред. С. Гридасов. 2009–2011. № 122–169; «Red-Blue Tribune» / гл. ред. Д. Чижов. — М. : «Мюрат», 2010–2011. сентябрь–январь), для выявления которых применялся метод дистрибутивного анализа, суть которого состоит в моделировании смыслового наполнения лексемы путем выявления набора ее контекстных партнеров. Применение метода дистрибутивного анализа основывается на исходном положении о том, что семантика языковой единицы и объем ее значения обуславливают специфику ее сочетаемости с другими языковыми единицами [12: 122].

Рассмотрим идеографические группы прилагательных, выбранных из текстов спортивных журналов, в сравнении с прилагательными данной сферы из «Словаря-тезауруса русских прилагательных». Идеографическое описание прилагательных обусловлено отличием идеографических словарей от словарей других типов, т. е. структурной организацией материала, который располагается не по алфавиту (от формы к смыслу), а с учетом репрезентируемых понятий (от смысла к форме). На основе идеографического подхода с опорой на «Словарь-тезаурус русских прилагательных», в котором денотативно-идеографическая группа «Спорт» включает в себя 7 подклассов, прилагательные и их контексты были распределены нами на 8 денотативно-идеографических групп. Значения прилагательных в большинстве своем были сформулированы нами самостоятельно на основании данных толковых и идеографических словарей, а также особенностей контекстного употребления прилагательных.

1. «Общие понятия, связанные со спортом» (2 ЛСВ): *спортивный, физический*. Прилагательное *спортивный* входит в данную группу в «Словаре-тезаурусе прилагательных», а *физический* («Связанный с мышечной деятельностью организма, с его мускульной силой») отсутствует в данном словаре, потому что, как правило, употребляется в составе терминологических

сочетаний, относящихся к спорту как специфической области человеческой деятельности (*физическая культура, физическая подготовка, физические качества* и т. п.).

2. «Человек». Группа представляет наибольший интерес для исследования как наиболее многочисленная по составу (49 прилагательных); в ней была выделена новая денотативная группа, у прилагательных, имеющих в «Словаре-тезаурусе», — новые значения. Исследовательский интерес обусловлен также общей антропологической направленностью современных научных изысканий.

2.1. «Человек по функции в спортивном состязании, спортивной игре или человек, занимающийся спортом». Объединение данных идеографических групп мы сочли возможным, так как в выбранных контекстах к денотативно-идеографической подгруппе «Человек, занимающийся спортом» относится лишь одно прилагательное *юниорский*, а все остальные (21 прилагательное) принадлежат к подгруппе «Человек по функции в спортивном состязании, спортивной игре», которая в связи с этим и была помещена на первое место в названии данной денотативно-идеографической подгруппы. Для прилагательного *вратарский* было выявлено 5 значений (5 ЛСВ):

1. Свойственный вратарю — игроку, защищающему ворота своей команды в хоккее, футболе и некоторых других командных играх с мячом или шайбой, вратарям; характерный для вратаря, вратарей. *Тогда это, пожалуй, было вратарской модой — теннисный мяч был постоянно с нами.*
2. Такой, в котором принимает участие вратарь (о процессе состязания, соревнования). *У нас были ежедневные специализированные вратарские тренировки, когда в стране это было еще не принято.*
3. Такой, который направлен на совершенствование навыков вратаря. *Там вратарская работа ведется только на льду, так что теннисные мячи были заменены шайбами.*
4. Связанный с вратарем. *С уходом «Бульдога» вратарская позиция ослабла, а сборная образца 2006 года, не вышедшая из группы, удостоилась от Чилаверта критики за трусость.*
5. Принадлежащий вратарю (о спортивном инвентаре, приспособлении). *Тяжелая вратарская клюшка в руках Конобрия становится гитарой, тростью — чем угодно.*

Из выделенных нами 22 прилагательных в «Словаре-тезаурусе прилагательных» в той же денотативной подгруппе присутствуют лишь 8. Это можно объяснить тем, что при рассмотрении текстов спортивных журналов отбирались статьи на футбольные и хоккейные темы, поэтому отсутствие таких прилагательных как *аквалангистский*, *альпинистский*, *бадминтонистский* и т. д., составляющих 37 от общего числа прилагательных в словаре-тезаурусе, вполне естественно. Из оставшихся прилагательных в дискурсе спортивных журналов отсутствуют по разным причинам следующие прилагательные: прилагательное *сборный* в контекстах является субстантивированным прилагательным и употребляется в значении ‘Спортивная команда, состоящая из лучших спортсменов различных команд и обществ, а также коллектив спортсменов, состоящий из лиц, собранных из разных групп, команд и т.п. или из разных мест’ (*сборная России, сборная по футболу* и др.); прилагательное *голкиперский* заменяет в найденных контекстах его синоним *вратарский* (*вратарская работа, вратарская позиция* и др.); в контекстах, в которых возможно употребление слова *натренированный*, предпочтительным оказалось использование прилагательного *опытный* (*опытный футболист, опытный игрок*).

Прилагательные, не включенные в «Словарь-тезаурус», но активно употребляющиеся в текстах спортивных журналов, представляют собой в большей своей части специальные наименования, характеризующие функции игроков, что, очевидно, объясняется спецификой спортивных журналов, избранных для изучения, — данные журналы относятся к сфере футбола и хоккея, и может быть связано со стремлением наиболее точно передать в текстах СМИ функции участников игры.

2.2. Подгруппа «Спортсмены (команды) по спортивным результатам». В данную подгруппу на основе анализа извлеченных контекстов включены 12 прилагательных, в словаре-тезаурусе — 6. 3 прилагательных представлены и в словаре, и в спортивном дискурсе: (*дву-, трех-...*)*кратный*, *результативный*, *чемпионский*. Прилагательное *чемпионский* по данным контекстов имеет 4 значения (4 ЛСВ): 1. Свойствен-

ный чемпиону (чемпионам) — спортсмену (или спортивной команде), победившему на соревнованиях по какому-либо виду спорта или в спортивной игре и получившему звание победителя в спортивных соревнованиях; характерный для него, для них. *Когда Карпин устанет ждать чемпионской игры от Сабитова, Шешукова и Макеева, вместо любого из них он сможет выпустить Видаля, прошедшего тренерскую школу Марсело Бьельсы, — и наслаждаться тем, как тот отбирает, отдает и бежит.* Интересным представляется словосочетание *чемпионская игра*, поскольку в данном контексте реализуется не системное значение «такой, в котором принимает участие чемпион (о спортивном состязании)», а узуальное вышеуказанное значение. 2. Принадлежащий чемпиону. *И вот уже 15 лет как откликается на «Ак Барс» и под этим именем завоевал три чемпионских титула: в 1998, 2006 и 2009 годах.* 3. Состоящий из спортсменов, победивших на соревнованиях по какому-либо виду спорта или в спортивной игре и получивших звание чемпиона (о спортивном коллективе). *Строгие правила потолка зарплат и транжирство прежнего генерального менеджера привели к тому, что после победы в Кубке Стэнли «Чикаго» вынужден был избавиться от немалой части чемпионской команды.* 4. Такой, который завершился получением кем-, чем-либо титула чемпиона (об определенном промежутке времени). *В чемпионском для «Вольфсбурга» сезоне-2008/2009 босниец дюжиной своих голевых передач помог чудесной связке Джеко — Графите побить рекорд бундеслиги.*

Не отмечено случаев употребления в контексте таких слов, как *гроссмейстерский, призёрский, рекордсменский*. Контекстов с первым прилагательным не было отобрано в силу обозначенных выше ограничений по теме текстов СМИ; что же касается слова *призёрский*, то в значении ‘Такой, который получает приз (награду победителю в каком-либо состязании, в спортивных соревнованиях за наивысшие показатели, достижения и заслуги в спорте) за какое-либо достижение’ было зафиксировано употребление слова *призовой* (*Однако два года подряд с большими приключениями оставался в шаге от призовой тройки, вызывая у незаинтересованной части футбольной Германии неподдельное сочувствие*); прилагательных в значении

‘принадлежащий призёру’ отмечено не было, как и подобных случаев в отношении прилагательного *рекордсменский* со значением ‘принадлежащий рекордсмену; свойственный ему; связанный с ним’.

В нашу классификацию было включено 10 прилагательных, относящихся к данной денотативно-идеографической подгруппе, не зафиксированных в «Словаре-тезаурусе»: например, *беспроегрышный* (1 ЛСВ): Не имеющий в своем составе ни одного проигрыша (о совокупности спортивных состязаний). *Восемь лет длится его беспроегрышная серия домашних матчей в национальных лигах; мастеровитый* (2 ЛСВ): Разг. Такой, который достиг высокого спортивного мастерства. *Один из патриархов отечественного тренерского цеха в Самаре и Раменском привык иметь дело с мастеровитыми футболистами, но этой зимой начинал было работать в Махачкале над новой концепцией самосохранения в премьер-лиге.* Интересно, что прилагательное *мастеровитый*, имеющее значение ‘Разг. Достигший высокого мастерства (в работе, творчестве)’, не связанное напрямую со спортом, получает вышеуказанное значение именно в контексте.

Значительное увеличение числа прилагательных, относящихся к данной денотативно-идеографической подгруппе, может быть объяснено с позиций когнитивной стереотипии, т. е. наличием в сознании носителей языка представлений об особой важности победы, завоевании титула, звания спортсменом, поскольку, как отмечает Е. Г. Малышева в своем исследовании [8: 165], одним из базовых когнитивных стереотипов, связанных со спортом, является следующий: «победы в ‘большом спорте’ — это высшее проявление патриотизма».

Следующие денотативные подгруппы были выделены нами на основании зафиксированных многочисленных примеров и наличия специфических значений и не имеют соответствия в словаре-тезаурусе прилагательных.

2.3. Подгруппа «Человек, играющий в определенной команде или руководящий ею» (14 прилагательных, образованных главным образом от фамилий известных игроков и тренеров, с целью отметить своеобразие их игры или тренерское искусство): *карпинский* (2 ЛСВ): 1. Свойственный Карпину;

характерный для него. *Креативная замена серого Родионова на голубоглазого Тихонова, возвращение Дзюбы и Яковлева, космическая карпинская энергетика и спартаковская генетика уживаются с парадоксальной аналитикой и ставшей уже легендарной фирменной риторикой*; 2. Такой, тренером которого является Карпин (о спортивном объединении). *Эффективность управления «Спартаком» традиционно оценивается не только итоговым местом в таблице — серебро и при Старкове брали, — сколько тем, похож ли «Спартак» на «Спартак»; насчет карпинского «Спартака» сложился общественный консенсус, что похож*. Появление данной группы также можно объяснить возрастающим интересом к спорту, в частности, к спортивным командным играм, повышением уровня знаний в этой области, а значит, и умением выделить и охарактеризовать черты, свойственные игрокам и тренерам. Степень вероятности образования данных прилагательных также обусловлено популярностью / непопулярностью определенного человека как игрока или тренера, наличием / отсутствием у него характерного стиля игры, а также наличием / отсутствием значимых событий, произошедших во время его пребывания в команде или на посту тренера.

3. «Спортивные объединения» (12 прилагательных, образованных от названий футбольных и хоккейных клубов и характеризующих главным образом их основные особенности или принадлежность кого-либо к данному спортивному объединению): *армейский* (4 ЛСВ): 1. Связанный с клубом «ЦСКА»: *О приобретении этого парня руководители ПФК ЦСКА объявили около года назад, и все оставшееся время армейские болельщики буквально считали дни до открытия летнего трансферного окна, когда по условиям договоренности с прежним клубом Сейду Думбия, швейцарским «Янг Бойз», ивуариец должен был перебраться в Москву*. 2. Играющий за футбольный клуб ЦСКА (о спортивном объединении). *Начнем с общей оценки уходящего года для армейской команды*. 3. Относящийся к символике клуба ЦСКА. *Он затыкает армейский барабан, он кричит громче Кейта Флинта, голосом которого взрываются в перерывах динамики*. 4. Предназначенный для болельщиков клуба ЦСКА. *Деньги сразу же стали работать: к сентябрю в восьми матчах за ЦСКА Тошич вколотил четыре гола, отдал пять передач,*

но главное — не пустил на *армейские* трибуны ностальгию по Милошу Красичу, вырвавшемуся наконец в «Ювентус».

Появление данной группы прилагательных можно объяснить интенсивной популяризацией спорта в России. Россияне стали больше разбираться в футболе, хоккее, интересоваться ими и, соответственно, получили возможность самостоятельно определять характерные черты стиля игры той или иной команды, стали активно употреблять в речи имена игроков или их заменяющие прилагательные, связанные с определенным футбольным клубом, подчеркивая принадлежность данных игроков к последнему. Однако можно заметить, что прилагательные образуются от названий не всех футбольных клубов: от некоторых клубов (например, «Анжи», «Крылья Советов», «ПСЖ» и др.) невозможно или затруднительно образовать прилагательные; иногда их образование не требуется по внеязыковым причинам, так как данные клубы не очень популярны, игроки, принадлежащие к этим клубам, не отличаются характерным стилем игры и потому редко упоминаются в текстах СМИ (например, «Амкар», «Терек», «Истра» и др.). Количество прилагательных, образованных от названий российских и иностранных клубов примерно равно, но количество отдельных ЛСВ значительно выше у прилагательных, образованных от названий российских клубов, что также объясняется внеязыковыми причинами.

4. «Виды спорта и спортивных игр». В нашей классификации в данную группу вошло 4 прилагательных, в словаре-тезаурусе — 37. Эта разница в количестве объясняется ограниченным кругом текстов избранной нами тематики. Из данного количества 2 прилагательных (*футбольный, хоккейный*) представлены и в «Словаре-тезаурусе», и в спортивных журналах. На основании дискурсного употребления выделены прилагательные *антифутбольный, околофутбольный*. Данные слова являются, по нашему мнению, экспрессивными образованиями, характерными в основном для речи болельщиков или спортсменов. Это подтверждается редкостью употребления данных слов в текстах СМИ: каждый ЛСВ встретился только один раз.

5. «Спортивные состязания, мероприятия»: В данную группу в нашей классификации входят 38 прилагательных, 8 из которых (*кубковый, олимпийский, отборочный, товарищеский,*

тренировочный, турнирный, финальный, четвертьфинальный) совпадают с прилагательными из данной группы «Словаря-тезауруса» (включающей 3 прилагательных). Различия в составе групп могут быть объяснены следующими причинами: ограниченностью тематики журналов, а значит, и невозможностью употребления в них таких прилагательных, как *гоночный, раллийный* и др.; выходом из употребления некоторых прилагательных по внеязыковым причинам (таких, как *спартакиадный*); желанием журналистов лучше и понятней отразить спортивные реалии и высказать к ним свое отношение (*конкурентоспособный, победоносный*), что в целом свойственно публицистическому стилю; частными причинами, например, прилагательное *матчевый* употребляется в текстах СМИ главным образом как сложное слово, первой частью которого является числительным (*двухматчевый* и т. д.), прилагательное *олимпиадный* практически вытеснено сходным по некоторым значениям прилагательным *олимпийский* и т. д. В группе представлены прилагательные, в большинстве своем конкретизирующие уровень известных соревнований (*лигочемпионский, еврокубковый, ахаэловский* и др.), время их проведения (*предсезонный, предматчевый, двухкруговой* и др.), их характер (*выставочный, стыковой* и др.).

6. «Спортивные упражнения и действия спортсмена». В нашей классификации в данную группу отнесены 26 прилагательных, в «Словаре-тезаурусе» — 28; из них совпадают — 5: *голевой, прыжковый, штрафной, ничейный, очковый*. Около половины из приведенных в «Словаре-тезаурусе» прилагательных не применимы к областям футбола и хоккея (*матовый, метательный* и др.). Другие прилагательные, обозначающие главным образом действия спортсмена, не являются интересными для болельщиков и потому малоупотребительными в текстах спортивных журналов (*разминочный, толчковый* и др.). Также имеют место и частные случаи: например, прилагательное *сухой* имеет в спортивных текстах ограниченную сочетаемость, а значит, употребляется по сравнению с другими прилагательными более редко (*сухой счет, сухой матч*) и т. д. В данную денотативно-идеографическую группу в нашей работе вошли также прилагательные, характеризующие действия спортсмена на основе их общей классификации, степе-

ни результативности, личностных качеств (*оборонительный, победный, результативный, скоростной, волевой* и др.). Они не только описывают какое-либо спортивное действие, но и задают определенное отношение к нему, что характерно для публицистического стиля. Остальные небольшие группы прилагательных конкретизируют действия спортсменов относительно места их произведения (*бровочный, верховой*), времени (*послеголевой, стартовый* и др.), являются ocasionальными образованиями (*правоногий чех*), специальными терминами (*техничко-тактическое действие*).

7. «Спортивное сооружение, место проведения спортивных мероприятий». Данная группа представлена в текстах 6 прилагательными, в отличие от 15 прилагательных в «Словаре-тезаурусе», из них совпадают два: *ледовый* и *стадионный*. Остальные, выделенные в «Словаре-тезаурусе», не могут быть употреблены в области футбола и хоккея по экстралингвистическим причинам (*бивачный, виражный, трековый* и др.). В нашей классификации присутствуют 4 прилагательных, конкретизирующих помещения на стадионе (*подтрибунный*) и важные для хода игры части поля (*опорный, технический, штрафной*). Общее число прилагательных данной денотативно-идеографической группы невелико, что объясняется особенностями публицистического стиля.

8. «Медицинские препараты, используемые в спорте» (2 ЛСВ: *допинговый* и *антидопинговый*). Эта группа была выделена нами отдельно, поскольку в связи с участвовавшими в последнее время случаями употребления спортсменами допинга данные прилагательные получили широкое распространение в текстах СМИ.

Анализируемый материал не позволил выделить на основе контекстов имеющуюся в «Словаре-тезаурусе прилагательных» денотативно-идеографическую группу «Спортивный инвентарь, спортивные снаряды, приспособления», что также можно объяснить вышеперечисленными причинами.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. На основе исследования дискурсивной специфики употребления прилагательных сферы «Спорт» было выявлено 138 прилагательных, распределенных по 8 денотативным группам,

из которых две («Спортивные объединения» и «Медицинские препараты, используемые в спорте») не присутствуют в «Словаре-тезаурусе прилагательных», выделена одна новая денотативно-идеографическая подгруппа «Человек, играющий в определенной команде или руководящий ею», ЛСВ которой объединяет значение «свойственный данному игроку или тренеру» (например, *бесковско-романцевская манера*).

Были выделены четыре основных значения и соответствующие им базовые идентификаторы ЛСВ прилагательных группы «Спортивные объединения»: «принадлежащий спортивному объединению» (*баварские ворота*), «свойственный спортивному объединению, характерный для него» (*динамовская модель игры*), «играющий за данное спортивное объединение» (*зенитовские защитники*), «такой, который работает в какой-либо спортивной организации» (*РФСовский чиновник*).

В группу «Медицинские препараты, используемые в спорте» объединены ЛСВ со значениями «связанный с допингом — средством, способствующим быстрой, но кратковременной активизации физической и психической деятельности организма» (*допинговый скандал*), а также «связанный с деятельностью против применения допинга в спорте» (*антидопинговый комитет*).

2. Анализ дискурсивной специфики прилагательных сферы «Спорт», проявляющейся при функционировании данных прилагательных в текстах спортивных журналов, показал, что в идеографическом членении существительных и прилагательных исследуемой сферы наблюдаются существенные различия. Так, по сравнению со словарем существительных, дополнительно выделяются денотативно-идеографические группы «Человек, играющий в определенной команде или руководящий ею», «Спортивные объединения», «Медицинские препараты, используемые в спорте», а также отмечается отсутствие такой денотативно-идеографической группы, как «Спортивный инвентарь, спортивные снаряды, приспособления».

3. Наиболее многочисленными оказались денотативно-идеографические группы «Человек», «Спортивные состязания, мероприятия» и «Спортивные упражнения и действия

спортсмена», что объясняется общей дискурсивной спецификой текстов.

Анализ показал, что семантика прилагательного как языковой единицы может быть уточнена или определена на основе анализа множества его контекстов, наиболее частотных и характерных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бабенко Л. Г.* Категоризация мира в идеографических словарях разного типа // Концептосфера русского языка : ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010. С. 23–52.

2. *Бабенко Л. Г.* Предисловие // Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2011. С. 20–29.

3. *Бабенко Л. Г.* Уральская идеографическая лексикография: этапы формирования и перспективы развития // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию Э. В. Кузнецовой, 8–9 нояб. 2007 г., Екатеринбург, Россия / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2007. С. 7–11.

4. *Гудков Д. Б.* Спортивный комментарий как зеркало речевой эволюции // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 64–68.

5. *Залевская А. А.* Проблема признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при межэтнических контактах // Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. труды. М., 2005. С. 187–193.

6. *Киселева В. А.* Лексико-фразеологическая экспликация концепта футбол в спортивном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

7. *Кустова Г. И.* Семантические классы прилагательных в электронном семантическом словаре // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филол. фак-т, 20–23 марта 2010 г.) : труды и материалы. М., 2010. С. 349–350.

8. *Мальшева Е. Г.* Универсальная идеологема «Спорт»: этнокультурная специфика // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 163–170.

9. *Мерзлякова А. Х.* Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале англ., русского и фр. языков). М., 2003.

10. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

11. *Раевская О. В.* О дискурсивном потенциале прилагательного // Язык и действительность : сб. науч. трудов памяти В. Г. Гака. М., 2007. С. 400–405.

12. *Привалова И. В.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. М., 2005.

13. *Толстая С. М.* Категория признака в символическом языке культуры // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. М., 2002. С. 7–20.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЗАЦИИ СЛОВ В СЛОВАРЕ ВОКАТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Способность слова употребляться в вокативной функции рассматривается в современных исследованиях как словарное свойство слов [6], однако толковые словари не фиксируют это свойство, а предлагаемые в словарях иллюстрации крайне редко включают высказывания, в которых слово было бы употреблено в функции обращения. Более того, в русской лексикографической практике отсутствует словарь вокативных слов (обращений), в то время как необходимость такого словаря очевидна: во-первых, вокативные формы представляют собой класс слов, подверженный социальным и политическим изменениям и поэтому требующий лексикографической квалификации; во-вторых, в речевой практике возникают трудности выбора правильной вокативной формы, что также обуславливает практическую важность создания словаря. В разговорниках и справочных пособиях по русскому речевому этикету для иностранных учащихся, в пособиях по речевому этикету для школьников обычно представлены некоторые вокативные формы, однако такое представление трудно назвать системным.

Создаваемый нами словарь является толковым идеографическим словарем. Данный словарь также содержит информацию синтаксического характера.

При классификации вокативов по лексико-семантическим группам мы основывались на данных Большого толкового словаря русских существительных под редакцией Л. Г. Бабенко [1]. Множество вокативов, участвующих в отображении одной типовой ситуации, мы называем, используя терминологию Л. Г. Бабенко, денотативным классом слов. Например, денотативные классы «Образование», «Военная сфера», «Медицина», «Право», «Транспорт».

Заголовочные слова открывают словарные статьи и даются в исходной (словарной) форме. Вокативы представлены в

форме единственного числа, приводится указание на родовую характеристику.

При отборе языкового материала было обнаружено, что в «Большом толковом словаре русских существительных» не оформлены как самостоятельные лексические единицы производные наименования лиц женского пола, например: *кондукторша, докторша, инспекторша, фермерша, морячка, радистка* и др. Эти единицы по лексикографической традиции помещаются в ту же словарную статью, что и соотносительное с ними существительное мужского рода. В словаре вокативов каждое слово рассматривается отдельно. Например:

УЧЕНИЦА, ж. Обращение к человеку (женского пола), обучающемуся в начальной, средней школе или профессионально-техническом училище. *Поздравляем, ученица, Будешь ты теперь учиться! Будь прилежной, знай урок, И задания все в срок выполняй* (разг. инт).

Если вокатив используется в разных коммуникативных ситуациях, но в рамках одной профессиональной сферы, то выделяются два значения в структуре словарной статьи. Например:

МЕДСЕСТРА, ж. разг. 1. Обращение к медицинской сестре, используемое в ситуации просьбы о помощи; **син.** сестра используется в вокативной функции. — *Медсестра, помогите мне! Я так нуждаюсь в чьей-нибудь помощи сегодня, Медсестра!* (разг. инт). *Она все еще была без сознания, чем сильно напугала Дмитрия. Тот снова взял ее на руки и понес в больницу.* — *Медсестра, помогите, пожалуйста, девушке плохо* (разг. инт).

2. Обращение врача к медицинскому работнику женского пола, помогающему врачу в лечении больных людей; **син.** сестра используется в вокативной функции. *На приеме у врача.* — *На что вы жалуетесь?— У меня насморк, болит голова, горло, немного знобит, меня тошнит.* — *Медсестра, поставьте пациенту градусник* (разг. инт).

Как видно из приведенных примеров, при **семантизации** толкование начинается со слова *обращение*, далее указывается адресат обращения и в некоторых случаях адресант. Если у слова есть **синонимы**, то они приводятся в конце словарной статьи.

Статусные вокативы используются преимущественно в официальных ситуациях и выполняют этикетную функцию, в связи с этим мы используем следующую систему **функционально-стилистических помет**: *офици., разг., разг.-сниж.*

Иллюстративный материал словаря включает контексты, содержащие словоупотребления описываемых в словаре статусных вокативов.

При отборе иллюстративного материала возникла сложность, обусловленная различиями в частотности употребления слов в вокативной функции. Например, в Национальном корпусе русского языка было обнаружено 229 вхождений лексемы *профессор*, 4 вхождения лексемы *абитуриент*. Неравномерность распределения примеров вызвана рядом причин.

Во-первых, существительное *абитуриент* имеет одно лексическое значение, то есть всегда обозначает человека, поступающего в высшее или среднее специальное учебное заведение; в то время как существительное *профессор* имеет несколько значений: например, «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой дает два значения:

1. Ученое звание, присваиваемое наиболее квалифицированным преподавателям высших учебных заведений и научным сотрудникам научно-исследовательских учреждений, руководящих научно-исследовательской работой.
2. Знаток своего дела [4].

Как видно из толкований, вокатив *абитуриент* может относиться к узкому кругу людей, а вокатив *профессор* может быть использован при обращении к любому человеку. Следовательно, ситуаций, в которых обращение *профессор* будет уместно, больше, чем для обращения *абитуриент*.

Во-вторых, при употреблении вокатива *абитуриент* существительное, как правило, имеет собирательное значение, то есть относится к группе людей; например: *Абитуриент, помни, что только хорошие результаты ЕГЭ позволят поступить в вуз!* (газ.), либо используется в форме множественного числа: *Дорогие абитуриенты! Сегодня перед серьезным и ответственным шагом стоите и вы. Выбирая профессию, вы определяете свое будущее* (газ.). Существительное *профессор*, напротив, чаще

употребляется по отношению к конкретному человеку, чем к группе людей.

Однако не только эти причины обуславливают частотность употребления вокативов. Например, контексты, в которых используется обращение *медсестра*, встречаются чаще, чем те, в которых употребляется вокатив *медбрат*. В данном случае язык лишь отражает действительность: в России помощниками врачей чаще являются лица женского пола, следовательно, существительное *медсестра* активнее употребляется носителями языка, нежели существительное *медбрат*.

На частоту использования вокативов также влияет их стилистическая окраска. Рассмотрим вокативы *кондуктор* и *кондукторша*.

Кондуктор является нейтральным существительным, что обеспечивает активность его использования. Производное наименование лиц женского пола этой профессии — *кондукторша* — является стилистически маркированным — разговорно-сниженным. При употреблении данного слова, адресант показывает свое пренебрежительное отношение к адресату; соответственно такая маркировка резко ограничивает возможность употребления вокатива *кондукторша*.

Все вышеперечисленные особенности употребления слов влияют на частоту их использования: в связи с многозначностью существительного *профессор* и наличием сложившегося стереотипного представления о профессоре в картине мира увеличивается частотность употребления слова; стилистически окрашенные вокативы встречаются реже, чем нейтральные.

Подробнее рассмотрим идеографическую группу «Право». В состав данного класса входит 11 существительных: *адвокат, детектив, инспектор, милиционер, охранник, полицейский, прокурор, следователь, следовательница, судья и шериф*, из которых 10 слов мужского рода и 1 женского; что связано с исторически подчиненным положением женщины.

Большинство обращений этого класса могут употребляться как изолированно (то есть без вокативных слов), так и с вокативными словами типа *товарищ, господин*.

АДВОКАТ, м. Обращение к специалисту, обязанность которого заключается в защите чьих-л. интересов в суде, а также

оказание помощи по правовым вопросам граждан; **син.** защитник используется в вокативной функции. Употребляется изолированно и со словом *господин*. *В углу, ссутулившись, сидел Тоу. — Как вы себя чувствуете, господин Акофф? — спросил он. — Попробуйте догадаться, адвокат, — просипел я, удивляясь слабости своего голоса* (П. Михненко). *Да, господин адвокат, я боялся разоблачения и решил вылетать не из Грозного, а из ингушского аэропорта Магас* (Г. Садулаев).

Встречаются также существительные, употребляющиеся в функции вокатива только изолированно. Так, например:

ОХРАННИК, м. 1. Обращение к служащему специального вооруженного подразделения, следящему за порядком в организациях. *Гражданин, не хулиганьте! Охранник, выведите гражданина!* (разг. инт). *«Так, охранник, выведите его из зала», — категорично заявила руководительница центра* (разг. инт).

2. Обращение к служащему специального вооруженного подразделения в тюрьме, лагере, обязанность которого не допустить самовольный уход заключенного из места, куда он помещен для отбывания наказания (тюрьмы, лагеря). — *Охранник, уведите арестованного, — приказал следователь, сунув парню какой-то сверток в руки* (разг. инт).

При анализе иллюстративного материала было выявлено, что вокатив *охранник* при обращении к представителю данной профессии используют адресанты, имеющие более высокий социальный статус (начальник к подчиненному охраннику). Кроме того, в словарь входят вокативы, которые способны употребляться изолированно, однако уместную форму для употребления они приобретают только в сочетании с вокативными словами; следовательно, в литературе мы встречаемся именно с такими примерами. Например:

СЛЕДОВАТЕЛЬ, м. Обращение к должностному лицу, уполномоченному осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Употребляется со словами *господин, товарищ и гражданин*. — *Гражданин следователь, — взмолилась женщина, — я вам правду говорю, я ничего не знаю* (В. Войнович). — *Да, он все утро, товарищ следователь, был в музее на первом этаже* (В. Ломов).

ПРОКУРОР, м. Обращение к сотруднику, работающему в прокуратуре, а также к государственному обвинителю на суде.

Употребляется со словами *господин, товарищ. У вас же, господин прокурор, не возникло бы необходимости спустя два месяца после подписания процитированного «радужного рапорта» отменять постановление о прекращении уголовного дела <...>* (Е. Толстых). — *Наши претензии известны Вам, господин прокурор, мы излагали их и устно, и письменно* (Г. Марков). — *У вас есть еще вопросы к свидетелю, товарищ прокурор?* (В. Доценко).

Как было сказано выше, в словаре указываются синонимы существительных (если таковые имеются), а также их способность/неспособность употребляться в функции вокатива. В сфере «Право» из 11 существительных 3 слова имеют синонимы:

АДВОКАТ, м. Обращение к специалисту, обязанность которого заключается в защите чьих-л. интересов в суде, а также оказание помощи по правовым вопросам граждан; **син.** защитник не используется в вокативной функции. Употребляется изолированно и со словом *господин*.

ДЕТЕКТИВ, м. Обращение к специалисту по расследованию; **син.** сыщик не используется в вокативной функции. *Но теперь, когда мы уверены, что оно было перевезено в этой лодке, нам определенно придется искать тело в озере. Детектив, проследите за этим, как только перекусите* (разг. инт). *Однажды к детективу пришел нуб и начал говорить: — У меня похитили 70 золотых, детектив, помогите мне их найти!* (разг. инт).

ИНСПЕКТОР, м. Обращение к должностному лицу, осуществляющему надзор и контроль за правильностью действий подведомственных органов и лиц; **син.** контролер не используется в вокативной функции. *Усатый нажал три кнопки и сказал в трубку: — Привет, инспектор! Вы сейчас не заняты? Рыжий отчего-то снова хмыкнул* (В. Белоусова).

Помимо зоны лексических категорий, в которой указывается наличие синонимов, в словаре присутствует стилистическая и эмоционально-экспрессивная информация; в данной сфере отражена функционально-стилистическая помета — *разг.*; эту помету имеет 1 слово:

СЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА, ж. *разг.* Обращение к должностному лицу женского пола, уполномоченному осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Употребляется со словом *гражданка*. — *Гражданка следователь-*

ница, — преклоняюсь: вы артистка в своем роде... (Р. Иванов-Разумник).

Данное существительное является разговорным и, следовательно, не может быть использовано в официальной ситуации. Употребление его в такой ситуации может привести к нежелательной реакции либо символизирует неуважительное отношение к адресату. Об этом свидетельствует контекст, приведенный в словарной статье.

Оставшиеся 10 слов являются стилистически нейтральными, что является вполне закономерным, так как вокативы *судья, следователь, адвокат, прокурор, инспектор* и *детектив* употребляются исключительно в деловой коммуникативной ситуации; вокативы *милиционер, охранник, полицейский* могут использоваться и в разговорной речи (например, ситуация на улице / в кафе). Используется также хронологическая помета — *устар.*:

МИЛИЦИОНЕР, м. *устар.* Обращение к сотруднику государственного органа, профессиональной обязанностью которого является борьба с преступностью и правонарушениями (в России с 1991 до 2012 г.). Употребляется только со словом *товарищ*. — *Вы понимаете, товарищ милиционер, я тут совершенно ни при чем* (И. Грекова). — *Товарищ милиционер, Панкрат купаться залез, — вступился за крокодила Игнат Васильевич* (С. Шац). — *Товарищ милиционер, подпишитесь и вы свидетелем, вы слышали* (В. Вересаев).

Статусные вокативы *милиционер* и *товарищ милиционер*, используемые в XX веке, в связи с реформированием системы правоохранительных органов — образованием полиции, устаревают. Следовательно, возникает проблема выбора новой вокативной формы.

Статусные вокативы являются самым подвижным классом. Это связано с постоянными изменениями в социальной сфере жизни. М. А. Кронгауз отмечает, что история России и СССР предоставляет интересный материал для изучения влияния власти и социальных перемен на обращение. Например, после революции из речи почти исчезли обращения *сударь/сударыня*; постепенно вытеснялись обращения *господин/госпожа*, то есть они сохранились только как об-

ращение к иностранцам их несоциалистических стран [5]. Им на смену пришли обращения *товарищ* и *гражданин / гражданка*, которые, как отмечает Н. Ю. Буравцова, отражали принципиальные изменения в структуре общества и его организации, подчеркивая новую систему социальных отношений, противопоставленную стратификации общества на предыдущем историческом этапе [2]. Однако формы *товарищ* и *гражданин* перестают использоваться в перестроечное и постперестроечное время, так как воспринимаются как социальные знаки старого режима.

Выбор официального обращения к сотрудникам правоохранительных органов является важной задачей, так как статусные вокативы выполняют не только апеллятивную функцию, но и этикетную. Кроме того, такие вокативы отражают отношение общества к представителям данной профессии.

По словам Л. П. Крысина, в России и до нового закона не было «универсального обращения к сотруднику правоохранительных органов», статус бывшей милиции и нынешней полиции плохо соотносится со статусом слова «господин», так как в этом слове содержится некое уважение, а к милиции, по мнению Л. П. Крысина, сейчас в обществе уважения нет. Он также говорит, что можно взять официально признанное обращение военных — *товарищ*, однако сочетание «*товарищ полицейский*» — «это страшное противоречие между советским «*товарищ*» и западным «*полицейский*» [3].

Бывший министр внутренних дел РФ Р. Нургалиев озвучил один из вариантов обращения к сотрудникам его ведомства — «*господин полицейский*» (по аналогии с используемыми обращениями в большинстве стран мира), однако трудно предсказать, станет ли эта форма употребительной.

Проблема поиска удобной речевой формы вызывает общественные дискуссии и обсуждается в интернет-пространстве.

В правовой сфере также существуют вокативные формы, которые определены законодательно. Например, к судье принято обращаться *ваша честь, уважаемый суд*, а также по формуле *звание + фамилия*.

Однако в словаре представлены иные формы употребления вокатива *судья*:

СУДЬЯ, м. Обращение к должностному лицу в органах суда, выносящего приговор по судебному делу. Употребляется со словами *товарищ*, *господин* и *гражданин*. *Товарищ судья, я не знаю, как это нужно сформулировать для решения суда, но прошу вас удовлетворить иск* (А. Володин). *Подсудимый Кузькин, вам известно было решение общего колхозного собрания, на котором вас лишили права пользоваться огородом? — спросил судья. — Нет, товарищ судья. — Отвечайте: гражданин судья* (Б. Можаяев). *Господин судья, об одном молю вас, осудите меня невиновною* (И. Ефремов).

Вокативные слова *товарищ*, *гражданин* и *господин* свидетельствуют о факте употребления этих форм вокатива в советское время (так как *товарищ* и *гражданин* — существительные, характерные для советского периода).

Проанализировав идеографическую группу «Право», мы выявили, что вокативы могут употребляться изолированно, либо с вокативными словами *товарищ*, *господин*, *гражданин* и др. Некоторые вокативы имеют синонимы, причем эти синонимы не способны употребляться в функции обращения.

Статусные вокативы являются динамической системой, а сфера «Право» наиболее подвержена влиянию социальных изменений. О данном феномене свидетельствует проблема выбора официального обращения к сотрудникам правоохранительных органов, существующая в настоящее время.

Несмотря на высокую степень динамичности, «Право» является одной из сфер, в которой существуют законодательно определенные вокативные формы (обращение к судье — *ваша честь*, *уважаемый суд*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Большой* толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

2. *Буравцова Н. Ю.* Национально-культурные особенности статусных обращений в русском языке: история и современность : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

3. *GAZETA.СПб* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.spb.ru/471081-0> (дата обращения: 17.03.2012).

4. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : ок. 160000 слов. М., 2006.

5. *Кронгауз М. А.* Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.

6. Янко Т. Е. Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/89.htm> (дата обращения: 01.05.2011).

© М. В. Слаутина
УрФУ

ОППОЗИТИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Настоящее исследование проводилось на материале трех словарей, созданных коллективом межвузовской проблемной группы «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко: «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» (М., 2007); «Большого толкового словаря синонимов русской речи» (М., 2008) и проспекта словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» (Екатеринбург, 2010). Особенностью этих словарей является то, что классификация лексического материала в них осуществлена на основе денотативного компонента семантики и синонимические ряды распределены по денотативным сферам, каждая из которых отображает определенный фрагмент действительности. Выделение денотативно-идеографических групп внутри каждой сферы связано с отображением различных аспектов денотативной ситуации.

Идеографический принцип описания лексики дает возможность рассмотреть взаимосвязь различных парадигматических группировок. Традиционно выделяют такие типы парадигматических отношений между единицами языка, как тождество, различие, включение и пересечение. Отношения тождества находят отражение в существовании такого явления, как синонимия. При этом синонимические связи не существуют изолированно от других, синонимические ряды вступают во взаимосвязь между собой и с другими лексическими парадигмами. Наиболее отчетливо эта связь проявляется на уровне взаимодействия синонимии и антонимии, обеспечивая существование синонимико-антонимических комплексов, построенных по оппозитивному принципу и

включающих синонимические ряды, выражающие противоположное значение.

В идеографическом словаре находят отражение способы категоризации и концептуализации мира. Сама система денотативных сфер и денотативно-идеографических групп соотносится с концептуальной картиной мира. В таком случае, очевидно, можно говорить о рубрике идеографического словаря как одном из основных репрезентантов концепта или концептосферы. Идеографический словарь синонимов, единицей описания в котором принят синонимический ряд в составе денотативно-идеографической группы, дает в этом отношении дополнительный материал, поскольку отчетливее выявляет семантические связи внутри макро- и микропарадигм.

Бинарные оппозиции, отражающие архетипические представления человека о действительности, составляют основу языковой модели мира. «Эта фигура, — пишет Г. И. Берестнев, — определяемая с точки зрения мифологической образности, может быть представлена как «близнецы», а с точки зрения современного научного знания — как обязательный для всего сущего принцип единства симметрии и асимметрии на всех уровнях бытия и в самом общем плане — как принцип двоичности, соотносимого нетождества» [1: 6–7]. При этом оппозитивность, бинарность является и способом освоения, познания мира.

Оппозитивность как системообразующий принцип концептуальной системы языка проявляется на разных уровнях обобщения. Так, концептосфера «Оценка» представляет собой реализацию двух универсальных оценочных смыслов — *хороший* и *плохой*, — которые в зависимости от вида оценки конкретизируются в оппозитивных концептах *Полезный — Бесплезный*, *Красивый — Некрасивый*, *Обычный — Необычный* и т. д. Концептосфера «Эмоции» образуется взаимодействием оппозитивных концептов *Радость — Грусть*, *Счастье — Несчастье*, *Доброта — Жестокость* и т. д.

В концептосферах, организованных не по оппозитивному принципу, полярные смыслы играют различную роль. Так, они менее существенны в таких сферах, как «Конкретная

физическая деятельность», «Искусство», «Строительство» и под. В других — таких, как «Экономика», «Интеллект», «Речь», «Религия», — оппозитивность, не являясь системообразующим принципом, тем не менее, проявляется на уровне частных концептов, связанных с базовыми, основными, составляющими ядро концептосферы. Так, для сферы «Экономика» базовым является концепт *Деньги*, с которым связаны такие оппозитивные концепты, как *Богатство — Бедность*, *Прибыль — Убыток*, *Копить — Тратить*. Базовый религиозный концепт *Вера* «притягивает к себе» оппозитивные концепты *Праведность — Грех*.

Рассматривая идеографическую группу как совокупность лексических репрезентаций оппозитивных концептов, отметим, что синонимические ряды с противоположным значением, относящиеся к одной рубрике идеографического словаря, могут быть лексическими репрезентантами как одного, так и разных концептов. Рассмотрим примеры. Синонимические ряды *Плодородный, жирный, плодоносный, тучный, урожайный, устар. злачный, разг. плодovitый* и *Неплодородный, бедный, бесплодный, скудный, устар. неродимый, разг. худородный*, относящиеся к Денотативной сфере «Сельское хозяйство» (идеографическая группа «Состояние хозяйства») являются репрезентантами концепта *Земля*. В этом случае оппозитивные синонимические ряды отражают признаки, относящиеся к периферии концепта. Если же мы имеем дело с ядерными признаками, то синонимические ряды с противоположным значением, относящиеся к одной идеографической группе, являются репрезентантами двух оппозитивных концептов. Например: синонимические ряды *Богатый, безбедный, зажиточный, крепкий, небедный, обеспеченный, состоятельный, устар. достаточный, разг. презрит. буржуйский, разг.-сниж. справный* (семантическая идея: отличающийся достатком, обилием материальных ценностей, отсутствием нужды) и *Бедный, небогатый, нищий, нищенский, книжн. малообеспеченный, книжн. необеспеченный, устар. убогий* (семантическая идея: отличающийся крайней нуждой, отсутствием средств к существованию) являются репрезентантами оппозитивных концептов *Богатство — Бедность*.

Противопоставление на уровне ядерных признаков концепта отнюдь не означает обязательную симметрию и полное соответствие компонентов одного концепта компонентам другого. Так, концепты *Богатство* и *Бедность* противопоставлены по признаку ‘наличие / отсутствие материальных ценностей’. При этом концепт *Богатство* включает еще один ядерный признак — ‘сами материальные ценности’. Соответственно, количество лексических репрезентантов двух полярных концептов будет различным.

Другая модель асимметричного взаимодействия концептов состоит в том, что один концепт может быть по разным признакам противоположен двум другим. Например, концепт *Труд* образует две оппозиции — с концептами *Отдых* и *Лень*.

Асимметричность организации лексических множеств, репрезентирующих оппозитивные концепты, проявляется и в количестве синонимических рядов. Так, для оппозитивных концептов *Умный* — *Глупый* важным компонентом является степень проявления признака. Но репрезентируется этот компонент по-разному. Значение превышения нормы в синонимическом ряду *Умный* отражается в семантике слов *мудрый, прозорливый*; в противоположном ряду *Глупый* оно заключено в словах *безмозглый, пустоголовый*. Кроме того, значение превышения нормы дополнительно выражает синонимический ряд *Тупой*, обозначающий крайнее проявление признака глупости.

Интересно отметить, что синонимические ряды с противоположной семантикой могут быть репрезентантами концептов, которые не только не являются оппозитивными, но и относятся к разным сферам. Например, значение противоположного действия заключено в семантике рядов *Зарабатывать* (семантическая идея — работать с целью получения вознаграждения), который находится на пересечении двух концептосфер — «Труд» и «Экономика», и *Тратить* (семантическая идея — употреблять на приобретение чего-л. (деньги, средства), относящегося к сфере «Экономика».

В концептуальной картине мира находят отражение архетипические культурные оппозиции, связанные в первую очередь с самим человеком и с освоением, познанием им

действительности. Таковы, например, представления о пространстве и времени, где точкой отсчета является человек, его «пространственно-временные координаты». Представления о *близком / далеком, земном / небесном* и т. п. соотносятся с архетипическим образом *своего и чужого* пространства и религиозным представлением о *божественном и дьявольском*. К исконным культурным оппозициям можно отнести также оппозитивные концепты *Мужчина — Женщина, Взрослый — Ребенок*, реализующие противопоставленность по полу и возрасту. Синонимические ряды, репрезентирующие подобные концепты, не являются антонимичными друг другу. Ср.: *Взрослые, старшие, разг. большие* и *Дети, малыши, разг. детвора, разг. малышня, разг. малыцы, разг. мелкота, разг. мелюзга, разг. ребята, разг. ребяташки, разг. ребятня, разг. -сниж. мальва, разг. -сниж. ребя*. Помимо архетипических культурных оппозиций в русской концептуальной картине мира находят отражение оппозиции, связанные с представлениями о жизни социума: *Пьяный — Трезвый, Образованный — Необразованный, Говорить — Молчать* и т. д.

Исследование концептуальной системы русского языка на материале идеографических словарей дает дополнительные возможности для выявления способов репрезентации концептуальной картины мира в лексике русского языка. Идеографический принцип описания лексики позволяет выявить системные связи между лексическими группировками разного типа, способы организации синонимико-антонимических групп. Взаимосвязь синонимии и антонимии (шире — тождества и противопоставления) проявляется на разных уровнях обобщения, становится одним из основных системообразующих принципов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Берестнев Г. И.* Когнитивный статус семантических оппозиций в сопоставительном аспекте (язык — культура) // Структура текста и семантика языковых единиц : сб. науч. тр. Вып. 3. Калининград, 2005. С. 5–29.

ДИФФУЗНОСТЬ СЕМАНТИКИ ОЦЕНОЧНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ*

Проблема семантической диффузности является одной из наиболее сложных в современной лингвистической науке. Д. Н. Шмелев пишет, что «в целом ряде случаев граница между значениями оказывается как будто размытой, смысл словосочетания таков, что не требует выявления этой границы, более того, часто он не покрывается полностью ни одним из значений в отдельности» [5: 94–95]. Ученый приходит к выводу о том, что «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим семантику» [5: 95].

В наибольшей степени семантическую диффузность демонстрирует имя прилагательное, которое, наряду с другими лексико-грамматическими классами слов, участвует в обозначении предметов и явлений действительности, но выражает свойство, качество предмета только в сочетании с определенными существительными. Как отмечают исследователи имени прилагательного (И. М. Айдынов, Е. М. Вольф, Т. М. Николаева, Ж. П. Соколовская, А. А. Уфимцева, А. Н. Шрамм, Г. М. Шипицына), особенностью семантики этих единиц является их чрезвычайно широкий смысловой объем. Не имеющие собственно денотативного значения, лишенные референции, они нуждаются в денотации, которую несет определяемое с их помощью имя существительное [3: 164]. Можно сказать, что прилагательное, допуская самые разные семантические сдвиги, «приспосабливается» к существительному, с которым оно согласовано, т. к. признак не существует вне его носителя, обозначаемого именем существительным. Прилагательное легко приобретает производные значения, описание которых представляется довольно трудной задачей.

В высказывании прилагательное, по словам Г. И. Мансуровой, отличается многофункциональностью. Большинство прилагательных совмещает значение признака, присущего предмету или событию, и значение оценки, исходящей от

говорящего. Однако оценочные свойства прилагательного реализуются только в контексте [2: 135–136].

В полной мере указанные свойства прилагательных могут быть продемонстрированы на материале абстрактной лексики, например лексики со значением исключительности, в том числе на материале заголовочной единицы данного семантического класса.

Лексема *исключительный*, по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее — СОШ), имеет шесть значений. Из них одно дано для соответствующей частицы, два — для наречия и три — для прилагательного. Два из трех значений прилагательного допускают употребление только полной формы слова:

1. *полн. ф.* Являющийся исключением, не распространяющийся одинаково на всех (*книжн.*). *Исключительное право.*

2. Небывалый, необыкновенный. *Исключительный случай.*

3. *полн. ф.* Выделяющийся среди других по своим положительным или отрицательным качествам (*разг.*). *Изделия исключительного качества (очень хорошие). Исключительный невежда (полнейший)* [4].

В СОШ три значения слова «исключительный» разграничены достаточно четко, однако различие второго и третьего значений представляется задачей непростой: второе обозначает необычность чего-либо как целостную характеристику предмета, явления, события, а третье — интенсивную (градуальную) оценку отдельно взятого качества предмета, явления или события.

Рассмотрим толкования лексемы *исключительный* в других толковых словарях русского языка, для того чтобы выявить различия в интерпретации слова разными лексикографическими источниками.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова приведено два значения:

1. Представляющий собой исключение, изъятие из общих правил, норм (*книжн., офиц.*). *Исключительные законы. Исключительные права.*

2. Особенный, непохожий на других, необыкновенный. Исключительное положение. *Исключительный случай.* || Очень хороший, превосходный (*разг.*). *Товар исключительного качества* [6].

Очевидно, что в словаре Д. Н. Ушакова лексема **исключительный** истолкована таким образом, что явление семантической диффузности оказывается лексикографически редуцированным, т. е. проблема различения значений при пользовании этим словарем не возникает. Отметим, однако, что описание второго значения лексемы включает в себя фиксацию семантического оттенка, свойственного разговорной речи, что делает второе значение в целом довольно семантически емким (широким).

В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой три значения с оттенками:

- 1) а) Являющийся исключением из общих правил, норм. б) *перен. разг.* Очень большой, чрезвычайный.
- 2) а) Особенный, необыкновенный, редкий. б) *перен. разг.* Очень хороший, превосходный.
- 3) а) Распространяющийся только на кого-л., что-л.; преимущественный. б) Единственный [1].

В словаре Т. Ф. Ефремовой отражено максимально возможное количество семантических оттенков, при этом некоторые из них очень близки друг к другу по значению. Действительно, велика ли разница между оттенком «являющийся исключением из общих правил, норм» и оттенком «распространяющийся только на кого-л., что-л.»? Ответить на такой вопрос, кажется, можно только опираясь на речения и контексты, которые в этом словаре, к сожалению, не приводятся.

Таким образом, проанализировав толкования лексемы **исключительный** в трех лексикографических произведениях, наблюдаем ситуацию столкновения принципиально разных лексикографических подходов, один из которых пытается максимально упростить языковые явления (Ушаков), другой — дать все возможные оттенки значения (Ефремова), а третий — выбирает стратегию «золотой середины» между лексикографическими крайностями (Ожегов и Шведова).

Опираясь на данные, полученные из Национального корпуса русского языка, проведем наблюдения над употреблением лексемы **исключительный** в речи [7].

Поиск по корпусу в данном случае проводился без каких-либо ограничений, касающихся отбора материала. На запрос

по лексеме **исключительный** обнаружено 7820 документов, в которых имеется 18735 вхождений.

Собранный материал разделим на три группы по структурным основаниям:

1. «**исключительный** + существительное»

Исключительный случай, стоицизм, характер, человек, дар, работник, вкус, опыт, талант, вклад, феномен, подвиг и т. д.

В этой группе наиболее частотным оказалось словосочетание *исключительный случай*, в полной мере описываемое значением «небывалый, необыкновенный» по СОШ, либо значением «особенный, необыкновенный, редкий» по словарю Ефремовой. Например: *Один пример серьезного вмешательства в политику помнят, наверное, все: недвусмысленные выступления патриарха Алексия II (а за ним и других архиереев) в поддержку Бориса Ельцина в 1996 году. Но то был, конечно, случай исключительный* (А. Верховский).

Прилагательное **исключительный** референциально связано с различными типами объектов, среди которых преобладают социальные, интеллектуальные и эмоциональные качества человека: *работоспособность, способности, память, хладнокровие, порядочность* и др. Разновидностью анализируемой модели является близкое к идиоматичному словосочетание «человек исключительных [качеств]», например: *...это был Пушкин, человек исключительной силы духа* (И. Грекова); *Вы, судя по всему, человек исключительной доброты?* (М. Булгаков).

2. «существительное + **исключительный** + по + признак»

Исключительный по развлекательному качеству продукт; исключительный по качеству материал и т. д.

В употреблении, относящихся к этому структурному типу, параметр, указываемый после предлога *по*, носит градуируемый характер.

3. «**исключительный** + однородное прилагательное + существительное»

Исключительный, анекдотический случай; исключительный, единственный порыв; прекрасный, исключительный, мелодичный голос; исключительный, эксклюзивный подарок и т. д.

В употреблении данной группы лексическое значение лексемы **исключительный** всякий раз уточняется контекстным окружением единицы.

Наибольший уровень семантической диффузности характерен для употреблений, представленных в первой структурной группе.

Разумеется, во многих примерах реализуется словарное значение слова без семантических приращений и модификаций: *Случай помог мне узнать в тебе не просто молодого человека, но человека зрелого, характер исключительный и чувства необычайно тонкие* (Д. Гранин). В приведенном примере исключительный характер — «небывалый, необыкновенный», т. к. подобная характеристика не предполагает выделения какого-то градуируемого признака.

Значительная часть контекстов дает примеры семантической диффузности: *На сотрудников эта сцена произвела исключительное впечатление: такие кадры у него прохлаждаются в женах!* (В. Аксенов). Является ли впечатление «небывалым, необыкновенным» или же «выделяющимся среди других по своим положительным или отрицательным качествам»?

Исследование контекстов позволяет уточнить парадигму значений прилагательного, предлагаемую толковыми словарями.

Во-первых, прилагательное *исключительный* активно развивает значение положительной оценки (оно фиксируется в словаре Ефремовой как «разговорное»). Устойчивое развитие оценочного значения в парадигме прилагательного имеет вполне естественное объяснение: необычное, особенное, применяемое к способностям человека, оценивается как положительное (*Все отзываются о ней в превосходной степени, отмечая исключительную работоспособность, увлеченность, ответственность — газ.*); *И тут Шура Авербах доказал, что он не только замечательный художник, но и человек исключительной находчивости — И. Кио*).

В результате в контекстах регулярно объединяются два типа оценок: общая (положительная) оценка и нормативная оценка (необычный, особенный): *Случай помог мне узнать в тебе не просто молодого человека, но человека зрелого, характер исключительный и чувства необычайно тонкие; Память имел исключительную, к тому же способности к языкам* (Д. Гранин).

Во-вторых, в прилагательном *исключительный* регулярно совмещается семантика необычности со значением превос-

ходства. Подобное совмещение иногда приводит к дефектно-му употреблению: *Концентрироваться долгое время не может ни один подросток. Даже самый исключительный* (Интернет-ресурс). Лексема **исключительный** не предполагает возможности образования превосходной степени, т. к. ее внутренняя форма уже несет семантику превосходства.

В других случаях употребления прилагательного **исключительный** совмещаются значения «необычного», «положительно оцениваемого», «превосходящего все остальные, единственного в своем роде», например: *У вас исключительный голос, — говорит профессор, — таких голосов, как ваш, очень мало, а может быть, и вовсе нет* (А. Рыбаков); *Тем разительнее исключительная, ни с чем, пожалуй, не сравнимая судьба «Элцидария»* (А. Гуревич).

В то же время, несмотря на наличие в семантике прилагательного **исключительный** компонента ‘очень’ данное прилагательное, реализуя значение «необычный», оказывается ниже по степени градации относительно синонимичного «из ряда вон выходящий»: *Случай, конечно, исключительный, анекдотический, но, если подумать, такой ли уж он из ряда вон выходящий?* (А. Мильчин).

Таким образом, диффузность значений прилагательного **исключительный** представляет собой закономерное для оценочного прилагательного наложение смыслов, связанное с их нераздельностью. Диффузность значений создает и смысловую сложность, проявляющуюся в тексте, определяет полифонию смыслов оценочного слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М., 2006.

2. *Мансурова Г. И.* Энантисемия в формировании оценочной семантики прилагательных // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): труды и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань, 2001. Т. 1. С. 135–136.

3. *Михайлова О. А.* Ограничения в лексической семантике : семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург, 1998.

4. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2005.

5. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

6. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000.

7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.01.2013).

© Н. В. Царегородцева
УрФУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ АНТОНИМОВ GOOD — BAD В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ

Проблема семантики антонимов является одной из самых актуальных в теории антонимии. Известно, что В. Н. Комиссаров рассматривал антонимичность как особую дополнительную характеристику лексического значения [5: 6–7]. Применяя метод компонентного анализа к исследованию значений антонимичных языковых единиц, лингвисты пытаются конкретизировать содержание понятия антонимичных значений. Они указывают, что в семных структурах слов-антонимов выделяются взаимоисключающие антонимичные компоненты.

Наше исследование проводилось на материале английских паремий, из состава которых отбирались оппозиции антонимов. Далее они были объединены в идеографические классы, выделенные с опорой на «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» под общей редакцией профессора Л. Г. Бабенко. Цель данной статьи представить анализ семантических корреляций антонимов *good* — *bad*, которые оказались наиболее частотными в группе «Качество», входящей в состав идеографического класса «Восприятие окружающего мира». Данная оппозиция в различном грамматическом оформлении обнаружена в 47 паремиях. На наш взгляд, она заслуживает пристального внимания, поскольку обладает особой семантической динамикой. В логических теориях члены оппозиции *good* — *bad* являются аксиологическими операторами. В языке данные единицы относятся к слоям лексики, предназначен-

ной для выражения оценки. Поскольку по своей семантике паремии являются высказываниями оценочного характера, иными словами, так же выполняют аксиологическую функцию, можно предположить, что именно в данных условиях специфика семантики коррелиций антонимов *good — bad* проявляется наиболее ярко.

Круг проблем, связанных с семантикой оппозиции указанных прилагательных, исследовался в различных аспектах в трудах многих лингвистов на материале разных языков. По справедливому замечанию Е. М. Вольф, автора работ, посвященных изучению семантики оценки, слова «*хорошо*» и «*плохо*» являются «как бы обобщающими именами класса свойств с определенным знаком «+» или «-» [3: 34]. Иными словами, прилагательные *good — bad*, являются партнерами по шкале оценки, в пределах которой «движение» возможно в двух направлениях: убывания или нарастания качества, т. е. в зоне «-» и в зоне «+».

Н. Д. Арутюновой была предложена классификация оценочных значений, которая включает в себя три группы, состоящие, в свою очередь, из семи разрядов. Поскольку данная классификация представляет интерес с точки зрения последующего анализа оппозиции имён прилагательных *good — bad*, мы остановимся на ней подробнее. К группе «сенсорных оценок» Н. Д. Арутюнова относит гедонистические и психологические (интеллектуальные и эмоциональные) оценки. Вторая группа — «сублимированных оценок» - состоит из 2 категорий: эстетических (на основе синтеза сенсорных и психологических) и этических оценок. Утилитарные, нормативные и теологические оценки включены в состав третьей группы — «рационалистических оценок» [1: 198–199].

Рассматриваемые прилагательные занимают доминантные позиции в соответствующих синонимических рядах. Наблюдения над их семантическими структурами также показали, что они обладают значительным потенциалом антонимических противопоставлений. Из имеющихся 35 ЛСВ у прилагательного *bad* и 41 у его антипода *good* отношения противоположности возможны в 30 случаях. КССП (коэффициент семантической соотносительности по противополож-

ности, который рассчитывается по формуле, предложенной В. А. Ивановой на основе формулы попарного коэффициента семантической близости, использованной С. Г. Бережаном: $V=2c \div (a+b)$ (см. [4: 30]) у данной пары достаточно высокий: $(30 \times 2) \div (41+35) = 60 \div 76 \approx 0,8$, что, однако, не дает основания считать прилагательные *good* — *bad* полными антонимами.

Синонимический ряд прилагательного *bad* индуцирует значительное количество антонимов (27): *good, upright, true, honest, just, sincere, beneficial, advantageous, profitable, virtuous, propitious, benevolent, serviceable, competent, worthy, right, valid, real, reputable, quality, well-behaved, welcome, favorable, slight, fresh, healthy, satisfactory*, соответствующих отдельным ЛСВ, объединённым в семантической структуре полисемичной лексемы *good*. Поэтому указанному синонимическому ряду может быть противопоставлено множество антонимов, которые, в свою очередь, отражают элементы семантической структуры лексемы *bad*. По данным лексикографических источников, их 41: *bad, evil, wicked, vile, sinful, depraved, impure, corrupt, unsound, dishonorable, disgraceful, contemptible, dishonest, vicious, abominable, foul, disgusting, execrable, hateful, abhorrent, horrid, horrible, odious, loathsome, nauseous, detestable, offensive, disagreeable, unpleasant, noxious, unhealthy, deleterious, injurious, naughty, unkind, scant, invalid, disadvantageous, unenjoyable, mean, inconvenient*.

Рассмотрев антонимические корреляции с компонентами *good* — *bad* в составе, например, таких пословиц, как «*Economy is a good servant, but a bad master*» (досл.: Экономия - хороший слуга, но плохой хозяин; русский аналог: Бережливость хороша, да скупость страшна) и «*Money is a good servant, but a bad master*» (досл.: Деньги — хороший слуга, но плохой хозяин; русский аналог: Человек должен распоряжаться деньгами, а не деньги человеком), приходим к выводу о том, что выбор ЛСВ оценочных прилагательных *good* — *bad* будет зависеть от контекстных партнеров в каждой из пословиц. Для понимания семантики данных пословиц в целом, в первую очередь, необходимо ответить на вопрос о том, какие признаки входят в стереотипное представление о хорошем слуге или плохом хозяине. Однако этого будет недостаточно. Нас интересует

только часть признаков, характеризующих стереотипный образ слуги и хозяина, которые являются «объектом» оценки. В этой связи уместно напомнить замечание Э. Холла о том, что «когда мы говорим, что X хороший, то встает вопрос: в каком отношении?» Поскольку денотаты «*economy*» и «*money*» относятся к сфере практической деятельности человека, по классификации Н. Д. Арутюновой, их определяющие принадлежат к группе «рационалистических оценок». Далее выбираем соответствующие значения в семантических структурах прилагательных *good — bad*: «надежный» — «ненадежный». К сфере «рационалистических оценок» относятся частнооценочные качественные значения прилагательных *good — bad* и в таких пословицах, как «*It is never a bad day that has a good night*» (досл.: У плохого дня не бывает хорошего вечера); «*Good riddance of the bad rubbish*» (досл.: Хорошее избавление от плохого хлама; русский аналог: Баба с возу — кобыле легче); «*Good harvests make men prodigal, bad ones provident*» (досл.: Хороший урожай делает людей расточительными, а плохой — бережливыми).

В значениях, связанных с этической оценкой, члены данной оппозиции употребляются в таких пословицах, как «*Bad company corrupts good morals*» (досл.: Плохое общение разрушает хорошие этические нормы; русский аналог: С кем поведешься, того и наберешься); «*Many a good cow hath a bad calf*» (досл.: У хорошей коровы плохой теленок). В последнем случае возможен также акцент на эстетической оценке.

В контекстах следующих пословиц: «*There is but an hour in a day between a good housewife and a bad*» (досл.: Между хорошей и плохой хозяйкой — всего час в день); «*Praise makes good men better and bad men worse*» (досл.: Похвала делает хороших людей лучше, а плохих людей хуже) наблюдается пересечение частнооценочных значений прилагательных *good — bad*, связанных с рационалистическими и этическими характеристиками. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с явлением речевой многозначности.

Наибольшие сложности при трактовке семантики корреляции *good — bad* возникают в тех случаях, когда ее лексическое окружение ведет к несовпадению соотносимых в ней аспектов качества, что происходит, например, в таких

паремиях, как «*A good horse cannot be of a bad colour*» (досл.: Хорошая лошадь не может быть плохого цвета; русский аналог: Хорошая лошадь не может быть плохой масти); «*Into a mouth of a bad dog often falls a good bone*» (досл.: В рот плохой собаки часто падает хорошая кость); «*A bad custom is like a good cake, better broken than kept*» (досл.: Плохой обычай подобен хорошему торту, его лучше сломать, чем сохранить); «*A bad sheaver never had a good sickle*» (досл.: У плохого жнеца никогда не было хорошего серпа; русские аналоги: У плохого жнеца всегда серп виноват; Мастер глуп — нож туп; У плохого мастера такова и пила) и др. Очевидно, что несовпадение признаков оценки качества, входящих в стереотип характеристик таких объектов, как *horse* и *colour*, *dog* и *bone*, *custom* и *cake*, *shaver* и *sickle*, определяемых при помощи корреляций *good — bad*, усложняет выбор значений ее членов.

Так, оценочные стереотипы денотатов «*horse*» и «*colour*», существующие в сознании говорящего, имеют различные основания. Для существительного *horse* характерные признаки выбираются по шкале «сенсорных» и «рационалистических оценок», а для его контекстного партнера *colour* оценка, главным образом, связана с эстетическими признаками. Иными словами, употребляя общеоценочное прилагательное *good* для описания лошади, говорящий подразумевает характеристики, отвечающие стереотипным представлениям о качественной породе лошадей: выносливая, сильная, умная, здоровая, приносящая пользу и т. п. Выбор оценочного прилагательного *bad* для описания цвета лошади предполагает, в первую очередь, эстетические характеристики, соответствующие стереотипному представлению об окрасе лошади. В данном случае в семантическом диапазоне, под которым мы понимаем соотношение параметров семных структур членов антонимической корреляции, противопоставлены антонимичные дифференциальные семы «положительной» и «отрицательной» оценки качества. В него также войдут семы, уточняющие эту оценку, которые обнаруживаются на периферийных ступенях семантического разложения. Иными словами, в данном примере члены оппозиции *good — bad* употребляются в значениях «высокое качество» и «низкое

качество». Однако последующее уточнение характеристик качества ведет к пересечению с такими значениями, как «отвечающий представляемым требованиям», «вызывающий положительную оценку», «заслуживающий одобрения» либо «обладающий отрицательными свойствами», «не удовлетворяющий своим качеством предъявляемым требованиям», «вызывающий отрицательную оценку».

В семантическом диапазоне корреляции прилагательных *good* — *bad*, характеризующих денотаты существительных «*custom*» и «*cake*» так же, как и в предыдущем случае, противопоставление сем «положительное» и «отрицательное» качество наблюдается на достаточно высоком уровне семных структур ее членов. Кроме того, поскольку дальнейшее семантическое разложение проводится в пределах общей шкалы «рационалистических оценок», в семантическом диапазоне данной пары противопоставляются уточняющие семы «полезный» и «вредный».

Та же самая корреляция, использованная для характеристики денотатов существительных «*dog*» и «*bone*», сохраняет оценочные семы, определяемые по разным шкалам оценок: для существительного *dog* — по «рационалистической» и «психологической»; для *bone* — по «сенсорно-вкусовой». Данное обстоятельство служит объяснением того факта, что в пределах семантического диапазона корреляции *good* — *bad* в этом случае оказывается значительное количество идентифицирующих признаков.

Несовпадение смыслов, выражаемых членами рассматриваемой корреляции, наблюдается и в том случае, когда они используются для описания денотатов существительных со значением носителя действия и инструмента действия: «*sheaver*» — «*sickle*». Справедливости ради необходимо заметить, что здесь, как и в предыдущих случаях, между объектами оценочной характеристики могут устанавливаться парадигматические отношения: при пристальном рассмотрении их семантики обнаруживается, например, общность смысловой стороны и лексической сочетаемости, не говоря уже об их предметной общности. Однако и в данном случае качественные признаки обнаруживают полярную противо-

положность, которая устанавливается на уровне видовых сем «положительного» и «отрицательного» качества. Далее антонимичность поддерживается на уровне уточняющих сем: «эффективный» — «неэффективный».

В ряде пословиц встречаются антонимические корреляции, образованные субстантивированными прилагательными *good — bad*. При сопоставлении семантических структур данных транспозитов обнаруживаются два потенциальных антонимичных значения: «польза» — «вред» и «добро» — «зло». КССП у данной пары составляет $(2 \times 2) \div (4 + 3) = 4 \div 7 \approx 0,6$. Такие корреляции встречаются в следующих поговорках: *You will never see good and bad to agree* (досл.: Никогда не увидишь, чтобы доброе уживалось с плохим; русский аналог: Кривдой весь свет пройдешь, да назад не воротишься); *He that spares the bad injures the good* (досл.: Тот кто щадит плохое, губит хорошее; русский аналог: Вора миловать — доброго губить); *A sandwich of good and bad* (досл.: Сэндвич из плохого и хорошего; русский аналог: Жизнь полосата). В данных примерах в семантическом диапазоне корреляции *good — bad* противопоставляются семы «положительное» — «отрицательное», «вызывающее одобрение» — «не вызывающие одобрения». В одной из пословиц члены данной корреляции употреблены в значениях «полезное» — «вредное». В семантическом диапазоне в этом случае противопоставляются такие уточняющие семы, как «отрицательное воздействие» — «положительное воздействие», «хороший результат» — «ущерб».

В изучаемом материале встречаются также корреляции компаративных и суперлативных форм прилагательных *good — bad*. Результаты анализа лексикографических данных свидетельствуют об асимметричности семантических структур компаративов *better — worse*. У первого члена этой оппозиции имеется 6 ЛСВ, а у второго — 3. Рассчитаем КССП для данной пары, учитывая, что антонимические корреляции возможны в трех из имеющихся у них значений: $(3 \times 2) \div (6 + 3) = 6 \div 9 \approx 0,5$.

Приведенные ниже примеры показывают, что исследуемая оппозиция компаративов прилагательных *good — bad* используется для выражения интенсивной оценки целого спектра качеств. Например, в первой части такой поговорки, как *The*

better gamester, the worser man (досл.: Чем лучше картежник, тем хуже человек), в семной структуре компаратива *better* актуализируются компоненты, уточняющие «рационалистические оценки» его контекстного характера *gamester* («более искусный», «ловкий»), а во второй — семы, отвечающие за этические характеристики, относящиеся к сфере «абсолютных оценок» («менее благородный», «менее нравственный»). Такое несовпадение переменных значений оценки позитивного и негативного качества зависит от семантики конкретных субъектов оценки, от стереотипных представлений о разных социальных ролях, репрезентируемых в данном случае существительными *gamester* и *man*.

Смысловые связи между оценочными компаративами *better* и *worse* в пословице *Learning makes a good man better and an ill man worse* (досл.: Ученость делает хорошего человека лучше, а дурного — хуже) также устанавливаются на основании экстралингвистических критериев. Опыт носителей языка позволяет предположить, что здесь речь идет об оценке моральных качеств, отраженных семами «добродетельный» — «порочный». Таким образом, в отличие от вышеописанных случаев употребления корреляции компаративов *better* — *worse* в данном примере они могут быть охарактеризованы как соразмерные антонимы с точки зрения образуемого им семантического диапазона.

Такие частнооценочные значения рассматриваемых компаративов, как «моральный», «добрый» — «безнравственный», «недобрый», актуализируются в пословице *Praise makes good men better and bad men worse* (досл. Похвала делает хороших людей лучше, а плохих людей — хуже). Они относятся к группе «абсолютных» или «сублимированных оценок», точнее к ряду этических норм.

А в другой пословице: *The worse luck now, the better another time* (досл.: Меньше повезло сейчас, больше — в следующий раз; русский аналог: Худое видели, хорошее увидим) значения компаративов *better* — *worse* отражают «рационалистические оценки» телеологического типа.

Далее рассмотрим антонимические корреляции, состоящие из суперлативов *best* — *worst*. По данным толковых слова-

рей в семантической структуре суперлатива *best* выделяется 3 ЛСВ: «высочайшего качества»; «подходящий», «пригодный»; «наибольший». В семантическую структуру его антипода *worst* включены 6 ЛСВ: «самого низкого качества»; «неудовлетворительный»; «неблагоприятный»; «плачевный»; «неприятный»; «неквалифицированный». Исходя из этих данных, рассчитаем КССП для данной пары: $(2 \times 2) \div (6 + 3) = 4 \div 9 \approx 0,4$. Однако, если принять во внимание, что в ряде словарей (например, НБАРС [7]) кроме указанных выше значений, у данных суперлативов отмечаются также значения, производные от соответствующих экстенсивных форм (*good — bad*), есть основания полагать, что количество возможных антонимических противопоставлений значительно больше.

Семантическая симметричность обозначаемых качеств, относящихся к единой шкале оценок, наблюдается в корреляции *best — worst* в составе таких паремий, как *The best things are worst to come by* (досл.: Самые лучшие вещи — самые плохие, которые можно приобрести; русский аналог: От добра добра не ищут) и *The best or worst thing to man for this life is good or ill choosing his good or ill wife* (досл.: Самая лучшая или самая худшая вещь в жизни мужчины — хороший или плохой выбор хорошей или плохой жены; русский аналог: Хорошая жена — веселье, а худая — злое зелье). В данных случаях можно констатировать соразмерность семных структур членов корреляции *best — worst*, поскольку в них противопоставляются характеристики качества одного субъекта, и оценочные смыслы определяются по шкале «рационалистических оценок». В семантическом диапазоне этой оппозиции оказывается гиперонимическая сема «качество» и дифференциальные семы «высокая степень качества» и «низкая степень качества». Более глубокий анализ соотносимых семем обнаруживает симметричность противопоставляемых уточняющих сем, релевантных с точки зрения носителя языка.

В таких примерах, как *We are usually the best men when in the worst health* (досл.: Самыми хорошими людьми мы обычно бываем, когда у нас самое плохое здоровье) и *The worst hog often gets the best pear* (досл.: Худшая свинья часто получает лучшую грушу; русский аналог: Дуракам — счастье), наблю-

дается смысловая асимметричность оппозиции. В первой из указанных выше пословиц частнооценочные характеристики объекта «*men*», обозначаемые суперлативом *best*, относятся к группе «абсолютных оценок», точнее, к ее разновидности этических оценок, поскольку представление носителей языка о самых положительных чертах характера людей связано с их высокими моральными качествами. Суперлатив *worst* определяет качество объекта «*health*» по шкале «рационалистических оценок». Такое несовпадение частнооценочных значений членов рассматриваемой корреляции ведет к различиям в количестве уточняющих сем и асимметричности семантического диапазона данной пары. Во второй пословице антонимичные суперлативы *best* — *worst* также употребляется для характеристики семантически разнородных объектов. Анализ частнооценочных характеристик, отражающих типичные представления носителей языка о «самой плохой свинье» (*the worst hog*) и о «самой хорошей груше» (*the best pear*), обнаруживает их принадлежность к разным группам оценок: *the worst hog* — «рационалистических», а *the best pear* — «сенсорных». Таким образом, на основании вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что члены оппозиции *good* — *bad* не относятся к числу семантически полных антонимов, поскольку КССП ни одного из рассмотренных грамматических вариантов не составляет 1.

Во всех рассмотренных выше вариантах оппозиции *good* — *bad* полярная противоположность их членов обнаруживается при сопоставлении качественных признаков их семантики, то есть при сохранении значимости семантической темы «оценки качества» в различных ЛСВ, образующих семантические структуры прилагательных *good* — *bad*. Выбирая данную тему в качестве точки отсчета, мы получаем возможность наблюдения над расширением семантических (смысловых) границ прилагательных *good* — *bad*, что, в свою очередь, указывает на связи их ЛСВ и экспрессивных синонимов.

Анализ семантических структур членов оппозиции *good* — *bad*, проведенный с учетом описанной выше классификации, показывает, что все постулируемые в ней типы оценки могут быть представлены ЛСВ, входящими в состав этих структур.

Он также подтверждает тезис Е. М. Вольф о том, что «являясь общеоценочными словами, прилагательные *good* — *bad* представляют целый спектр признаков, связанных с оценкой» [3: 64]. Выбор шкалы оценки определяется для каждого конкретного случая и зависит от оценочных стереотипов носителей языка.

Анализ семных структур членов рассматриваемой оппозиции *good* — *bad* показывает, что в образуемом ими семантическом диапазоне противопоставляются не только антонимичные дифференциальные семы «положительное» и «отрицательное», уточняющие интегральную сему «качество», но и другие компоненты, в частности, характеристики семантического диапазона зависят от лексического окружения членов оппозиции антонимов *good* — *bad*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
4. Иванова В. А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.
5. Комиссаров В. Н. Словарь антонимов современного английского языка. М., 1964.
6. Кусковская С. Ф. Русские пословицы и поговорки с соответствиями в английском языке. Минск, 1992.
7. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / под. общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. М., 2001.
8. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008.
9. Devlin J. A Dictionary of Synonyms and Antonyms. N. Y., 1987.
10. Random House Webster's Unabridged Dictionary. N. Y., 2001.
11. Smith S. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford, 1963.
12. The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. N. Y., 2007.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ДИСКУРСА И АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

<i>Бабенко Л. Г.</i> Коммуникативное пространство художественного текста в свете теории речевых жанров.....	3
<i>Дудорова М. В.</i> Проблема интерпретации поэтического текста в аспекте пространственных категорий	18
<i>Казарин Ю. В.</i> Имя книги как единица парадигмы классифицирующего типа	25
<i>Кутяева У. С.</i> Прецедентные фольклорные феномены в творчестве Н. В. Коляды	35
<i>Мухин М. Ю., Цыганов Т. В.</i> Новый взгляд на категорию вопросительности: вопросно-ответные сервисы в Интернете.....	40
<i>Панишева М. В.</i> Поэтическая картина мира в отражении лексической статистики	48
<i>Перминова Л. Ю.</i> Концепт «Сознание» в творчестве В. О. Пелевина	56
<i>Спасская К. М.</i> Пространственная лексика в поэтическом тексте: лексика со значением Родины в поэзии И. Северянина.....	64
<i>Соковина В. В.</i> Языковая игра в современной литературе нонсенса (на примере рассказа Дж. Леннона).....	69

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ СЛОВА

<i>Ахманаева Н. А.</i> Отображение ситуации речевого сообщения с помощью пространственной метафоры	75
<i>Воронина Т. М.</i> «Верх» и «Низ» в современном русском языке: лексическая семантика и концептуальное содержание	80
<i>Гасенигер Е. Е.</i> Семантический анализ синонимического ряда с доминантой «Дар»	87
<i>Карпова А. А.</i> Лингвокультурные особенности устойчивых сравнений с компонентом «человек по профессии, роду занятий» (в русском и французском языках).....	94
<i>Кусова М. Л.</i> «Дума» и «Мысль» в языковом сознании носителя русского языка	101
<i>Мухина И. К.</i> Современные аспекты изучения национально-культурной семантики	106
<i>Плотникова А. М.</i> Концепты и семантические классы слов	117
<i>Самойлова А. А.</i> Дискурсивные особенности семантики прилагательных денотативной сферы «Спорт» (на материале футбольных и хоккейных журналов).....	114
<i>Скородумова И. К.</i> Особенности семантизации слов в словаре вокативов русского языка.....	138
<i>Слаутина М. В.</i> Оппозитивные концепты в идеографических словарях.....	147
<i>Уторов А. А.</i> Диффузность семантики оценочного прилагательного исключительный	152
<i>Царегородцева Н. В.</i> Семантические корреляции антонимов good — bad в составе английских паремий.....	158

Научное издание

Новые подходы к изучению семантики

*Материалы межвузовской научной конференции
6 марта 2012 г.,
Екатеринбург*

Редакторы *Т. М. Соколова*
Подготовка оригинал-макета *М. В. Первоцветова*
Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Издательство Уральского университета
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрФУ»
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Подписано в печать 10.12.2012. Формат 84 x 108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 100 экз. Заказ